

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ЭКОНОМИКА

Tomsk State University Journal of Economics

Научный журнал

2022

№ 57

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–29495 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44047 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

А.В. Ложникова (Томск, Россия) –
главный редактор, ответственный секретарь
Р.А. Эльмурзаева (Томск, Россия) –
заместитель главного редактора
Н.В. Додонова (Томск, Россия) –
секретарь редакции
Д.М. Хлопцов (Томск, Россия)
Е.В. Нехода (Томск, Россия)
А.А. Земцов (Томск, Россия)
Н.И. Кичко (Томск, Россия)
И.В. Муравьев (Томск, Россия)
Т.В. Счастливая (Томск, Россия)
Е.А. Пчелинцев (Томск, Россия)
М.А. Сорокин (Томск, Россия)
А.Л. Богданов (Томск, Россия)

*Editorial Board
of Tomsk State University
Journal of Economics*

A.V. Lozhnikova (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief, Executive Editor
R.A. Elmurzaeva (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
N.V. Dodonova (Tomsk, Russia) –
Editorial Secretary
D.M. Khloptsov (Tomsk, Russia)
E.V. Nekhoda (Tomsk, Russia)
A.A. Zemtsov (Tomsk, Russia)
N.I. Kichko (Tomsk, Russia)
I.V. Muravyov (Tomsk, Russia)
T.V. Schastnaya (Tomsk, Russia)
E.A. Pchelintsev (Tomsk, Russia)
M.A. Sorokin (Tomsk, Russia)
A.L. Bogdanov (Tomsk, Russia)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Экономика»*

М.А. Боровская (Москва, Россия)
М.И. Зверяков (Одесса, Украина)
В.Н. Шимов (Минск, Беларусь)
С.Ф. Серегина (Москва, Россия)
Ф. Хуберт (Берлин, Германия)
Э. Дрансфельд (Дортмунд, Германия)
С.В. Чернявский (Москва, Россия)
И.К. Шевченко (Ростов-на-Дону, Россия)
Роберто Бруни (Кассино, Италия)
С.А. Жиронкин (Томск, Красноярск,
Кемерово, Россия)
И.В. Розмаинский (Санкт-Петербург,
Россия)
С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)
В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)
С.Н. Левин (Москва, Россия)

*Editorial Council
of Tomsk State University
Journal of Economics*

M.A. Borovskaya (Moscow, Russia)
M.I. Zveryakov (Odessa, Ukraine)
V.N. Shimov (Minsk, Belarus)
S.F. Seregina (Moscow, Russia)
F. Hubert (Berlin, Germany)
E. Dransfeld (Dortmund, Germany)
S.V. Chernyavskiy (Moscow, Russia)
I.K. Shevchenko (Rostov-on-Don, Russia)
R. Bruni (Cassino, Italy)
S.A. Zhironkin (Tomsk, Krasnoyarsk,
Kemerovo, Russia)
I.V. Rozmainsky (Saint Petersburg,
Russia)
S.G. Kirdina-Chandler (Moscow, Russia)
V.A. Kryukov (Novosibirsk, Russia)
S.N. Levin (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДОЛОГИЯ

Развадовская Ю.В., Каплюк Е.В., Руднева К.С., Черняк М.Э. Институт кооперации: эволюция и современные перспективы	6
Усова Н.В. Синергия развития системы цифровых услуг	22
Чернявский С.В., Палт М.В., Чернявский В.С., Астахова И.А. Учет природных условий добычи как основа оценки эффективности деятельности предприятия	36
Дорофеев М.Л. Современная концепция регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств	45

МАКРОРЕГИОН СИБИРЬ

Макурина Ю.А., Прокопьев К.О. Направления развития сельского туризма на территории Новосибирской области.....	61
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Диденко Д.В. Пространственное неравенство в формировании человеческого капитала в основных макрорегионах России (конец XIX – начало XX в.)	77
---	----

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Дымова И.А., Нехода Е.В. Тенденции развития занятости в современной экономике	102
--	-----

ФИНАНСЫ

Агзамова А.В., Заборовская А.Е. Налоговые способы поддержки бизнеса в России в период коронавируса	119
Земцов Т.А., Сорокин М.А. Оценка рисков в риск-ориентированных проверках подразделениями внутреннего аудита	129
Степанова М.Н., Морозова М.С. Страхование как инструмент снижения финансовых рисков, связанных с поствакцинальными осложнениями	145

МЕНЕДЖМЕНТ

Казакова М.И., Шурмина Т.В. Квиз в практике прелиминаринга в организациях малого бизнеса: исследование на примере кадровых агентств	162
Damiran S., Dorjdagva O., Sukhbaatar B. The efficiency of the healthcare sector: Evidence from Mongolia	175
Nwani O.Ch., Okolie U.Ch. The role of leadership in workplace diversity management	192

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Степанов Н.С. Институциональное развитие Северного морского пути в рамках модернизации экономики России	202
--	-----

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Каз М.С. Опыт формирования территориального бренда и границы метода	211
--	-----

CONTENTS

METHODOLOGY

Razvadovskaya Yu.V., Kaplyuk E.V., Rudneva K.S., Chernyak M.E. Institute of cooperation: Evolution and modern perspectives	6
Usova N.V. The synergy of the development of the digital services system	22
Chernyavskiy S.V., Palt M.V., Chernyavskiy V.S., Astakhova I.A. Accounting for natural mining conditions as the basis for evaluating the effectiveness of the enterprise	36
Dorofeev M.L. Development of the modern concept of regulation of socio-economic inequality of households	45

SIBERIA MACRO-REGION

Makurina Yu.A., Prokopyev K.O. Development of rural tourism in Novosibirsk Oblast	61
--	----

ECONOMIC HISTORY

Didenko D.V. Spatial inequality in human capital formation in Russia's main macroregions (late 19th – early 20th centuries)	77
--	----

LABOUR ECONOMICS

Dymova I.A., Nekhoda E.V. Trends in employment development in the modern economy	102
---	-----

FINANCE

Agzamova A.V., Zaborovskaya A.E. Tax-related ways to support business in Russia during the coronavirus period	119
Zemtsov T.A., Sorokin M.A. Risk assessment in risk-oriented audits by internal audit units	129
Stepanova M.N., Morozova M.S. Insurance as a tool to reduce financial risks associated with postvaccinal complications	145

MANAGEMENT

Kazakova M.I., Shurmina T.V. The quiz in the practice of preliminary training in small business organizations: A study on the example of recruitment agencies	162
Damiran S., Dorjdagva O., Sukhbaatar B. The efficiency of the healthcare sector: Evidence from Mongolia	175
Nwani O.Ch., Okolie U.Ch. The role of leadership in workplace diversity management	192

WORLD ECONOMY

Stepanov N.S. Institutional development of the Northern Sea Route within the framework of Russian economy modernization	202
--	-----

DISCUSSIONS

Kaz M.S. Experience in the formation of a territorial brand and the boundaries of the method	211
---	-----

Методология

Научная статья
УДК 334.73
doi: 10.17223/19988648/57/1

Институт кооперации: эволюция и современные перспективы

Юлия Викторовна Развадовская¹, Екатерина Валерьевна Каплюк²,
Кристина Сергеевна Руднева³, Михаил Эдуардович Черняк⁴

^{1, 2, 3} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

⁴ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, chernyak.mihail@bk.ru

¹ yuliyaraz@yandex.ru

² ekapluk@gmail.com

³ legostaevakristina@rambler.ru

Аннотация. В статье с позиции эволюционного подхода исследуется история развития кооперативных форм хозяйствования с учетом экономических, социальных и правовых особенностей их функционирования. на основе отечественного и зарубежного опыта. Исследование исторического развития кооперации проведено с использованием архивных данных, что позволило выявить этапы развития кооперации, институциональную среду. Авторы рассматривают институт кооперации с позиции концепции поляризованного развития, выдвигая предположение о том, что кластеры в современной экономике повторяют функции кооперативов. Также в статье на базе метода картирования производится графическое представление кооперативов и кластеров (на основе архивных статистических данных: по их числу и основным показателям деятельности по экономическим районам, краям и областям), что позволило выявить точки концентрации в экономическом пространстве.

Ключевые слова: точки роста, концепция поляризованного развития, региональное развитие, кластеры, кооперативы, кооперативные принципы, картирование

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07137 мк.

Для цитирования: Развадовская Ю.В., Каплюк Е.В., Руднева К.С., Черняк М.Э. Институт кооперации: эволюция и современные перспективы // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 6–21. doi: 10.17223/19988648/57/1

Methodology

Original article

Institute of cooperation: Evolution and modern perspectives

Yulia V. Razvadovskaya¹, Ekaterina V. Kaplyuk²,
Kristina S. Rudneva³, Mikhail E. Chernyak⁴

^{1, 2, 3} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

⁴ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, chernyak.mihail@bk.ru

¹ yuliyaraz@yandex.ru

² ekapluk@gmail.com

³ legostaevakristina@rambler.ru

Abstract. The article examines the history of the development of cooperative forms of management from the standpoint of an evolutionary approach, taking into account the economic, social and legal features of their functioning on the basis of domestic and foreign experience. The historical development of cooperation was explored using archival data, which made it possible to identify the stages of development of cooperation, the institutional environment. The authors consider the institution of cooperation from the perspective of the concept of polarized development, suggesting that clusters in the modern economy repeat the functions of cooperatives. As part of the study, the authors carried out a historical analysis of foreign and domestic experience in the development of the institution of cooperation: the historical stages of development in Russia from 1831 to the present are highlighted: the first stage, 1831–1917; the second stage, 1917–1990; the third stage, 1991 to the present. On the basis of the analysis and systematization of archival data, the authors compared the development of the cooperative movement and the scale of returns from their activities, including on the basis of a study of statistical indicators that were demonstrated by commercial and industrial cooperation. The types and functions of cooperatives in world practice are considered, their role is determined in accordance with the mission of the International Cooperative Alliance. The authors investigated the legislation of the Union of Soviet Socialist Republics and the Russian Federation in terms of defining the essence and regulation of the activities of cooperatives, which made it possible to identify the difference between the modern form of cooperatives and the historically established one. The authors conclude that entrepreneurs use the modern form of cooperatives in Russia as a tool to reduce the tax burden, and not as a tool for organizing activities, which has confirmed its effectiveness in domestic and world practice. On the basis of archival data, a sample of the subjects of the RSFSR, leading in the number of cooperatives and in the volume of products sold by cooperatives, was made, which formed the basis for mapping. In the article, based on the mapping method, a graphical representation of cooperatives and clusters is made as a modern heir to the cooperative movement (based on archival statistical data: by their number and main indicators of activity by economic regions, territories and regions), which made it possible to identify concentration points in the economic space on the modern map of Russia (Republic of Tatarstan, Chelyabinsk Oblast, Altai Krai, Moscow).

Keywords: growth points, concept of polarized development, regional development, clusters, cooperatives, cooperative principles, mapping

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-29-07137 mk.

For citation: Razvadovskaya, Yu.V., Kaplyuk, E.V., Rudneva, C.S. & Chernyak, M.E. (2022) Institute of cooperation: Evolution and modern perspectives. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 6–21. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/1

Кооперация в координатах концепции поляризованного развития

В настоящее время мировая экономика находится в сложных условиях, вызванных пандемией коронавируса, что вызывает перманентный поиск новых источников экономического роста, в том числе факторов и условий регионального развития. При этом возрастает научная значимость концепции поляризованного развития, в основе которой лежат результаты исследования ряда научных школ, рассматривающих поляризацию в различных аспектах: размещения производства, инновационного развития, распределения населения и др., что обуславливает рассмотрение теоретических подходов к исследованию точек роста регионального развития.

Современный научный ландшафт характеризуется большим числом исследований, посвященных проблемам поиска точек роста систем мезоуровня, принципов концентрации ресурсов и каналов их распространения. В основе концепта поляризованного развития лежит общая теория размещения Августа Леша, построенная на частных результатах теории И. Тюнена, М. Вебера, В. Кристаллера, Л. Вальраса, но значительно расширенная.

Таблица 1. Теоретическая база концепции поляризованного развития

Авторы	Теория	Содержание
А. Леш [1]	Общая теория размещения	Исследовал проблемы формирования экономических регионов, с учетом рационального предела концентрации и территориального разделения труда
Ф. Перру [2]	Теория полюсов роста	Ввел в научный оборот термин «полюс роста», под которым понимаются сконцентрированные на определенной территории быстрорастущие отрасли, оказывающие эффект на развитие других отраслей. Также Ф. Перру предложил искусственное создание точек роста путем размещения инновационных предприятий на отстающих в развитии территориях
Ж. Будвилль (ученик Ф. Перру) [3]		Ж. Будвилль выделил элементы полюса роста – лидирующая отрасль, отрасли местного значения (в рамках особенностей климата, территориального расположения и др.), пространственная агломерация
П. Потье [4]	Теория осей роста	В развитие теории полюсов роста П. Потье выдвинул предположение о том, что между полюсами роста формируется инфраструктура (например, логистическая), образуя оси развития территории
Х.Р. Ласуэн [5]	Теория экспортного потенциала	Х.Р. Ласуэн связывал понятие полюса роста с экспортной деятельностью в рамках кластера, который может быть расположен в одном или нескольких регионах

Авторы	Теория	Содержание
Х. Ричардсон [6]	Теория городской агломерации	Полюсами роста являются города, в которых сконцентрирована производственная деятельность, стимулирующая технический прогресс и производительность труда
Дж. Фридман [4]	Теория «центр – периферия»	Экономический рост концентрируется в городах, выступающих ядрами роста, влияющих на большую территорию – периферию
Т. Хэгерstrand [7]	Теория диффузии инноваций	Полюса роста становятся точками инновационного развития, распространяясь на периферийные территории, оказывая положительное влияние на социально-экономическое развитие отсталых территорий
Г. Хирш [8]	Модель «вулкан»	Г. Хирш в рамках модели определял, что крупные городские агломерации производят импульсы инновационной деятельности за счет развитой промышленности и научного сектора и распространяются на периферию
Дж. Харрис [9]	Теория потенциала рынка	Теория утверждает о стремлении предпринимателей размещать производства на территориях с доступом к рынку, т.е. в развитых промышленных регионах
П. Кругман, П. Ромер, Р. Фиани [10]	Теория агломерации	Агломерация производственной деятельности, ее неравномерное распределение ведут к неравномерному развитию регионов
Дж. Эллисон, Е. Глэйзер, Т. Холмс, Д. Дэвис, Д. Вайнштайн [11, 12]	Теория случайного роста	Возникновение агломераций объясняется случайными шоками, и при размещении заводов вне зависимости от географических преимуществ концентрация будет возникать случайно
М. Портер [13]	Теория кластеров	М. Портер в рамках кластерной теории рассматривал точки роста – полюсы конкурентоспособности – кластеры, группы взаимосвязанных предприятий (производителей, поставщиков, и др.), сконцентрированных на одной территории

В настоящее время происходит непрерывный поиск и появление новых форм организации экономического пространства – кластеры (промышленные, научно-технологические, научно-образовательные, территориальные, социальные и др.), консорциумы, интегрированные бизнес-группы, виртуальные организации, которые по большей части основаны на той или иной форме кооперации. В то же время в мировом научном поле возвращается интерес к кооперативам как формам пространственного развития, эволюции кооперативного движения и его наследия, в том числе изучения эффектов от их развития на различных исторических этапах, в различных экономических условиях. Такой интерес не случаен: на долю промысловой кооперации приходилось 65–70 % производства металлической посуды; 45 % производства ножей, вилок и других изделий для кухни; 40 % производства мебели; 40 % трикотажных изделий; 20 % черных металлов. Как отмечает Л.А. Самсонов: «Успехи промысловой кооперации не случайны.

Они базировались на серьезном развитии научных исследований. Функционировало два научно-исследовательских института с 3 000 научных сотрудников, 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальные базы [14]». Заслуживающими внимания выглядят статистические данные в части разработки технологий: в 1954 г. научно-исследовательские и экспериментальные предприятия подготовили 1 700 научных и технических разработок для кооперативной промышленности по важнейшим вопросам производства, в то время как динамический ряд разработанных передовых производственных технологий по *всем* видам экономической деятельности в целом по РФ имеет следующий вид: 2017 г. – 1 402 ед., 2018 г. – 1 565 ед., 2019 г. – 1 620 ед., 2020 г. – 1 989 ед. Также в 1954 г. было внедрено 77 тыс. рационализаторских предложений, ежегодно 150 тыс. инженерно-технических работников готовились для промысловой кооперации [14].

Эволюция института кооперации: отечественный и зарубежный опыт

Институт кооперации стал успешной формой не одномоментно, в связи с чем научную актуальность приобретает исследование его эволюции. Укрупненно можно выделить три этапа развития кооперативного движения в России: первый этап – зарождение кооперации при царском правительстве в условиях капиталистических отношений; второй этап – становление кооперации в условиях социализма; третий этап – возрождение кооперативных форм в условиях формирования демократии [15].

Первый этап. Декрет 20 марта 1919 г. о Потребительских коммунах [16] вызвал большие перестройки в структуре хозяйствования и сводился к следующему:

1. Кооперация становится обязательной и общенародной организацией, охватывающей поголовно все население республики.
2. Кооперация делалась единым распределительным органом, поглощавшим все существовавшие до этого государственные и частные лавки и распределители.
3. Устанавливалась обязательная схема кооперативного строительства.
4. Кооперация во многом ставилась в подчиненное положение по отношению к государственным органам.
5. Рабочая кооперация временно сохраняла относительную самостоятельность.

Второй этап. Декрет 27 января 1920 г. [16] упростил кооперативные организации: создал единую кооперацию, объединив в ней все отдельные виды – сельскохозяйственную, кустарно-промысловую, кредитно-ссудосберегательную и потребительскую. Последняя стала доминирующей.

В период 1985–1990 гг. проводилась комплексная государственная политика, направленная на ускорение темпов социально-экономического развития. В Законе Союза Советских Социалистических Республик «О кооперации в СССР» [18] отмечен высокий потенциал кооперации, возрастание ее роли в социально-экономическом развитии, демократизации, удо-

влетворении потребностей народного хозяйства и потребителей. Формирование законодательной базы, описывающей сущность, задачи и роль кооперативов, привело к возникновению большого числа финансово-промышленных групп в ключевых отраслях промышленности» [19].

Таблица 2. Эволюция института кооперации в России [17]

Этап	Временной период	Характеристика
Первый этап	1831–1917 гг.	Возникновение первого потребительского кооператива в России (Большая артель декабристов), устав которого утвержден в марте 1831 г., что и считается исторической датой зарождения кооперации России. Характерны следующие черты: появление сельских потребительских обществ; зарождение совхозного строительства; развитие рабочей кооперации, появление независимых обществ
	1917–1921 гг.	Военный коммунизм. Все виды распределения были централизованы в потребительских обществах, которые трансформировались в монопольные государственные распределительные организации
Второй этап 1917–1990 гг.	1921–1926 гг.	Новая экономическая политика. Кооперация рассматривалась как наилучшая социальная форма распределения. В 1922 г. государственная промышленность создала оптовые и розничные торговые организации «Торги» (на основе гос. финансирования), заменившие частную оптовую торговлю в городах
	1926–1929 гг.	Ускорение темпов индустриализации. Государственная оптовая и розничная торговля поощрялась. Существование частной торговли стало невозможным за счет разрушительного налогового обложения, административных мероприятий, таких как запрещение открытия новых магазинов, возобновление патентов на старые. За этот период госторговля стала на ноги фактически во всех городах Советского Союза
	1928–1932 гг.	Первая пятилетка. Напряжение материальных и человеческих ресурсов страны. Выполнение гигантских задач в промышленности и в области распределения при наличии минимума средств и недостаточно подготовленных кадров привело к широкому использованию различных методов принуждения
	1933–1935 гг.	Вторая пятилетка. Новое распределение функций между кооперативной и государственной торговлей. Коммунистическая партия решила ликвидировать кооперативы и передать их функции госторговле. Кооперативы были реорганизованы в Отделы Рабочего Снабжения и подчинены фабрично-заводским организациям. Кооперативное движение – тормоз на пути развития розничной торговли, что обусловило ее ликвидацию в городах и крупных промышленных центрах, а его функции, материальные и финансовые ресурсы были переданы в систему государственной торговли

Этап	Временной период	Характеристика
	1960–1985 гг.	Прекращение деятельности промысловых кооперативов. Функционирование двух кооперативных форм: потребительское общество и колхоз
	1985–1990 гг.	Стимулирование темпов социально-экономического развития, в том числе развитие частного предпринимательства. Появление кооперативов в сфере производства и услуг. Правовое регулирование осуществлялось путем принятия ряда постановлений, определяющих роль кооперативов в удовлетворении потребностей населения
Третий этап	1991 г. по н.в.	Смена социалистических отношений капиталистическими. Становление института частной собственности, в том числе кооперативов

В системе социалистической кооперации было определено функционирование кооперативов двух типов: производственные и потребительские. Производственные кооперативы осуществляют производство товаров, продукции, работ, а также предоставление платных услуг предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам.

В законе отмечено проведение активной социальной политики как важнейшее направление деятельности кооперативов, которая реализует через такие механизмы, как совершенствование условий труда, развитие кооперативного жилищного строительства, строительство жилых домов, детских дошкольных учреждений, объектов социального назначения, в том числе на правах долевого участия или аренды.

Также в законе была закреплена роль кооперативов в экономическом стимулировании научно-технического прогресса: «деятельность кооператива в области научно-технического прогресса должна быть направлена на производство продукции (работ, услуг), обладающей конкурентоспособностью на рынке», что дает им право пользоваться наравне с предприятиями и организациями государственного сектора на договорной основе результатами работ академических и отраслевых научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических институтов.

С учетом определяющей роли кооперативов в научно-техническом прогрессе описано, что главенствующим требованием в оценке результатов деятельности кооператива является качество продукции при строгом соблюдении государственных стандартов и норм (в области защиты здоровья людей, защиты окружающей среды). В период освоения новой продукции высокого качества, связанной с повышенными издержками производства, кооперативу могли быть предоставлены льготы по уплате налогов с его доходов.

Необходимо отметить опыт Китая в области стимулирования экономического роста путем смены формы собственности. В 1980 г. началась выдача лицензий для деятельности семейных компаний, в которых производство, сбыт и проживание семьи происходило на единой территории. К 1984 г. было выдано 82 000 лицензий семейным компаниям, а с учетом незарегистрированных компаний их число оценивается в 133 000. Они

концентрировались на производстве мелких изделий: пуговицы, булавки, пакеты, ремни для часов, бумажная продукция и др. Закон о семейных предприятиях предполагал, что в семейных предприятиях может участвовать не более 7 человек, что накладывало серьезное ограничение на развитие этого типа хозяйствования по причине запрета наемного труда. В связи с этим в 1984 г. появилось первое производство с акционерно-кооперативной формой собственности, Ouhai Mountaineering Boot Factory (включающая 26 семейных предприятий), представленная как социалистическое предприятие. Социальная функция была определена в виде передачи четверти годовой прибыли всем сотрудникам кооператива в обмен на право предпринимателей нанимать сотрудников без ограничений. Опыт создания первого акционерного кооператива повлек бурный экономический рост района, что вызвало дальнейшее тиражирование данной модели. В 1987 г. был принят «Свод правил для акционерных кооперативов», а к концу 1980-х гг. 20 тыс. акционерных кооперативов формировало 2/5 промышленного производства провинции, и в последующем ВРП Вэньчжоу вырос в 6 раз. Опыт Китая показал, что появление новой формы собственности может привести к взрывному экономическому росту [20].

Третий этап. По данным Международного кооперативного альянса, кооперативы представляются в качестве ассоциативных добровольных объединений с целью удовлетворения определенных потребностей. Несмотря на то, что первые кооперативы появились более 150 лет назад, на сегодняшний день сохранились исторически сложившиеся базовые принципы: демократия, социальная ответственность и равенство. Особое место занимает принцип равенства «один человек – один голос», что позволяет членам иметь равные права вне зависимости от размера капитала, который они вкладывают в рамках кооперации.

Необходимо отметить социальную функцию кооперативов, которая декларирует общую идеологию – построение лучшего мира на основе кооперации за счет создания устойчивых предприятий, обеспечивающих долгосрочные рабочие места и процветание. По состоянию на 2020 г. Международный кооперативный альянс объединяет более 300 крупнейших кооперативов с общим оборотом более 2 146 млрд долл. США. Осуществляет деятельность Международная организация промышленных и обслуживающих кооперативов, объединяющая 49 членов из 32 стран по всему миру, имея две региональные организации (Европейская и Американская).

По данным 9-го отчета, проводимого Международным кооперативным альянсом в рамках «Всемирного мониторинга кооперативов» (Exploring the Cooperative economy, Report 2020), по объему товарооборота большинство крупных кооперативов и взаимных компаний в рейтинге топ-300 входят наиболее промышленно развитые страны, такие как США (74 предприятия), Франция (44 предприятия), Германия (30 предприятий), Япония (24 предприятия), Нидерланды (17 предприятий) и Италия (12 предприятий).

В настоящее время определенная сущность кооператива Гражданским кодексом РФ не соответствует общепринятому пониманию во всем мире.

Согласно Гражданскому кодексу РФ кооператив понимается как некоммерческая корпоративная организация, которая может существовать в двух формах – потребительской и производственной. Согласно Федеральному закону от 08.05.1996 № 41-ФЗ (в редакции от 31.07.2020 г.) «О производственных кооперативах»: «Производственным кооперативом (артелью) (далее – кооператив) признается добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной и иной хозяйственной деятельности, основанной на их личном трудовом и ином участии и объединении его членами (участниками) имущественных паевых взносов» [22]. Закон РФ от 19.06.1992 г. № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» определяет правовые, экономические и социальные основы создания и деятельности потребительских обществ и их союзов, составляющих потребительскую кооперацию Российской Федерации [23]. В рамках законодательного акта описано, что потребительская кооперация реализуется за счет системы организаций потребительской кооперации, которыми, в свою очередь, являются потребительские общества, союзы потребительских обществ, а также учреждения, хозяйственные общества и иные юридические лица, учредителями которых выступают потребительские общества и союзы, т.е. потребительский кооператив как самостоятельная форма не упоминается. Согласно Гражданскому кодексу РФ потребительским кооперативом признается основанное на членстве добровольное объединение граждан или граждан и юридических лиц в целях удовлетворения их материальных и иных потребностей, осуществляемое путем объединения его членами имущественных паевых взносов [24].

Таблица 3. Субъекты РСФСР, лидирующие по числу кооперативов и по объему реализованной продукции, произведенной кооперативами [26]

№	Субъект – лидер по объему реализованной продукции, произведенной кооперативами	Субъект – лидер по числу кооперативов
1	г. Москва	г. Москва
2	Тверская область	Краснодарский край
3	Московская область	Ростовская область
4	Тюменская область	Московская область
5	Башкирская ССР	Тюменская область
6	Ростовская область	Свердловская область
7	Челябинская область	Красноярский край
8	Свердловская область	Татарская ССР
9	Краснодарский край	Новосибирская область
10	Новосибирская область	Челябинская область

На основании проведенного теоретического исследования в части роли кооперативов в экономическом развитии можно сформулировать предположение, в соответствии с которым функциональные характеристики кооперативных объединений в настоящее время интегрированы в деятельность кластерных объединений. Сопоставление статистических данных о центрах

производственной кооперации в РСФСР в 1990 г. с современной картой промышленных кластеров позволяет подтвердить, что современные центры промышленного роста сосредоточены в точках концентрации кооперативов, возникших в результате комплексной государственной политики, направленной на ускорение темпов социально-экономического развития.

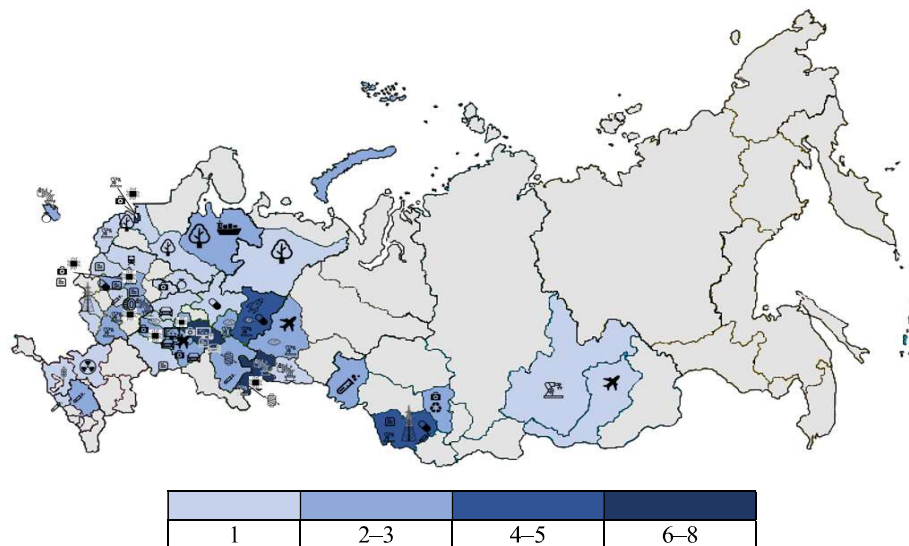

Рис. 1. Карта современного расположения кластеров¹

Сопоставление статистических данных концентрации числа кооперативов, объемов реализованной продукции, произведенной кооперативами, и кластеров позволило выделить точки промышленной кооперации, которые сохраняют свою территориальную концентрацию с 1991 г. В результате картирования можно выделить области, в которых в 1991 г. отмечается высокая концентрация кооперативов, а в современном периоде – высокая концентрация кластеров. К таким регионам относятся Республика Татарстан: 3 101 кооператив и 8 (максимальное значение) кластеров, Челябинская область: 2 945 кооперативов и 7 кластеров, Алтайский край: 2 710 кооперативов и 5 кластеров, г. Москва: 12 327 кооперативов и 5 кластеров.

Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что точки роста промышленности, сформированные в советский период, продолжают концентрировать промышленное производство на тех же территориях, но в форме кластеров, как современного преемника кооперативов. В современной экономике представлено большое количество кооперативов: число действующих производственных кооперативов в РФ согласно базе РосЕГРЮЛ.ру – 14, число действующих производственных кооперативов (артелей) в РФ согласно

¹ Разработано авторами по материалам исследования.

базе РосЕГРЮЛ.ру – 67 (наибольшая концентрация кооперативов в Московской (20) и Свердловской (13) областях), наибольшее число кооперативов в Российской Федерации относится к организационно-правовой форме «Производственные кооперативы (кроме сельскохозяйственных производственных кооперативов)» – 434 действующих кооперативов.

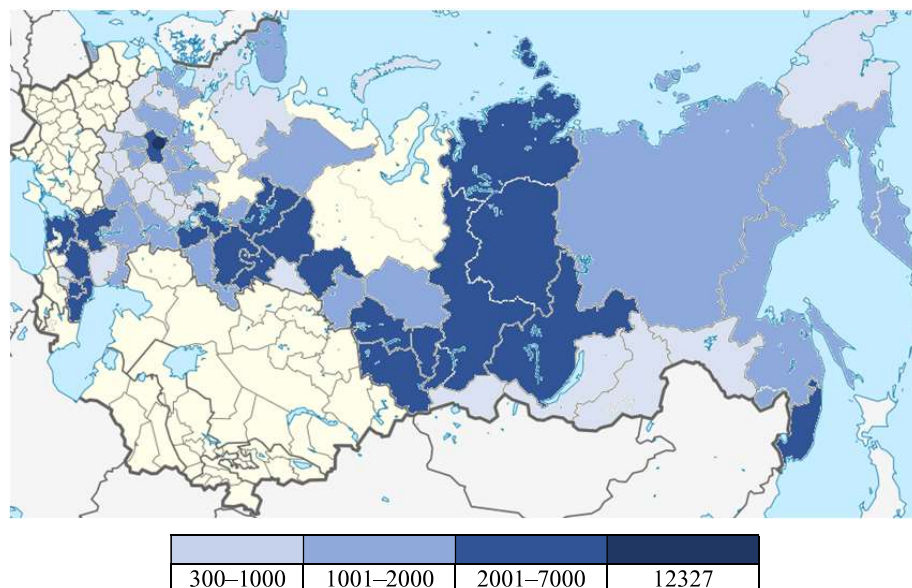

Рис. 2. Карта концентрации кооперативов по данным на 1 января 1991 г.¹

Тем не менее необходимо отметить, что на сегодняшний день форма кооперативов в России отличается от исторически сложившейся и используется по большей части как инструмент снижения налоговой нагрузки предпринимателя, хотя именно она на протяжении своего становления показала свою эффективность как в отечественной, так и в мировой практике.

Приложение 1. Основные показатели деятельности кооперативов по экономическим районам, республикам, краям и областям на 1 января 1991 г.²

Субъект	Число действовавших кооперативов	Численность работавших в них, тыс. чел.	Объем реализованной продукции, млн руб.
РСФСР	134594	3512,3	42801,3
Северный район	5381	123,3	1601,5
Архангельская область	956	23,8	171,2

¹ Разработано авторами по материалам исследования.

² Данные для картирования собраны на основе статистического ежегодника «Народное хозяйство РСФСР в 1990 году». URL: <https://istmat.info/node/15863>

Субъект	Число действовавших кооперативов	Численность работавших в них, тыс. чел.	Объем реализованной продукции, млн руб.
Мурманская область	1243	21,5	236,6
Карельская АССР	950	14,0	224,1
Коми ССР	1320	39,6	664,6
Северо-Западный район	9025	268,8	3358,8
Ленинградская область	1885	44,7	476,0
Новгородская область	708	20,2	186,0
Псковская область	691	18,0	206,1
Центральный район	29110	826,4	11729,9
Брянская область	884	16,6	182,7
Владимирская область	1670	35,0	399,1
Ивановская область	1306	30,5	301,2
Калужская область	1107	23,3	241,2
Костромская область	826	15,1	160,7
г. Москва	12327	412,2	7129,6
Московская область	5295	148,5	1846,3
Орловская область	316	7,1	69,8
Рязанская область	967	23,0	246,5
Смоленская область	650	16,6	179,1
Тверская область	1279	29,9	2801
Тульская область	1042	30,6	281,2
Ярославская область	1441	38,0	412,4
Волго-Вятский район	4214	105,6	1093,9
Нижегородская область	1963	52,1	557,5
Марийская ССР	466	13,8	132,7
Мордовская ССР	318	6,4	66,1
Чувашская ССР	658	12,7	113,9
Центрально-Черноземный район	3289	77,4	848,0
Белгородская область	590	15,0	205,6
Воронежская область	1163	23,2	233,0
Курская область	554	14,5	130,0
Липецкая область	339	9,3	94,6
Тамбовская область	643	15,4	184,8
Поволжский район	12802	358,9	3833,1
Астраханская область	1132	30,2	262,4
Волгоградская область	1973	50,9	566,5
Пензенская область	807	15,2	180,3
Самарская область	2596	73,8	891,7
Саратовская область	1937	66,1	611,7
Ульяновская область	867	24,8	296,3
Калмыцкая ССР	389	5,9	65
Татарская ССР	3101	92	959,2
Северо-Кавказский район	20550	452,8	4279,7
Краснодарский край	6019	111,0	1118,7
Ставропольский край	2908	62,1	719,2
Ростовская область	5314	181,1	1459,3
Республика Дагестан	2524	27,0	254,6
Кабардино-Балкарская ССР	900	18,0	185,7

Субъект	Число действовавших кооперативов	Численность работавших в них, тыс. чел.	Объем реализованной продукции, млн руб.
Северо-Осетинская ССР	818	13,4	109,0
Чечено-Ингушская Республика	2067	40,2	397,2
Уральский район	15865	442,3	5512,3
Курганская область	933	18,8	242,0
Оренбургская область	1546	35,4	370,2
Пермская область	2567	57,0	516,9
Свердловская область	3742	116	1295,1
Челябинская область	2945	102,1	1310,5
Башкирская ССР	2841	80,3	1460,4
Удмуртская Республика	1309	32,7	317,0
Западно-Сибирский район	14932	414,8	5156,5
Алтайский край	2710	59,0	641,1
Кемеровская область	2519	61,2	578,5
Новосибирская область	3088	92,2	1034,8
Омская область	1359	32,4	398,4
Томская область	1352	42,1	980,4
Тюменская область	3904	127,9	1823,3
Восточно-Сибирский район	8578	198,9	2033,4
Красноярский край	3580	80,6	796,1
Иркутская область	2869	77,7	806,4
Читинская область	885	15,4	167,7
Бурятская ССР	770	16,4	174,4
Тувинская АССР	474	8,8	88,8
Дальневосточный район	9747	2,1	3120,8
Приморский край	2340	48,5	619,4
Хабаровский край	1647	43,7	565,2
Амурская область	673	26,0	262,4
Камчатская область	1032	20,0	233,4
Магаданская область	1464	26,4	505,6
Сахалинская область	1158	27,0	463,9
Якутская-Саха ССР	1433	29,5	470,9
Калининградская область	1101	22,0	233,6

Список источников

1. Леш А. Географическое размещение хозяйства. М. : Издательство иностранной литературы, 1959. 456 с.
2. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
3. Boudeville J. Problems of regional economic planning. Edinburgh, 1992. 192 p.
4. Леонтьев А.И., Новикова Н.В. Региональная проекция теории полюса роста: зарубежный и российский опыт // Теоретическая и прикладная экономика. 2020. № 4. С. 106–116.
5. Lasuén J.R. Urbanisation and Development: The Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters // Urban Studies. 1973. Vol. 10. P. 163–188.
6. Richardson H.W. Regional Growth Theory. London, 1973.
7. Hagerstrand T. Diffusion of Innovation as The Arial Process. London, 1954.
8. Гаджиев Ю.А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // Экономика региона. 2009. № 2. С. 45–62.

9. Harris G.D. The market as a factor in the localization of production // *Annals of the Association of American Geographers*. 1954. Vol. 44. P. 315–348.
10. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of political economy*. 1991. Vol. 99. P. 483–499.
11. Ellison G., Glaser E. Geographic Concentration in U. S. Manufacturing Firms: a Dartboard Approach // *Journal of Political Economy*. 1997. Vol. 105. P. 889–927.
12. Davis D.R., Weinstein D.E. Bones, Bombs and Break Points: The Geography of Economic Activity // *American Economic Review*. 2002. 92. P. 1269–1289.
13. Портер М. Конкурентное преимущество: Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / пер. с англ. 4-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2016. 716 с.
14. Творцы кооперации : сборник / сост. Л.А. Самсонов. М. : Московский рабочий, 1991. 300 с. (Экономические чтения).
15. Уколов О.И. Этапы развития кооперативного движения: изменение условий деятельности и основ правового регулирования // *Вестник Белгородского университета потребительской кооперации*. 2010. № 2 (34). С. 201–206.
16. Дело 10. Краткий очерк истории русской потребительской кооперации // Документы советской эпохи : межархивный проект. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/organizations/cards/128900>
17. Документы советской эпохи : межархивный проект. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/>
18. Закон СССР от 26.05.88 № 8998-XI «О кооперации в СССР». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=6610>
19. Сущенко В.А. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации (вторая половина XIX – начало XXI в.): общее и особенное в исторической судьбе. Ростов н/Д : Южный федеральный университет, 2011. 404 с.
20. Костыгин Д. Китайский рецепт: как смена формы собственности ведет к росту экономики. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/08/04/2016/570741ed9a79470bf8415c46>
21. Международные кооперативный альянс : официальный сайт. URL: <https://www.ica.coop>
22. Федеральный закон от 08.05.1996 №41-ФЗ (в редакции от 31.07.2020 г.) «О производственных кооперативах». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10286/75b88ff9743635ea29d91904541a22803b4cbcd/
23. Закон РФ от 19.06.1992 г. № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10105423/paragraph/117:0>
24. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). URL: <https://base.garant.ru/10164072/>
25. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990, Palgrave Tenth Edition, 1998. 855 p.
26. Народное хозяйство РСФСР в 1990 году : статистический ежегодник. URL: <https://istmat.info/node/15863>

References

1. Lösch, A. (1959) *Geografisches razmeshchenie khozyaystva* [Spatial Organization of the Economy]. Translated from German. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.
2. Perru, F. (2007) *Ekonomicheskoe prostranstvo: teoriya i prilozheniya* [Economic space: theory and applications]. *Prostranstvennaya ekonomika – Spatial Economics*. 2. pp. 77–93.
3. Boudeville, J. (1992) *Problems of Regional Economic Planing*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
4. Leont'ev, A.I. & Novikova, N.V. (2020) *Regional'naya proektsiya teorii polyusa rosta: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt* [Regional projection of the theory of the pole of growth: foreign and Russian experience]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika*. 4.

5. Lasuén, J.R. (1973) Urbanisation and Development: The Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters. *Urban Studies*. 10. pp. 163–188.
6. Richardson, H.W. (1973) *Regional Growth Theory*. London: MacMillan.
7. Hagerstrand, T. (1954) *Diffusion of Innovation as The Arial Process*. London: MacMillan.
8. Gadzhiev, Yu.A. (2009) The foreign theories of the regional economic growth and development. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 2. pp. 45–62. (In Russian).
9. Harris, G.D. (1954) The market as a factor in the localization of production. *Annals of the Association of American Geographers*. 44. pp. 315–348.
10. Krugman, P. (1991) Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*. 3 (99). pp. 483–499.
11. Ellison, G. & Glaser, E. (1997) Geographic Concentration in U. S. Manufacturing Firms: a Dartboard Approach. *Journal of Political Economy*. 105. pp. 889–927.
12. Davis, D.R. & Weinstein, D.E. (2002) Bones, Bombs and Break Points: The Geography of Economic Activity. *American Economic Review*. 92. pp. 1269–1289. DOI: 10.1257/000282802762024502
13. Porter, M. (2016) *Konkurentnoe preimushchestvo: Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoychivost'* [Competitive Advantage: Creating and sustaining superior performance]. Translated from English. 4th ed. Moscow: Al'pina Publisher.
14. Samsonov L.A. (ed.) (1991) *Tvortsy kooperatsii* [Creators of Cooperation]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. (Ekonomicheskie chteniya).
15. Ukolov, O.I. (2010) Etapy razvitiya kooperativnogo dvizheniya: izmenenie usloviy deyatel'nosti i osnov pravovogo regulirovaniya [Stages of development of the cooperative movement: changing the conditions of activity and the foundations of legal regulation]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoy kooperatsii*. 2. pp. 201–206.
16. Dokumenty sovetskoy epokhi: mezhharkhivnyy proekt [Documents of the Soviet Era: Interarchive Project]. (n.d.) *Delo 10. Kratkiy ocherk istorii russkoy potrebitel'skoy kooperatsii* [Case 10. A brief outline of the history of Russian consumer cooperation]. [Online] Available from: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/organizations/cards/128900>
17. Dokumenty sovetskoy epokhi: mezhharkhivnyy proekt [Documents of the Soviet Era: Interarchive Project]. (n.d.) [Online] Available from: <http://sov-doc.rusarchives.ru>
18. USSR. (1988) *Zakon SSSR ot 26.05.88 8998-XI "O kooperatsii v SSSR"* [USSR Law No. 8998-XI of May 26, 1988 "On cooperation in the USSR"]. [Online] Available from: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=6610>
19. Sushchenko, V.A. (2011) *Predprinimatel'stvo na trekh etapakh rossiyskoy modernizatsii (vtoraya polovina XIX–nachalo XXI v.): obshchee i osobennoe v istoricheskoy sud'be* [Entrepreneurship at Three Stages of Russian Modernization (the second half of the 19th – the beginning of the 21st centuries): the common and the unique in the historical fate]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.
20. Kostygin, D. (2016) Kitayskiy retsept: kak smena formy sobstvennosti vedet k rostu ekonomiki [Chinese recipe: how the change of ownership leads to economic growth]. *RBK*. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/08/04/2016/570741ed9a79470bf8415c46>
21. International Cooperative Alliance. (n.d.). [Online]. Available from: <https://www.ica.coop>
22. ConsultatnPlus. (2020) *Federal Law No. 41-FZ of May 08, 1996 (as amended on July 31, 2020) "On Production Cooperatives"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10286/75b88ff9743635ea29d91904541a22803b4cbcdc (In Russian).
23. Garant. (1992) *Law of the Russian Federation No. 3085-1 of June 19, 1992 "On Consumer Cooperation (Consumer societies, their unions) in the Russian Federation"*. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/10105423/paragraph/117:0> (In Russian).

24. Garant. (n.d.) *The Civil Code of the Russian Federation (GK RF)*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/10164072> (In Russian).

25. Porter, M.E. (1998) *The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction*. New York: The Free Press.

26. Goscomstat RSFSR. (1991) *Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1990 godu* [The National Economy of the RSFSR in 1990]. Moscow: Respublikanskiy informatsionno-izdatel'skiy tsentr. [Online] Available from: <https://istmat.info/node/15863>

Сведения об авторах:

Развадовская Ю.В. – кандидат экономических наук, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: yuliyaraz@yandex.ru

Каплюк Е.В. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ЦНИ «Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике», Южный федеральный университет Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ekapluk@gmail.com

Руднева К.С. – младший научный сотрудник ЦНИ «Инструментальные, математические и интеллектуальные средства в экономике», Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: legostaevakristina@rambler.ru

Черняк М.Э. – старший преподаватель кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: chernyak.mihail@bk.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Razvadovskaya, Cand. Sci. (Economics), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: yuliyaraz@yandex.ru

E.V. Kaplyuk, Cand. Sci. (Economics), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: ekapluk@gmail.com

K.S. Rudneva, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: legostaevakristina@rambler.ru

M.E. Chernyak, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: chernyak.mihail@bk.ru

Contribution of the authors: *The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.*

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 338.462
doi: 10.17223/19988648/57/2

Синергия развития системы цифровых услуг

Наталья Витальевна Усова

*Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия, nata-ekb-777@yandex.ru*

Аннотация. Исследование различных процессов и явлений с точки зрения системного подхода позволяет не только выявить взаимосвязи и точки роста, но и разработать мероприятия, направленные на формирование и реализацию их потенциала. Наблюдающиеся процессы цифровой трансформации находят свое отражение и в системе услуг. Целью исследования служит выявление синергетических эффектов системы цифровых услуг. По результатам проведенного исследования предложена авторская категория «синергия системы цифровых услуг», дополнены направления оценки синергетического эффекта системы цифровых услуг, представлена характеристика ключевых аспектов синергетического подхода к системе цифровых услуг, а также выявлены синергетические эффекты системы цифровых услуг и сформулированы основные направления синергетического развития системы цифровых услуг.

Ключевые слова: цифровые услуги, рынок, система цифровых услуг, синергия, синергетический эффект, оценка синергетического эффекта

Для цитирования: Усова Н.В. Синергия развития системы цифровых услуг // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 22–35. doi: 10.17223/19988648/57/2

Original article

The synergy of the development of the digital services system

Natalia V. Usova

*Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Yekaterinburg, Russia, nata-ekb-777@yandex.ru*

Abstract. The study of various processes and phenomena from the point of view of a systematic approach allows not only identifying relations and points of growth, but also developing measures aimed at the formation and realization of their potential. The observed processes of digital transformation are also reflected in the service system. The presence of a rather fragmentary theoretical basis of the digital services system and the lack of scientific works on the synergy of the digital services system make it necessary to study these issues and develop theoretical provisions. The aim of this study is to identify the synergetic effects of the digital services system. According to

the results of the study, the author proposes a category “synergy of the digital services system”, which is based on the idea that this is a cumulative effect obtained during the interaction of elements of the digital services system; supplements the directions of evaluating the synergetic effect of the digital services system; and suggests digital efficiency, which is expressed in the optimal use of digital infrastructure and the availability of an appropriate level of digital skills formation of all participants in the digital services system; presents the characteristics of the key aspects of the synergetic approach to the digital services system, namely, non-linearity and multivariance, openness, the ability to self-organize, disequilibrium and dissipativity; identifies the synergetic effects of the digital services system (transparency, process control, integration as a whole, as well as horizontal, vertical and intersectoral integration, resource savings due to economies of scale, intra-product synergy, development of the digital space and digital marketing communications, GDP growth and an increase in the digital market share in it, personnel transformation, expansion of the types of services provided in the digital space, increasing the availability of services); and formulates the main directions of synergetic development of the digital services system. The author adheres to the point of view that further synergetic development of the digital services system is possible both evolutionarily and revolutionarily. In particular, the strengthening of global challenges and the emergence of non-standard situations at the national or global levels can become catalysts for the accelerated development of the digital services system. In turn, changes in the system itself can be of an intensive or extensive nature. Thus, extensive changes are associated with the growth of the number of participants in the digital services system and the emergence of new markets. The intensive development of the system is due to qualitative transformations, namely, the withdrawal of noncompetitive companies from the market, as well as the unification of several players in the market in order to ensure a certain level of power in the market.

Keywords: digital services, market, digital services system, synergy, synergetic effect, evaluation of synergetic effect

For citation: Usova, N.V. (2022) The synergy of the development of the digital services system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 22–35. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/2

Переход к цифровой модели национальной экономики обуславливает появление новых рынков и трансформацию их в систему. Примером актуальности и значимости формирования системы цифровых услуг является пандемия COVID-19. Цифровая трансформация национальной экономики и отдельных ее сфер нашла отражение в ряде трудов. Так, М.Н. Дудин и З.К. Омарова, рассматривая цифровое предпринимательство в сфере услуг отмечают, что «цифровая экономика обуславливает цифровое преобразование всех сфер жизнедеятельности, предоставляя им значительный экономический и социальный эффекты» [1, с. 23]. Именно предприятия сферы услуг, переходя в цифровое пространство и используя инновационные цифровые технологии, получили новые возможности для развития и повышения своей конкурентоспособности. И здесь мы согласны с А.В. Тёмной, И.Г. Головцовой и М.Ю. Сучковой. В частности, А.В. Тёмная [2, с. 101] считает, что именно сфера услуг является более активной, чем, например, промышленные сегменты, для внедрения современных цифро-

вых технологий. В свою очередь И.Г. Головцова, М.Ю. Сучкова отмечают, что «расширение цифровых услуг открывает возможности для ранней интернационализации, т.е. чем более цифровой является услуга, тем меньше усилий требуется для увеличения масштаба или внедрения услуги в новой бизнес-среде. Это предполагает огромный потенциал для быстрого роста и активизации международной деятельности» [3, с. 84].

Д.В. Завьялов, Н.Б. Завьялова и Е.В. Киселева [4] рассматривали обеспечение национальной конкурентоспособности на мировом рынке товаров и услуг на основе цифровых платформ с учетом специфики применяемых бизнес-моделей и опираясь на данные по капитализации крупнейших компаний и приоритеты развития экономики России. Вопросы качества предоставления услуг в обстановке четвертой промышленной революции были рассмотрены Д.А. Заборовским, который отмечает, что «управление качеством в новых условиях не меняет подходы кардинально, оно ориентировано на совершенствование существующих инструментов, расширение сферы их применения» [5, с. 22].

Исследование М.С. Обороина и И.В. Митрофановой [6] посвящено тенденциям развития сферы услуг на региональном уровне в контексте цифровой трансформации национальной экономики.

С.В. Курегян, Ю.В. Мелешко исследовали механизмы взаимодействия цифрового производства, цифровых услуг и цифровых бизнес-моделей [7].

Также можно отметить ряд работ, посвященных отдельным рынкам цифровых услуг. К примеру, Н.Э. Соколинская и Е.А. Гвоздецкая рассмотрели цифровизацию кредитных организаций и предложили авторский подход к периодизации цифрового продукта и электронных услуг на национальном рынке кредитных организаций [8].

Нами также были рассмотрены отдельные вопросы цифровых услуг, а именно цифровая трансформация финансового сектора [9–10] и цифровые услуги розничной торговли [11–12].

Что касается синергии и синергетики, то в качестве ключевых можно выделить работы Б.Л. Кузнецова [13] и Г. Хакена [14]. При этом синергия системы цифровых услуг в научных трудах не нашла своего отражения.

Таким образом, целью данного исследования стало выявление синергетических эффектов системы цифровых услуг.

Если рассматривать в историческом контексте, то цифровые услуги можно считать новым этапом развития сферы услуг. Изначально в мире были представлены лишь традиционные услуги, которые были свойственны аналоговому пространству, но с течением времени начали появляться информационные, далее электронные услуги. И в современном мире появились и активно развиваются, формируя систему, уже цифровые услуги.

Мы придерживаемся точки зрения, что «цифровая услуга – это совокупность экономических отношений в результате интерактивного взаимодействия между участниками процесса оказания услуги (производитель, поставщик и потребитель) в интернет-пространстве относительно удовлетворения своих нужд и потребностей посредством обмена» [15].

Переход к новому технологическому укладу и череда глобальных вызовов, с которым сталкиваются современное общество и национальная экономика, диктуют изменения в архитектуре не только рынков, но и всей экономической системы.

В июле 2021 г. утверждена «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», в рамках которой разработчиками были определены цели и стратегические приоритеты на национальном уровне.

Среди всех представленных в документе стратегических приоритетов наибольший интерес вызывает ориентация на инновационную активность. Как отмечают разработчики, «внедрение новых технологий сопровождается трансформацией механизмов производства и потребления, появлением новых рынков товаров и услуг, изменением облика существующих отраслей экономики и технологических стандартов, повышением уровня переработки природных ресурсов, снижением энергоемкости мировой экономики» [16].

Приоритетными трендами развития при переходе к новому технологическому укладу является преобразование модели национальной экономики, а именно добавление цифровой компоненты и последующее формирование полноценной цифровой модели с совокупностью рынков, развитой цифровой инфраструктурой и, как следствие, прирост макроэкономических показателей за счет увеличения востребованности цифровых услуг и формирования системы цифровых услуг.

В рамках данного исследования для автора представляет интерес синергия, достигаемая благодаря развитию системы цифровых услуг.

Прежде чем перейти к синергии системы цифровых услуг, обратимся к трактовке категорий «синергия» и «синергетический эффект».

Существует множество определений синергии и синергетического эффекта, например в [17, с. 31].

Синергия: 1) энергия или сила, создаваемая в процессе совместной работы различных частей или процессов; 2) польза, полученная от комбинирования двух или более элементов (или бизнесов) таким образом, что продуктивность этой комбинации выше, чем сумма ее отдельных элементов (или бизнесов); 3) сотрудничество, содружество, совместное действие, а также взаимодействие различных видов энергий в целостном действии, которые вступают в партнерство друг с другом; 4) совместное и однородное функционирование элементов системы; 5) условие, состоящее в том, что общий результат превосходит сумму сложенных эффектов.

Синергетический эффект – возрастание эффективности деятельности в результате интеграции, слияния отдельных частей в единую систему за счет так называемого системного эффекта (эмерджентности).

Рассматривая синергию применительно к системе цифровых услуг, необходимо отметить наличие *законов синергии*, согласно одному из них сумма свойств организованного целого должна быть больше, чем сумма свойств всех элементов, в него входящих. Согласно другому закону синергии для любой системы существует такой набор элементов (ресурсов), при котором

ее потенциал всегда будет либо существенно больше простой суммы потенциалов входящих в нее элементов, либо существенно меньше [18].

При рассмотрении синергии применительно к системе цифровых услуг отметим, что она состоит из ряда факторов.

Во-первых, это уровень цифровой подготовленности участников системы цифровых услуг. Наличие необходимых цифровых навыков и востребованность цифровых технологий участниками системы позволяют развивать данную систему как экстенсивно, так и интенсивно.

Во-вторых, разветвленность системы цифровых услуг. В данном случае речь идет о сформированности и востребованности цифровых услуг (платформ, экосистем). В случае замкнутости системы в рамках отдельной сферы возникает вероятность снижения как потенциала системы и рынка цифровых услуг, так и вероятности достижения целевых индикаторов цифровой трансформации национальной экономики.

В-третьих, это качество процесса управления системой цифровых услуг.

По нашему мнению, *синергия системы цифровых услуг* – кумулятивный эффект, получаемый в процессе взаимодействия элементов системы цифровых услуг, характеризующийся существенным превосходством в сравнении с суммой эффектов каждого из элементов в отдельности, позволяющий достичь целевых показателей экономической, социальной и иной направленности.

Развитие системы цифровых услуг основано на законах рынка, но в то же самое время государство в лице органов публичной власти через мобилизацию ресурсов и интеграцию различных элементов системы с учетом приоритетов и интересов участников рынка, а также определение приоритетных направлений развития, целевых показателей и мероприятий по достижению поставленных целей оказывает влияние на данный процесс и тем самым создает условия для развития определенных рынков цифровых услуг, увеличивает потенциалы как отдельных рынков, так и всей системы цифровых услуг.

При рассмотрении синергии системы цифровых услуг применяется системный подход к оказанию цифровых услуг, когда различные рынки цифровых услуг интегрируются в единую систему рынков со своими синергетическими эффектами. Отметим, что выделяются две совокупности рынков. В первую совокупность включены рынки, на которых предоставляются основные цифровые услуги, а во вторую – рынки, которые обеспечивают процесс приобретения и потребления цифровых услуг. В результате взаимодействия этих рынков происходит формирование системы цифровых услуг, направленной на повышение эффективности функционирования участников рынков и удовлетворение потребностей потребителей наилучшим образом, что основано на использовании прогрессивных цифровых технологий.

Отметим, что к ключевым аспектам синергетического подхода относятся нелинейность и многовариантность, открытость, способность к самоорганизации, неравновесность и диссипативность.

Каждый из этих аспектов в системе цифровых услуг отражается с учетом определенной специфики.

Применительно к системе цифровых услуг данные аспекты раскрываются с учетом определенной специфики (рис. 1).

Рис. 1. Ключевые аспекты синергетического подхода к системе цифровых услуг. Составлено автором

Способность к самоорганизации может выражаться по-разному. С одной стороны, через механизм спроса и предложения, и в данном случае мы вспоминаем о «невидимой руке рынка» А. Смита. С другой стороны, самоорганизация может найти свое выражение в создании и функционировании различных ассоциаций, объединений, гильдий либо палат. Наличие на рынке таких участников направлено в первую очередь на содействие соблюдения определенных правил и стандартов. В то же время существенную роль в процессе самоорганизации играет сама структура рынка и взаимосвязи между его участниками. Таким образом, наличие всех этих трех индикаторов позволяет усиливать способность к самоорганизации и тем самым формировать и использовать потенциал цифровых рынков и системы цифровых услуг в целом.

Вторым аспектом является открытость системы цифровых услуг, что находит свое выражение в возможности внедрения различных инноваций и применения широкого спектра различных инструментов коммуникаций в рамках действующего законодательства. Отсутствие коммуникаций либо их неполноценность может привести к ряду негативных последствий, начиная со снижения эффективности отдельных элементов системы до всей совокупности элементов. Кроме того, наличие асимметрии информации вызывает повышение вероятности возникновения определенных рисков, которые могут привести к ряду негативных последствий для конкретного рынка либо системы цифровых услуг.

В свою очередь, нелинейность применительно к системе цифровых услуг выражается в постоянном выборе направления развития из множества вариантов и при этом отсутствии возможности возврата в исходное состояние. Дальнейшее развитие основано только на прошлом опыте, текущем состоянии и возможностях внешней среды.

В процессе своего развития система цифровых услуг может иметь одно из двух абсолютно противоположных состояний, а именно атомизации либо гигантизации, что найдет свое отражение и в структуре национальной экономики. В основе данного суждения лежит тезис о том, что в условиях рыночной системы хозяйствования для производителя отправной точкой являются нужды и потребности потребителя, а в процессе предоставления услуг в цифровом пространстве возможность внесения изменений с учетом требований конкретного потребителя намного выше и, следовательно, это может стать платформой для укрупнения компаний на рынке цифровых услуг с последующей его олигополизацией и (или) монополизацией либо возможна обратная ситуация, а именно рост числа компаний-нишевиков в связи со спецификой самого рынка и потребителя.

Для любой системы крайними точками являются хаос и абсолютный порядок. При этом такие состояния характерны лишь для отдельных элементов, но не для всей системы. Разная степень порядка, свойственная каждому из элементов, в результате формирует неравновесность системы, что приводит к определенным положительным моментам. Во-первых, это обеспечение устойчивости системы и ее динамизма. Развитие отдельных элементов системы приводит к изменениям во всей системе цифровых услуг, так как необходимо пересматривать свою модель взаимодействия всей совокупности элементов. Тем самым формируются предпосылки к трансформации системы цифровых услуг и ее последующему экстенсивному либо интенсивному развитию. Во-вторых, обеспечивается сохранение финансовых и информационных потоков как внутри самой системы цифровых услуг, так и из внешней среды.

Применение синергетического подхода в исследовании различных систем позволяет сформировать механизмы управления, определить модели взаимодействия элементов системы и тем самым выявить синергетические эффекты. В совокупности это дает возможность определить реперные точки в развитии системы при одновременном ее упрощении за счет нивели-

рования ряда факторов, которые не оказывают существенного влияния на развитие и дальнейшее функционирование системы цифровых услуг.

По мнению автора, для системы цифровых услуг характерен ряд синергетических эффектов (табл. 1).

Таблица 1. Синергетические эффекты в системе цифровых услуг

№ п/п	Синергетический эффект	Характеристика синергетического эффекта
1	Прозрачность	Алгоритмизация процесса оказания цифровой услуги позволяет вести мониторинг процесса и снижать вероятность возникновения теневых экономических процессов
2	Контролируемость процесса	Применение искусственного интеллекта и формирование информационной базы позволяет принимать решения без участия человека и тем самым формировать основу для дальнейшего развития системы
3	Интеграция	На основе синергии расширения объединение с другими компаниями, которые не оказывают аналогичные цифровые услуги, но могут быть представлены на маркетплейсах или в цифровых экосистемах
4	Горизонтальная интеграция	Объединение с участниками рынка цифровых услуг, оказывающими схожие услуги, что позволит расширить зону присутствия и ассортимент предлагаемых цифровых услуг
5	Вертикальная интеграция	Объединение участников по восходящей либо нисходящей, что позволит свести в единый цикл весь процесс предоставления цифровой услуги
6	Межотраслевая интеграция	Диверсификационная синергия, заключающаяся в объединении с компаниями, относящимися к другим отраслям и (либо) представленными на иных территориях. В частности, применение цифровых финансовых активов для расчета между субъектами купли-продажи цифровой услуги. Тем самым формируются цифровые экосистемы, что служит конкурентным преимуществом для участника рынка
7	Экономия ресурсов	Снижение потребности в инвестициях и персонале, что обусловлено сменой аналоговой бизнес-модели на цифровую
8	Экономия за счет эффекта масштаба	Повышение производительности труда за счет роботизации и алгоритмизации процесса предоставления цифровой услуги и нивелирование территориальной разрозненности для предоставления цифровой услуги вне зависимости от места нахождения потребителя. Формирование базы принимаемых решений позволяет снизить временные и финансовые затраты на поиск информации для принятия управленческих решений
9	Внутрипродуктовая синергия	Предоставление одних цифровых услуг является предпосылкой для приобретения потребителями иных цифровых услуг, что особенно ярко иллюстрируют цифровые экосистемы
10	Развитие цифрового пространства	Увеличение числа компаний, представленных в цифровом пространстве, развитие маркетплейсов и цифровых экосистем для различных этапов производственного процесса. В частности, создание маркетплейсов для предприятий агропромышленного комплекса, развитие цифровых финансовых услуг и обеспечение нормативно-правовой защиты участников рынка

№ п/п	Синергетический эффект	Характеристика синергетического эффекта
11	Развитие цифровых маркетинговых коммуникаций	Внедрение и активное использование прогрессивных цифровых инструментов продвижения, что обусловлено не только переходом в цифровое пространство компаний-производителей, но и особенностями поведения потребителя
12	Рост ВВП и увеличение в нем доли цифрового рынка	Рост обусловлен как увеличением количества цифровых фирм, так и ростом числа потребителей цифровых услуг за счет перехода от потребления аналоговых услуг инновационным цифровым услугам
13	Кадровая трансформация	Переход к новой модели образовательного процесса у населения, в основе которого лежит потребность в перманентном повышении квалификации и мобильности в случае необходимости профессиональной переподготовки в соответствии со сложившейся экономической обстановкой. Переориентация образовательных программ в IT-технологии
14	Расширение видов услуг, предоставляемых в цифровом пространстве	Появление новых видов бизнеса в сфере услуг в области маркетинга (продвижение, сбыт в цифровом пространстве), цифровых финансовых услуг, цифрового контента, интернет-экономики и мобильной экономики
15	Повышение доступности услуг	Предоставление возможности для потребителя приобрести и воспользоваться цифровой услугой в любое время и в любой локации вне зависимости от территориальной расположенности производителя/продавца цифровой услуги при условии наличия доступа к сети Интернет

Составлено автором.

В представленной выше таблице мы выделили экономические синергетические эффекты. В то же время можно говорить и о ряде синергетических эффектов, возникающих в педагогике, психологии, социологии и юриспруденции.

Так, рассматривая правовые синергетические нормы, мы выделяем трансформацию правовых актов с формированием норм права, регулирующих предоставление цифровых услуг. В частности, вопросы перехода права собственности, защиты прав потребителей и сущности цифровой услуги объекта правового регулирования. Тем самым развивается система правовых норм.

В свою очередь, социальные синергетические эффекты заключаются в трансформации взаимодействия в социуме. Стираются грани между участниками коммуникационного процесса, и территориальный аспект становится ничтожным. Примечательно, что увеличение взаимодействия в цифровом пространстве может привести к негативному отношению к взаимодействию в традиционном аналоговом пространстве. Даже в современных условиях мы наблюдаем рост востребованности различных социальных сетей у населения, особенно у молодежи и подростков. Происходит обезличенное общение. Кроме того, возможна утечка данных и нарушение тайны переписки при общении в различных социальных сетях, мессенджерах либо на сайтах организаций в связи с несанкционированным доступом.

Применительно к педагогике синергетические эффекты выражаются в возможности применения различных технологий и привлечении специалистов в различных областях в процессе осуществления образовательной деятельности. Таким образом повышается практикоориентированность образовательного процесса.

С точки зрения психологии синергетические эффекты заключаются в концентрации внимания на цифровом взаимодействии, снижении уровня восприятия реальности и пересмотре индивидом своей модели поведения.

Мы можем говорить о разноплановости синергетических эффектов системы цифровых услуг. При этом совокупность синергетических эффектов будет варьироваться в зависимости от вида цифровых услуг и условий их предоставления.

Важным моментом, который необходимо учитывать относительно синергетического эффекта, является то, что его достижение возможно только при условии, что вся совокупность элементов системы не будет ориентирована на достижение частных целей, а все же приоритетными будут общие цели системы. Только в данной ситуации возможно достижение синергетических эффектов.

По мнению автора, для системы цифровых услуг выделяется ряд направлений оценки синергетического эффекта (рис. 2).

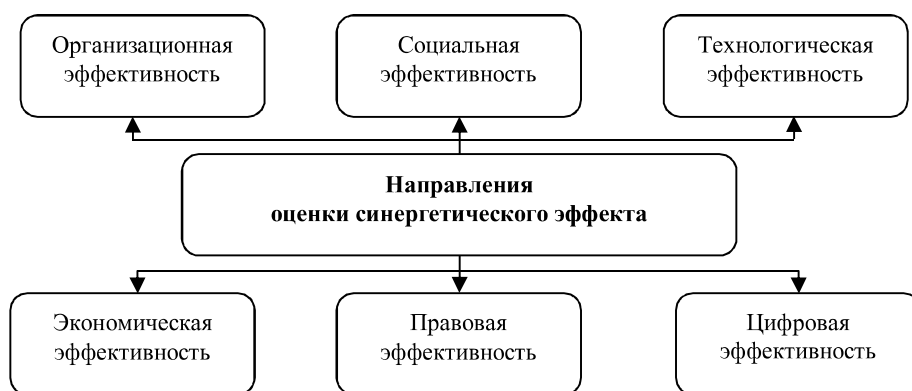

Рис. 2. Направления оценки синергетического эффекта системы цифровых услуг.
Составлено автором

Каждый из представленных эффектов имеет свое выражение.

Так, экономическая эффективность выражается в росте экономических показателей, характеризующих отдельные рынки и систему в целом.

Социальная эффективность находит свое выражение в удовлетворении потребностей целевой аудитории благодаря цифровым услугам. В свою очередь, оптимальное использование существующих технологий иллюстрирует технологическую эффективность, организационная эффективность напрямую зависит от соотношения «цель – затраты», т.е. достижение целей с обоснованным уровнем затрат.

В современных условиях для системы цифровых услуг значимость приобретают правовая и цифровая эффективности. Так, правовая эффективность напрямую зависит от степени разработанности нормативно-правовых актов, регулирующих процесс предоставления цифровых услуг. В свою очередь, цифровая эффективность выражается в оптимальном использовании цифровой инфраструктуры и наличии соответствующего уровня сформированности цифровых навыков всех участников системы цифровых услуг.

При этом синергетические эффекты, возникающие в процессе формирования, развития и функционирования системы цифровых услуг, могут быть как отрицательными, так и положительными. К отрицательным синергетическим эффектам относятся рост теневого сектора экономики, использование цифрового пространства для отмывания доходов, полученных преступным путем, либо для снижения налоговой нагрузки. Кроме того несогласованность действий участников системы цифровых услуг может привести к недостаточному уровню либо полному отсутствию востребованности цифровых услуг у потребителя.

Но можно выделить и ряд положительных синергетических эффектов: использование машинного труда и алгоритмизацию производственного процесса, где ранее был необходим тяжелый человеческий труд; возможность накопления информации для дальнейшего совершенствования как процесса предоставления цифровой услуги, так и ее содержательного аспекта; повышение качества и доступности услуг для населения благодаря их представленности в цифровом пространстве; развитие инновационных сегментов рынка; повышение конкурентоспособности национальной экономики на основе интенсивного вектора развития.

Дальнейшее синергетическое развитие системы цифровых услуг возможно как эволюционно, так и революционно. В частности, усиление глобальных вызовов и появление нестандартных ситуаций на национальном либо мировом уровне могут стать катализаторами ускоренного развития системы цифровых услуг.

В свою очередь, изменения в самой системе могут иметь интенсивный либо экстенсивный характер. Так, экстенсивные изменения будут связаны с ростом числа участников системы цифровых услуг и появлением новых рынков. К тому же интенсивное развитие системы обусловлено качественными преобразованиями, а именно уходом с рынка неконкурентоспособных компаний, объединением нескольких игроков на рынке с целью обеспечения определенного уровня власти на рынке.

Применительно к самой системе изменения могут быть не только с точки зрения числа участников либо появления новых рынков, но и трансформации процесса взаимодействия между элементами системы цифровых услуг.

В современных условиях оценить синергетический эффект от системы цифровых услуг достаточно проблематично, что обусловлено рядом объективных факторов:

- отсутствием стратегических документов, предусматривающих формирование приоритетных направлений, и развитие системы цифровых

услуг, что приводит к достаточно хаотичному развитию рынков цифровых услуг и всей системы в целом;

– методический инструментарий по оценке рынков и системы цифровых услуг находится на стадии зарождения, что обусловлено, с одной стороны, инновационностью самих цифровых услуг, а с другой – относительно недавним определением цифровой трансформации национальной экономики в качестве приоритетного направления развития на среднесрочную перспективу.

Таким образом, автором получены следующие результаты исследования:

Во-первых, предложена авторская категория «синергия системы цифровых услуг», которая до этого времени не нашла свое отражения в научных трудах.

Во-вторых, дополнены направления оценки синергетического эффекта системы цифровых услуг. Предложена цифровая эффективность, которая находит свое выражение в оптимальном использовании цифровой инфраструктуры и наличии соответствующего уровня сформированности цифровых навыков всех участников системы цифровых услуг.

В-третьих, представлена характеристика ключевых аспектов синергетического подхода к системе цифровых услуг, а именно нелинейность и многовариантность, открытость, способность к самоорганизации, неравновесность и диссипативность.

В-четвертых, выявлены синергетические эффекты системы цифровых услуг и сформулированы основные направления синергетического развития системы цифровых услуг.

Данный материал может стать основой для дальнейшего исследования системы цифровых услуг и разработки ряда теоретических и методологических положений, которые будут актуальны и востребованы в условиях цифровой модели национальной экономики.

Список источников

1. Дудин М.Н., Омарова З.К. Цифровое предпринимательство в сфере услуг и торговом секторе: сущность, цели, задачи, оценка экономических выгод // ЦИТИСЭ. 2019. № 1 (18).
2. Тёмная А.В. Цифровые технологии в сфере услуг: мировой опыт в российских реалиях // Вектор экономики. 2019. № 5 (35).
3. Головцова И.Г., Сучкова М.Ю. Цифровая трансформация сферы услуг в новых условиях // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2020. № 4 (54). С. 81–86.
4. Завьялов Д.В., Завьялова Н.Б., Киселева Е.В. Цифровые платформы как инструмент и условие конкурентоспособности страны на мировом рынке товаров и услуг // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 2. С. 443–454.
5. Заборовский Д.А. Управление качеством услуг в условиях цифровой экономики // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2019. № 3. С. 20–23.
6. Оборин М.С., Митрофанова И.В. Стратегические направления развития сферы услуг в цифровой среде // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 9А. С. 162–175.
7. Курегян С.В., Мелешко Ю.В. Механизмы взаимодействия цифрового производства, цифровых услуг и цифровых бизнес-моделей // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2021. № 2 (56). С. 90–94.

8. Соколинская Н.Э., Гвоздецкая Е.А. Этапы появления новых рынков электронных услуг и цифровых продуктов в России // Финансовые рынки и банки. 2018. № 1. С. 55–60.
9. Loginov M.P., Usova N.V. Innovation in the national digital financial services market // Advances in Economics, Business and Management Research. 2019. № 105. P. 111–116.
10. Усова Н.В., Логинов М.П. Цифровая трансформация финансовых услуг в России // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18, № 2. С. 277–289.
11. Loginov M., Usova N., Nedorostkova E. The Impact of the COVID-19 Coronavirus Pandemic on the National Digital Services Market Development (Exemplified by the Digital Commerce Segment) // Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020) (Yekaterinburg, October 15–16, 2020) / ed. by N. Usova. Atlantis Press, 2020. P. 161–164. (Advances in Economics, Business and Management Research. Vol. 486).
12. Loginov M., Usova N., Nedorostkova E. Developing digital retail services as a tool of ensuring consumer market sustainable development in the Sverdlovsk region // XVI International Scientific and Practical Conference «State. Politics. Society» (Yekaterinburg, November 25–28, 2020). Yekaterinburg : Ural Institute Of Management, Branch of Ranepra, 2020.
13. Кузнецов Б.Л. Введение в экономическую синергетику. Набережные Челны : Изд-во КамПИ, 1999. 326 с.
14. Хакен Г. Синергетика. М. : Мир, 1980. 293 с.
15. Логинов М.П., Усова Н.В. Формирование и развитие потенциала рынка цифровых услуг // e-FORUM. 2020. № 2 (11).
16. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»
17. Логинов М.П. Развитие ипотечного комплекса России (синергетический подход) // Финансы и кредит. 2009. № 36 (372).
18. Логинов М.П. Система ипотечного кредитования как фактор расширенного воспроизводства в АПК // Деньги и кредит. 2008. № 9. С. 27–31.

References

1. Dudin, M.N. & Omarova, Z.K. (2019) Digital entrepreneurship in the area of services and trade sector: essence, aims, tasks, evaluation of economic benefits. *TsITISE*. 1 (18). pp. 31. (In Russian).
2. Temnaya, A.V. (2019) Digital technologies in the service sector: world experience in russian realities. *Vektor ekonomiki*. 5(35). P. 101. (In Russian).
3. Golovtsova, I.G. & Suchkova, M.Yu. (2020) Digital transformation of the service sphere in new conditions. *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*. 4 (54). pp. 81–86. (In Russian).
4. Zav'yalov, D.V., Zav'yalova, N.B. & Kiseleva, E.V. (2019) Digital platforms as a tool and condition of the country's competitiveness in the world market of goods and services. *Ekonomicheskie otnosheniya – Journal of International Economic Affairs*. 2 (9). pp. 443–454. (In Russian). DOI: 10.18334/eo.9.2.40608
5. Zaborovskiy, D.A. (2019) Service quality management under digital economy. *Vestnik obrazovaniya i razvitiya nauki Rossiyskoy akademii estestvennykh nauk – Herald of Education and Science Development of Russian Academy of Natural Sciences*. 3. pp. 20–23. (In Russian). DOI: 10.26163/RAEN.2019.86.21.005
6. Oborin, M.S. & Mitrofanova, I.V. (2020) Strategic directions for the development of the service sector in the digital environment. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 9-1 (10). pp. 162–175. (In Russian). DOI: 10.34670/AR.2020.22.62.017
7. Kuregyan, S.V. & Meleshko, Yu.V. (2021) Interaction mechanisms of digital production, digital services and digital business models. *Tekhniko-tehnologicheskie problemy servisa*. 2 (56). pp. 90–94. (In Russian).

8. Sokolinskaya, N.E. & Gvozdetzskaya, E.A. (2018) Etapy poyavleniya novykh rynkov elektronnykh uslug i tsifrovyykh produktov v Rossii [Stages of the emergence of new markets for electronic services and digital products in Russia]. *Finansovye rynki i banki*. 1. pp. 55–60.
9. Loginov, M.P. & Usova, N.V. (2019) Innovation in the national digital financial services market. *Advances in Economics, Business and Management Research*. 105. pp. 111–116.
10. Usova, N.V. & Loginov, M.P. (2021) Digital transformation of financial services in Russia. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Russian Journal of Economic Theory*. 2 (18). pp. 277–289. (In Russian). DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-2.9
11. Loginov, M., Usova, N. & Nedorostkova, E. (2020) [The Impact of the COVID-19 Coronavirus Pandemic on the National Digital Services Market Development (Exemplified by the Digital Commerce Segment)]. *Advances in Economics, Business and Management Research*. Proceedings of the Research Technologies of Pandemic Coronavirus Impact (RTCOV 2020). Vol. 486. Yekaterinburg. 15–16 October 2020. Atlantis Press. pp. 161–164.
12. Loginov, M., Usova, N. & Nedorostkova, E. (2020) [Developing digital retail services as a tool of ensuring consumer market sustainable development in Sverdlovsk Oblast]. *State. Politics. Society*. Proceedings of the 16th International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg. 25–28 November 2020. Yekaterinburg: Ural Institute of Management, Branch of RANEP.
13. Kuznetsov, B.L. (1999) *Vvedenie v ekonomicheskuyu sinergetiku* [Introduction to Economic Synergetics]. Naberezhnye Chelny: Izd-vo KamPI.
14. Haken, H. (1980) *Sinergetika* [Synergetics]. Translated from German. Moscow: Mir.
15. Loginov, M.P. & Usova, N.V. (2020) Formirovanie i razvitie potentsiala rynka tsifrovyykh uslug [Formation and development of the potential of the digital services market]. *e-FORUM*. 2 (11).
16. Consultant Plus. (2021) *Decree of the President of the Russian Federation “On the National Security Strategy of the Russian Federation” of July 02, 2021 No. 400*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
17. Loginov, M.P. (2009) Razvitie ipotechnogo kompleksa Rossii (sinergeticheskiy podkhod) [Development of the mortgage complex of Russia (synergetic approach)]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 36 (372). pp. 30–36.
18. Loginov, M.P. (2008) Mortgage lending system as a factor of expanded reproduction in agro-industrial complex. *Den'gi i kredit*. 9. pp. 27–31. (In Russian).

Сведения об авторе:

Усова Н.В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия). E-mail: nata-ekb-777@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Usova, Cand. Sci. (Economics), Ural Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia. E-mail: nata-ekb-777@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 330.1
doi: 10.17223/19988648/57/3

Учет природных условий добычи как основа оценки эффективности деятельности предприятия

Сергей Владимирович Чернявский¹, Михаил Викторович Палт²,
Владимир Сергеевич Чернявский³, Ирина Александровна Астахова⁴

^{1, 3} Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, mvpalt@mail.ru

⁴ Майкопский государственный технологический университет,
Майкоп, Россия, Irene-77@mail.ru

¹ vchern2007@bk.ru

³ vchern2007@bk.ru

Аннотация. Налоговый механизм в добывающих отраслях промышленности должен обеспечивать всем предприятиям относительно равные условия хозяйствования, дифференциация которых в значительной степени вызвана влиянием природных условий добычи полезных ископаемых. Однако инструменты используемого налогового механизма, в том числе дифференциация ставок налога на добычу полезных ископаемых, не способны обеспечить необходимое равенство в доходности добывающих предприятий после налогообложения. Дифференциация природных условий добычи полезных ископаемых выражается в дифференциальной горной ренте месторождения, изъятие которого должно быть обеспечено неналоговым методом. Это объясняется тем, что данный рентный доход полностью является собственностью государства, как владельца недр, для чего налоговое изъятие неэффективно.

Ключевые слова: природные ресурсы, производственный капитал, дифференциальная горная рента, квазирента, механизм изъятия горной ренты, неналоговое изъятие, инновационные технологии

Для цитирования: Чернявский С.В., Палт М.В., Чернявский В.С., Астахова И.А. Учет природных условий добычи как основа оценки эффективности деятельности предприятия // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 36–44. doi: 10.17223/19988648/57/3

Accounting for natural mining conditions as the basis for evaluating the effectiveness of the enterprise

Sergei V. Chernyavskiy¹, Mikhail V. Palt²,
Vladimir S. Chernyavskiy³, Irina A. Astakhova⁴

^{1,3} Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, mvpalt@mail.ru

⁴ Maykop State Technological University, Maykop, Russia, Irene-77@mail.ru

¹ vols85-85@mail.ru

³ vols85-85@mail.ru

Abstract. The tax mechanism in the extractive industries should provide all enterprises with relatively equal terms of business, the differentiation of which is largely due to the influence of natural mineral mining conditions, to the number of the production conditions of mining factors of the formation and the quality of minerals. However, the tools of the tax mechanism used, including the differentiation of tax rates for mining, are not able to ensure the necessary equality in mining enterprises' profitability after taxation. Some economists offer a certain averaging of payments for deposits, which, in fact, is a refusal from the principles of rental taxation of mining enterprises. The differentiation of natural mineral mining conditions is expressed in the differential mining rent of the deposit. The withdrawal of the differential mountain rent in the income of the state, the owner of the subsoil, can be ensured by further strengthening the differentiation of tax rates for mining, adding conditions for the development of specific deposits or the use of various forms of non-tax seizures of differential mining. In our opinion, the withdrawal of differential mining rents should be provided with a non-tax method. This is due to the fact that this rental income is fully owned by the state as the owner of the subsoil, for which the tax seizure is inefficient. Another part of the rental deposits of the field is a quasirent, a rent of machines or production capital. The quasirent, fully or partially, but at a rate reduced compared with the level of profit taxation, should be left at the disposal of the mining enterprise to stimulate an increase in the technological and innovative level of production. The last part of rental incomes is an absolute meager, which is formed from the excess of the existing demand for this natural resource. Taxation of absolute rent, as part of the entrepreneurial profit, should be made using the established taxation rates of profits on the general basis. Thus, the taxation of each part of the revenue income of the extractive enterprise should be carried out separately, in accordance with the specified principles, which will ensure the rental nature of the tax mechanism of mining enterprises and will strengthen its stimulating effect on improving the technological and innovative mining level.

Keywords: natural resources, production capital, differential mining, quasirent, mechanism for extracting mountain rent, non-tax seizure, innovative technologies

For citation: Chernyavskiy, S.V., Palt, M.V., Chernyavskiy, V.S. & Astakhova, I.A. (2022) Accounting for natural mining conditions as the basis for evaluating the effectiveness of the enterprise. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 36–44. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/3

Налоговый механизм призван не только обеспечивать «...бюджеты бюджетной системы Российской Федерации стабильными поступлениями налоговых доходов, достаточными для исполнения расходных обязательств субъектами публично-правовых образований (фискальная функция» [3, с. 70], но и «...стимулировать деятельность экономических субъектов разных отраслей» [16], т.е. выполнять стимулирующую функцию. Так, по мнению Г.А. Александрова и А.Л. Яблонева, «...налоговое администрирование вообще и в недропользовании в частности не должно сводиться лишь к фискальной функции» [1, с. 49]. По мнению А.В. Ложниковой, используемый налоговый механизм в добывающих отраслях промышленности «...выполняет фискальную функцию, но не выполняет компенсационную и стимулирующую функции» [7, с. 98]. Однако он «...не заинтересовывает недропользователей в более эффективном использовании природного ресурса. Также отсутствует интерес к достижению максимального извлечения природного ресурса из месторождения в силу специфики распределения затрат в сырьевом комплексе» [7, с. 98–99].

В первую очередь стимулирующая функция налогового механизма в добывающих отраслях промышленности состоит в том, что он должен нивелировать влияние природных условий добычи на доходность отдельных предприятий минерально-сырьевого комплекса за счет изъятия у них дифференциальной горной ренты как части его дохода, «...которая обусловлена природным качеством месторождений» и «...что действующие системы платежей в недропользовании требуют реформирования, основанного на дифференциации месторождений по природным, включая горнотехнические, условиям» [1, с. 47].

Действительно дифференциальная горная рента месторождения или иного объекта добычи есть «...дополнительный не заработанный собственными усилиями доход от использования недр, обусловленный их лучшими характеристиками по отношению к другим месторождениям» [12]. Указанная часть рентных доходов, в отличие от квазиренты, как ренты машин или производственного капитала, образуемой «...из экономии на издержках, которую приносят лучшие машины» [8, с. 16], и абсолютной ренты, представляющей собой рентный доход, образующийся из превышения имеющегося спроса на данный природный ресурс над совокупным предложением, должна полностью изыматься в пользу государства, как собственника недр. В России же, по мнению А.А. Карветской и Г.Б. Морозова, государство и ВИНКи поделили горную ренту от добычи нефти приблизительно пополам, тогда как «...в мире, причем в разных странах – от Латинской Америки до Норвегии – государство в среднем изъясло две трети дохода и треть оставило компаниям» [4, с. 31]. Таким образом, даже с позиции мировой практики недропользования российский налоговый механизм в данной области нуждается в корректировке и совершенствовании.

Однако обеспечить совершенствование налогового механизма в недропользовании за счет изъятия «...в бюджет у хозяйствующих субъектов части прибыли (сверхприбыли), являющейся не результатом непосредствен-

ной предпринимательской деятельности, а полученной в результате использования природного ресурса» [12], возможно различными методами, например, считать, что дифференциальная горная рента – это сверхприбыль, хотя это только ее часть, обусловленная добычей (использованием) природного ресурса. Тогда «дифференциальная горная рента – это дополнительная (незаработанная) часть прибыли (сверхприбыль) горнодобывающего предприятия, получаемая сверх уровня прибыли, объективно определяемого по методике, основанной на учете господствующего в экономике (среднего) банковского процента, за счет эксплуатации более эффективных месторождений» [15]. При этом «...в природе не существует даже двух одинаковых месторождений» [14, с. 59]. Следует согласиться с А.П. Куликовым, который считает, что если «...понятие природной ренты эквивалентно понятию “сверхприбыль” ...тогда природа изъятия будет другой. В то же время величина природной ренты должна определяться в первую очередь природными факторами» [6, с. 403].

Таким образом, единая для горных предприятий и недропользователей ставка среднего банковского процента не может учитывать в каждом случае разные природные условия эксплуатации более эффективных месторождений. В свою очередь, дифференциальная горная рента «...рассчитывается на основе выявляемой многофакторной корреляционной зависимости между природными характеристиками месторождений (факторами), начиная с худших по природным условиям месторождений (“базовых”), и добавочной прибылью как субстанции ренты» [1, с. 48].

В самом простом случае сверхприбыль представляет собой сумму дифференциальной горной ренты (рентный доход, полученный как результат превышения природных условий данного месторождения над худшим (замыкающим) месторождением, принадлежит государству) и квазиренты (рентный доход, полученный от использования более совершенных машин, оборудования, технологий добычи и т.д., за вычетом налога на прибыль, принадлежит недропользователю). В такой ситуации изъятие в пользу государства всей сверхприбыли, включая часть предпринимательской прибыли, неправомерно. Это понимают и сами сторонники отождествления горной ренты и прибыли, предлагая ликвидировать государственную собственность на недра: «...логичнее придать недрам статус гражданской собственности – как среде жизнеобеспечения общества, содержащей разнообразные природные ресурсы. Эта форма собственности более эффективна, чем государственная собственность, и более справедлива, чем частная собственность» [16, с. 68].

Другим способом изъятия у всех категорий недропользователей дифференциальной горной ренты является дальнейшее усиление дифференциации ставок налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Так, В.А. Анищенко отмечает, что ставки НДПИ «...могут дифференцироваться в зависимости от условий разработки месторождений. Устанавливая более низкие ставки, государство стимулирует разработку определенных категорий месторождений углеводородного сырья. Как правило, пониженные

ставки НДС устанавливаются при разработке шельфовых или морских месторождений углеводородного сырья, поскольку их разработка является более затратной» [2, с. 30]. Таким образом, подразумевается, что с помощью дифференциации ставок НДС учитываются не конкретные природные условия добычи отдельных месторождений, а их категорий или групп. Так, единая ставка НДС установлена для месторождений на дне Каспийского моря (0%); морских месторождений в Черном (глубина до 100 м), Печорском, Белом, Японском морях, а также в южной части Охотского моря (15%) и др. [2, с. 94]. Целесообразна ли дальнейшая дифференциация ставок НДС с целью изъятия (налогообложения) рентных доходов, полученных за счет лучших природных условий добычи?

Проблема усложняется тем обстоятельством, что к задаче налогообложения одних доходов (квазиренды, как части предпринимательской прибыли) добавляется задача изъятия дифференциальной горной ренты, т.е. одна и та же ставка должна выполнять совершенно разные функции налогового механизма. Так, по мнению Г.А. Александрова и А.Л. Яблонева, государство в качестве собственника недр призвано выполнять две функции: «...регулировать процесс изъятия ренты как добавочной прибыли, получаемой с лучших по природному качеству участков (рыночный метод), и администрировать налогообложение предпринимательского дохода, присваиваемого недропользователем после вычета ренты из валовой прибыли (административный метод)» [1, с. 47]. В этих условиях НДС «...является, по существу, фискальным и иррациональным по отношению к рентному характеру добывающего производства. Поэтому он по определению не способен выполнять какой-либо регулирующей недропользование функции, а также обеспечивать достижение консенсуса в интересах предпринимателей – разработчиков месторождений полезных ископаемых, и государства – собственника этих месторождений» [1, с. 47]. Однако Д.С. Львов неоднократно отмечал, что «...природная рента должна изыматься и использоваться по тем или иным правилам для нужд общества в целом. Налогом может облагаться только прибыль» [9, с. 11]. Указанной точки зрения придерживаются и другие экономисты: «Дело в том, что рента не является налогом, рента – это факторный доход» [11].

В этих условиях важнейшим недостатком НДС «...является то, что он не делает разницы между высоко- и низкодходными нефтедобывающими предприятиями и месторождениями, поскольку его ставка для всех одна. Производительность скважин может отличаться в десятки раз. Поэтому при низких ставках НДС (которые стимулируют продолжение эксплуатации низкорентабельных месторождений) значительная масса дифференцированной ренты будет скрыта от налогообложения, а при повышении ставок НДС (как это было сделано) в неравном положении будут те нефтедобытчики, которые работают на выработанных и менее продуктивных месторождениях. В этих условиях им придется досрочно консервировать некоторые месторождения, еще пригодные к эксплуатации» [12]. Это объясняется тем, что применение налога на добычу полезных ископаемых

должно корректироваться «...одновременным введением дифференцированной ренты по наиболее продуктивным и рентабельным месторождениям» [12].

Как считает И.В. Картовенко, рентное налогообложение в добывающем секторе состоит «...в полном или почти полном изъятии ренты, несмотря на его теоретическую простоту, чрезвычайно сложно реализовать на практике, что связано с необходимостью учёта характеристик каждого месторождения», поэтому «...альтернативой указанному подходу является изъятие части рентных доходов посредством налоговых механизмов, предполагающих определённое усреднение платежей» [5, с. 22]. Таким образом, необходим или дополнительный налог или платеж, призванный обеспечить изъятие дифференциальной горной ренты, или отказ от рентного налогообложения и использование усредненного взимания ренты с помощью НДС и других платежей.

Если же остановиться на позиции полного изъятия ренты, то в этом случае организация рентного налогообложения или изъятия ренты может быть обеспечена несколькими путями (как налоговыми, так и неналоговыми). Так, В.В. Петрунин считает, что добавление «...в лицензионные соглашения условий разработки конкретных месторождений (в части определения уровня платежей) даст возможность учета множества индивидуальных особенностей добычи полезных ископаемых: специфики их залегания, степени выработанности месторождений и других факторов. Все это, естественно, значительно усложнит составление таких лицензионных соглашений и потребует углубленного контроля государственных органов при администрировании этих платежей. Однако такой подход найдет, по нашему мнению, поддержку у тех недропользователей, которые поставлены в настоящее время в неравные экономические условия из-за наличия у них малопродуктивных месторождений и (или) высоких затрат по их освоению в связи с объективными (природными) факторами» [12].

В определенной мере сходную позицию занимает Е.В. Моргунов, который считает, что «...решение этой задачи для конкретного месторождения нами видится в нахождении компромисса между собственником недр и недропользователем при помощи конкурса (аукциона)» [10, с. 23]. Такое согласование разнородных интересов будет состоять в расчете суммы, полагающейся недропользователю из совокупного дохода, которая «...может рассчитываться на основе банковского процента на вложенный капитал, рентабельности и ряда других экономических показателей с учетом наиболее значимых факторов образования прибыли и горной ренты в нефтегазовом секторе России» [10, с. 23]. Таким образом, и в этом случае дифференциальная горная рента сводится к сверхприбыли. Между тем «...в связке «рента – предпринимательский доход» как две части единого целого (прибыли) рента первична, а предпринимательский доход вторичен» [1, с. 48]. Из суммы дохода должна быть исключена дифференциальная горная рента, подлежащая полному изъятию в федеральный или соответствующие

местные бюджеты, а остаток признается предпринимательским доходом, подлежащим налогообложению по ставке налога на прибыль.

По нашему мнению, следует признать целесообразным использование неналогового изъятия, однако не за счет усиления лицензионных соглашений природными условиями добычи соответствующих объектов разработки, а с помощью индивидуальной цены, устанавливаемой каждому конкретному месторождению, скважине и т.д., по которой полезное ископаемое (нефть) будет оплачиваться государством после добычи, оставаясь его собственностью. Цена должна устанавливаться исходя из обоснованных затрат на добычу весовой или объемной единицы нефти с учетом особенностей применяемой технологии добычи (этим будет обеспечиваться учет конкретных природных условий добычи) и нормальной рентабельности, учитывающей инвестиционные потребности данного месторождения. Это в дальнейшем позволит сосредоточить права на торговлю нефтью на мировых рынках в руках государства или уполномоченных государственных компаний. В то же время учет конкретных природных условий добычи предоставит возможность оценки реальной эффективности производственной деятельности добывающего предприятия, очищенной от влияния природных факторов. В современных кризисных условиях это позволит максимизировать поступление в федеральный бюджет рентного дохода за счет разницы между мировыми и внутренними ценами на нефть.

Список источников

1. Александров Г.А., Яблонев А.Л. Рентное регулирование и налоговое администрирование как факторы инвестиционной привлекательности торфодобывающего производства // Горный журнал. 2019. № 5. С. 46–50.
2. Анищенко В.А. Развитие системы налогообложения добычи и реализации углеводородного сырья в России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 213 с.
3. Архипова И.И., Иванова Н.А. Особенности построения налоговой системы РФ // Транспортное дело России. 2018. № 6. С. 70–73.
4. Карветская А.А., Морозов Г.Б. О распределении природной ренты в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 9 (147). С. 31–37.
5. Картовенко И.В. Налоговые регуляторы нефтяного сектора в современной экономике : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 24 с.
6. Куликов А.П. Подход к оценке природной ренты с точки зрения характеристик месторождения // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2004. Т. 2. С. 398–419.
7. Ложникова А.В. Рента в условиях модернизации и технологического развития: макро- и микроэкономическая природа. Томск : ТГУ, 2011. 300 с.
8. Ложникова А.В. Рента и рентная политика: трансформация в условиях модернизации экономики России : дис. ... д-ра экон. наук. Томск, 2011. 404 с.
9. Львов Д.С. О формировании системы национального дивиденда // Вестник университета. 2001. № 1 (2). С. 5–19.
10. Моргунов Е.В. Институционализация горной ренты (на примере нефтегазового сектора народного хозяйства России) : дис. ... канд. экон. наук. М., 2002. 122 с.
11. Некипелов А.Д. Политика правительства блокирует модернизацию экономики. URL: http://www.ng.ru/Идеи/.../10_nekipelov.html/

12. Петрунин В.В. Перспективы развития рентных платежей в сфере пользования природными ресурсами. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/105882>
13. Природные ресурсы и окружающая среда. URL: <http://www.grandars.ru/География/Природные ресурсы/>
14. Разовский Ю.В., Булат С.А., Савельева Е.Ю. Оценка горной ренты. М. : Изд-во СГУ, 2009. 182 с.
15. Разовский Ю.В., Савельева Е.Ю. Развитие классификации ренты. URL: <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=644833&soch=1/>
16. Семенов А.В., Руденко Ю.С., Разовский Ю.В., Макаркин Ю.Н. Арктическая нефтегазовая рента // Бурение и нефть. 2015. № 3. С. 64–69.
17. Шарифов А.А. Роль налоговой системы в регулировании экономики // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2010. № 1. С. 220–221.

References

1. Aleksandrov, G.A. & Yablonev, A.L. (2019) Rental management and tax administration as factors of investment attractiveness of peat industry production. *Gornyy zhurnal – Ore & Metals*. 5. pp. 46–50. (In Russian). DOI: 10.17580/gzh.2019.05.08
2. Anishchenko, V.A. (2016) *Razvitie sistemy nalogooblozheniya dobychi i realizatsii uglevodorodnogo syr'ya v Rossii* [Development of the taxation system for the extraction and sale of hydrocarbon raw materials in Russia]. Economics Cand. Diss. Moscow.
3. Arkhipova, I.I. & Ivanova, N.A. (2018) Creation features of the tax system in Russian Federation. *Transportnoe delo Rossii – Transport Business of Russia*. 6. pp. 70–73. (In Russian).
4. Karvetskaya, A.A. & Morozov, G.B. (2009) О распределении природной ренты в современной России [On the distribution of natural rent in modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 9 (147). pp. 31–37.
5. Kartovenko, I.V. (2009) *Nalogovye regulatory neftyanogo sektora v sovremennoy ekonomike* [Tax regulators of the oil sector in the modern economy]. Abstract of Economics Cand. Diss. Moscow.
6. Kulikov, A.P. (2004) Approach for natural rent estimation from the deposit characteristics point of view. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*. 2. pp. 398–419. (In Russian).
7. Lozhnikova, A.V. (2011) *Renta v usloviyakh modernizatsii i tekhnologicheskogo razvitiya: makro- i mikroekonomicheskaya priroda* [Rent in the Conditions of Modernization and Technological Development: Macro- and microeconomic nature]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Lozhnikova, A.V. (2011) *Renta i rentnaya politika: transformatsiya v usloviyakh modernizatsii ekonomiki Rossii* [Rent and rent policy: transformation in the conditions of modernization of the Russian economy]. Economics Dr. Diss. Tomsk.
9. L'vov, D.S. (2001) О формировании системы националь'но дивиденда [On the formation of the national dividend system]. *Vestnik universiteta*. 1 (2). pp. 5–19.
10. Morgunov, E.V. (2002) *Institutsionalizatsiya gornoy renty (na primere neftegazovogo sektora narodnogo khozyaystva Rossii)* [Institutionalization of mining rent (on the example of the oil and gas sector of the national economy of Russia)]. Economics Cand. Diss. Moscow.
11. Nekipelov, A.D. (2005) Politika pravitel'stva blokiruet modernizatsiyu ekonomiki [Government policy blocks the modernization of the economy]. *Nezavisimaya gazeta* [Online] Available from: http://www.ng.ru/Idei/.../10_nekipelov.html
12. Petrunin, V.V. (2005) *Perspektivy razvitiya rentnykh platezhey v sfere pol'zovaniya prirodnymi resursami* [Prospects for the development of rent payments in the field of natural resources use]. [Online] Available from: <https://www.lawmix.ru/bux/105882>

13. Grandars.ru (n.d.) *Prirodnye resursy i okruzhayushchaya sreda* [Natural resources and the environment]. [Online] Available from: [http://www.grandars.ru/Geografiya/Prirodnye resursy/](http://www.grandars.ru/Geografiya/Prirodnye%20resursy/)
14. Razovski, Yu.V., Bulat, S.A. & Savel'eva, E.Yu. (2009) *Otsenka gornoy renty* [Assessment of Mining Rent]. Moscow: Modern University for the Humanities.
15. Razovski, Yu.V. & Savel'eva, E.Yu. (2011) *Razvitie klassifikatsii renty* [Development of rent classification]. [Online] Available from: <http://viperson.ru/articles/razvitie-klassifikatsii-renty>
16. Semenov, A.V. et al. (2015) Arctic oil and gas rents. *Burenie i nef't'*. 3. pp. 64–69. (In Russian).
17. Sharifov, A.A. (2010) Role of the taxes system in the regulation of the economics. *RISK: Resursy, Informatsiya, Snabzhenie, Konkurentsia*. 1. pp. 220–221. (In Russian).

Сведения об авторах:

Чернявский С.В. – доктор экономических наук, профессор, лаборатория институциональной динамики Центрального экономико-математического института РАН (Нахимовский пр., 47, Москва, Россия, 117418). E-mail: vols85-85@mail.ru

Палт М.В. – кандидат экономических наук, кафедра экономики природопользования экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991). E-mail: mvpalt@mail.ru

Чернявский В.С. – кандидат экономических наук, лаборатория финансово-кредитных механизмов экономического развития Центрального экономико-математического института РАН (Нахимовский пр., 47, Москва, Россия, 117418). E-mail: vchern2007@bk.ru

Астахова И.А. – кандидат экономических наук, кафедра землеустройства, Майкопский государственный технологический университет (ул. Первомайская, 191, Майкоп, Республика Адыгея, Россия, 385000). E-mail: Irene-77@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.V. Chernyavskiy, Dr. Sci. (Economics), Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: vols85-85@mail.ru

M.V. Palt, Cand. Sci. (Economics), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: mvpalt@mail.ru

V.S. Chernyavskiy, Cand. Sci. (Economics), Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: vchern2007@bk.ru

I.A. Astakhova, Cand. Sci. (Economics), Maykop State Technological University, Maykop, Russia. E-mail: Irene-77@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 336.02; 338.2
doi: 10.17223/19988648/57/4

Современная концепция регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств

Михаил Львович Дорофеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
dorofeevml@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2829-9900>

Аннотация. *Предмет.* Социально-экономическое неравенство является проблемой глобального масштаба, которая так или иначе затрагивает любую страну. Высокий уровень неравенства служит угрозой для устойчивости демократических институтов и экономического роста, в связи с чем большое количество ученых привлекают внимание к этой проблеме последние пару десятков лет, в течение которых общий уровень социально-экономического неравенства вырос как во внутристрановом, так и в межстрановом аспекте. Достаточно ли тех усилий, которые предпринимаются регуляторами сегодня для того, чтобы сдерживать рост социально-экономического неравенства, и все ли из того, что делается, концептуально правильно? Эти вопросы очень актуальны в последние несколько лет. *Целью* исследования является сравнительный анализ и развитие целеполагания и концепции государственного регулирования социально-экономического неравенства в глобальном масштабе в программе ЦУР ООН и в России на уровне документов стратегического планирования. *Методами* исследования послужили анализ и синтез информации из программы устойчивого развития ООН и документов стратегического планирования социально-экономического развития России. Получены *выводы*, что целеполагание и концепция регулирования социально-экономического неравенства на уровне ООН и в России асимметричны относительно кривой распределения доходов домохозяйств и имеют заметный сдвиг на ее левый конец. Борьба с бедностью – ключевой приоритет в усилиях по борьбе с социально-экономическим неравенством в мире. При этом регулирование неравенства на правом конце кривой распределения доходов и внятная государственная политика оптимизации темпов роста доходов и богатства самых богатых домохозяйств отсутствуют или представлены в документах стратегического планирования очень слабо. В качестве *рекомендаций* предлагается использовать и развить концепцию регулирования социально-экономического неравенства на основе теории Ф. Бургинона «бедность – экономический рост – неравенство».

Ключевые слова: устойчивое развитие, ЦУР ООН, бедность, богатство, экономический рост, экономическое неравенство, домохозяйства, доходы

Для цитирования: Дорофеев М.Л. Современная концепция регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 45–60. doi: 10.17223/19988648/57/4

Development of the modern concept of regulation of socio-economic inequality of households

Mikhail L. Dorofeev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, dorofeevml@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2829-9900>

Abstract. Socio-economic inequality is a global problem that, in one way or another, affects any country. High inequality is a threat to the sustainability of democratic institutions and economic growth. That is why a large number of scholars have been drawing attention to this problem for the past couple of decades, during which the overall level of socio-economic inequality has grown both globally and within countries. Are the efforts that regulators are making today enough to contain the rise of socio-economic inequality, and is everything that is being done correct conceptually? These issues have been very relevant over the past few years. The aim of this research is to analyse and develop the concept of a state regulation of socio-economic inequality on a global scale in the UN Sustainable Development Goals program and in Russia at the level of strategic planning documents. The research method is the analysis and synthesis of information from the UN sustainable development program and strategic planning documents for the socio-economic development of Russia. The author has revealed that the goal and concept of regulating socio-economic inequality at the UN level and in Russia are asymmetric relative to the household income distribution curve and have a noticeable shift to its left end. Combating and reducing poverty is a key priority in the regulation of socio-economic inequality in the world. At the same time, the regulation of inequality at the right end of the income distribution curve and the clear state policy of optimizing the growth rate of income and wealth of the richest households are absent or poorly represented in strategic planning documents. As recommendations, the author proposes to use and develop the concept of regulating socio-economic inequality based on Francois Bourguignon's "poverty – economic growth – inequality" theory.

Keywords: sustainable development, UN Sustainable Development Goals, poverty, wealth, economic growth, economic inequality, households, income

For citation: Dorofeev, M.L. (2022) Development of the modern concept of regulation of socio-economic inequality of households. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 45–60. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/4

Введение

Неравенство – одна из наиболее труднопреодолимых проблем в развитии человечества, сравнимая с ядом змеи, который в малых дозах может успешно применяться в лечебных целях, при этом его чрезмерное количество смертельно опасно для жизни. Проблемы несоразмерности и несправедливости распределения доходов и богатства относительно способностей и талантов людей широко обсуждаются во многих странах [1]. Наибо-

лее очевидной целью борьбы с избыточным экономическим неравенством является стремление к социальной справедливости и создание равных возможностей для всех, чтобы каждый мог получить равные шансы на процветание.

Экономисты рассматривают проблематику регулирования социально-экономического неравенства в контексте поиска компромисса между неравенством и ростом [2–6]. Природа неравенства, по мнению социологов, тесно связана с действием не только экономических, но также социальных и экзистенциальных сил [7]. Опыт реформирования экономики Китая показывает, что сглаживание чересчур высокого уровня социально-экономического неравенства вполне способно стать более приоритетной целью развития, чем просто банальные «достижение и сохранение высоких темпов экономического роста» [6, 8–10].

Неравенство противоречит демократическим ценностям и может разрушить эффективные общественные институты, что приведет к возникновению большого спектра других социально-экономических проблем. С этой точки зрения сохранение баланса равенства возможностей в обществе является залогом устойчивости демократического общества. Данную идею в экономическом направлении развили D. Acemoglu и J.A. Robinson [9] в своей книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные». Авторы предложили теоретическую концепцию «правильного» институционального устройства работы любой экономики, выделив инклюзивные и экстрактивные экономические институты, от которых во многом зависит баланс равенства возможностей для всех членов общества.

Когда система институтов в стране выстроена экстрактивно, ее экономика настроена на увеличение уровня экономического неравенства. В таких условиях происходит быстрое обогащение «правлящей элиты», а большая часть общества обречена на бедность и нищету; повышается вероятность деградации системы политических сдержек и противовесов; часто нарушаются и не могут быть защищены права собственности; исчезают экономические мотивации экономических агентов; происходит отток финансового и человеческого капитала из страны; снижается эффективность государственного управления; растет коррупция; деформируется система перераспределительных отношений и т.п.

Инклюзивные экономические институты являются полной противоположностью экстрактивных и создают условия для «созидательного разрушения», равенства возможностей, политического плюрализма, надежной защиты прав собственности, эффективной системы государственного управления экономикой, обеспечивающей качественные общественные блага и способствующей обогащению большинства.

Одной из наиболее важных целей по регулированию неравенства является ликвидация неравенства возможностей, которое возникает из-за разных стартовых возможностей людей. С этой точки зрения создание и развитие инклюзивных экономических институтов является чрезвычайно

важной задачей в любой стране, заинтересованной в росте благосостояния своих граждан.

В последние годы стала также актуальна проблема негативного влияния экономического неравенства на экологию из-за перепроизводства и перепотребления, в том числе обусловленных ростом достатка наиболее обеспеченных граждан [11].

В данной статье рассмотрена и дана оценка действующей концепции регулирования социально-экономического неравенства на уровне ЦУР ООН и в документах стратегического планирования России. Также предлагается алгоритм развития существующей системы государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства в России на основе модели «треугольник Ф. Бургиньона».

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования стали официальные документы ООН [12–13] с описанием целей устойчивого развития, а также «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года от 17 ноября 2008 г.» [14] (далее – Концепция) и «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года от 31 декабря 2015 г.» (далее – Стратегия) [15]. На основе анализа и синтеза этой информации дана оценка существующей концепции регулирования социально-экономического неравенства на глобальном уровне и в России.

Результаты

1. Взгляд на регулирование экономического неравенства через призму ЦУР ООН. ООН призывает стран-участников обеспечить такие условия функционирования их экономик, в которых никто не будет оставлен без внимания. Исключение какой-либо части общества из экономической жизни не позволяет достичь устойчивости развития. Высокое неравенство может стать причиной роста количества преступлений, болезней и негативного влияния на окружающую среду. В этой связи генеральной целью ООН по регулированию неравенства в целом и экономического неравенства в частности является снижение его уровня как внутри стран, так и между ними [16].

В рамках глобальной программы ООН разработано 17 целей устойчивого развития (рис. 1), среди которых есть пять целей, напрямую связанных с борьбой с бедностью (красные маркеры), и две цели по борьбе с неравенством в широком смысле (зеленые маркеры). Цели, отмеченные желтыми маркерами, косвенно помогают бороться с бедностью и снижать неравенство за счет создания экономических возможностей и увеличения шансов на построение лучшей жизни для каждого члена общества.

Несмотря на определенные достижения по борьбе с бедностью и усилия по борьбе с неравенством, ООН отмечает, что эти проблемы до сих пор

сохраняются. Рассмотрим более подробно концепцию борьбы с неравенством в структуре ЦУР ООН. На рис. 2 представлены шесть задач по сокращению внутристранового неравенства в рамках 10-й цели устойчивого развития ООН.

На рис. 3 показаны еще четыре задачи по борьбе с неравенством, в большей степени сфокусированные на межстрановом аспекте.

По данным рис. 2 и 3 можно заметить, что большая часть рекомендаций и концептуальных идей ООН по регулированию экономического неравенства связана с идеями по борьбе с бедностью. Современная концепция регулирования неравенства во многом строится на целеполагании по регулированию экономического неравенства «снизу». Ликвидация экстремальной нищеты и борьба с бедностью как ультимативные цели понятны по своей сути и в принципе универсальны для всех стран с точки зрения их практической реализации. В то же время экономическое неравенство служит гораздо более комплексным и нестандартным экономическим явлением для разных стран. Регулирование этой проблемы в рамках внутристранового аспекта необходимо проводить с учетом специфики каждой отдельно взятой страны.

Концепция ООН логична и охватывает много важнейших вопросов по проблематике бедности и неравенства, однако в то же время нельзя назвать ее исчерпывающей. С нашей точки зрения, в данной концепции уделено недостаточно внимания регулированию экономического неравенства «сверху», не предложены концептуальные идеи по настройке глобальной фискальной системы, оптимизации предельной налоговой нагрузки по всей кривой распределения доходов, в особенности на ее правом конце (для богатых и сверхбогатых домохозяйств).

Рис. 1. Регулирование экономического неравенства и бедности в целях устойчивого развития ООН.

Источник: составлено автором на основе [12–13, 16–18]

Цель №10 из 17 целей устойчивого развития ООН: Задачи по сокращению неравенства <u>внутри стран</u>	
10.1. К 2030 году постепенно достичь и поддерживать рост доходов наименее обеспеченных 40 процентов населения на уровне, превышающем средний по стране.	Регулирование внутристранового экономического неравенства «снизу», путем борьбы с нищетой и бедностью.
10.2. К 2030 году поддержать законодательным путем и поощрять активное участие всех людей в социальной, экономической и политической жизни независимо от их возраста, пола, инвалидности, расы, этнической принадлежности, происхождения, религии и экономического или иного статуса.	Нормотворческие практики для защиты прав и обеспечения возможностей для всех групп граждан. Очевиден акцент на социально незащищенных слоях общества.
10.3. Обеспечить равенство возможностей и уменьшить неравенство результатов, в том числе путем отмены дискриминационных законов, политики и практики и содействия принятию соответствующего законодательства, политики и мер в этом направлении.	Очень широкая, при этом недостаточно конкретная задача по балансировке возможностей и результатов для всех членов общества. Концептуально она предельно близка к теме экономического неравенства.
10.4. Принять соответствующую политику, особенно бюджетно-налоговую политику и политику в вопросах заработной платы и социальной защиты, и постепенно добиваться обеспечения большего равенства.	Регулирование внутристранового неравенства и «снизу» (поддержка социально-незащищенных слоев населения) и «сверху» (большее равенство в доходах за счет налоговой политики).
10.5. Совершенствовать методы регулирования и мониторинга глобальных финансовых рынков и учреждений и более последовательно применять такие методы.	Очень важный аспект регулирования экономического неравенства по богатству (наиболее проблемного вида), обеспечения фин. стабильности и устойчивости, ликвидация проблемы избегания налогов, недобросовестных практик финансовых организаций.
10.7. Содействовать упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе с помощью проведения спланированной и хорошо продуманной миграционной политики.	Важный аспект борьбы с нищетой и бедностью и регулирования экономического неравенства «снизу».

Рис. 2. Общая концепция и список задач по регулированию внутристранового экономического неравенства в соответствии с целью № 10 ЦУР ООН.

Источник: составлено автором на основе [12–13, 16–18]

Реализация данной концепции на уровне отдельно взятой страны требует дополнительной проработки вопросов прогрессивного налогообложения, межстрановой координации усилий по избеганию налогов крупными налогоплательщиками, эффективной антимонопольной политики и адекватного регулирования быстрой экспансии транснациональных корпораций и экосистем в различных секторах мировой экономики. Главное, что бы мы хотели подчеркнуть, – важно не заикливаться только на бедности, но и продумывать и прорабатывать стратегии того, как можно решать проблему неравенства в комплексе с другими задачами социально-экономического развития.

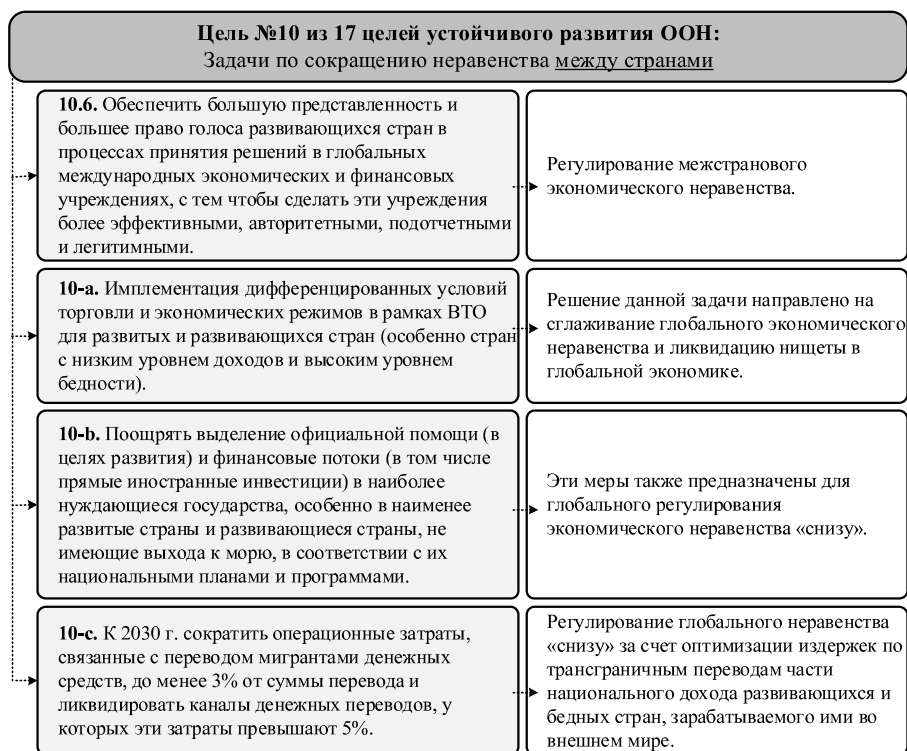

Рис. 3. Направления достижения цели № 10 ЦУР ООН в части борьбы с межстрановым экономическим неравенством.

Источник: составлено автором на основе [12–13, 16–18]

2. Решение проблемы социально-экономического неравенства на основе триединства факторов «бедность – неравенство – экономический рост». В 2004 г. Ф. Бургиньон в своем исследовании [19] предложил концепцию экономического развития на основе регулирования бедности, экономического роста и неравенства, получившую название «треугольник Ф. Бургиньона» (рис. 4).

Работа Ф. Бургиньона, посвященная проблеме бедности, начинается с описания дилеммы целеполагания в развитии страны и решения проблемы выбора между экономическим ростом, ликвидацией бедности и (или) борьбы с экономическим неравенством. Автор сразу же предлагает оригинальное и логичное решение этой дилеммы. Сначала он пишет, что дилемма выбора между одним из трех составляющих треугольника «Бедность – Неравенство – Рост» (рис. 4) является ложной для разработки адекватной стратегии развития. Вместо этого концептуально следует фокусироваться на одновременном и комплексном решении всех трех задач в рамках двух направлений финансового регулирования: 1) ликвидация абсолютной нищеты в любых ее проявлениях; 2) выработка оптимальной политики фи-

нансового перераспределения для максимизации темпов экономического роста с учетом специфических особенностей страны.

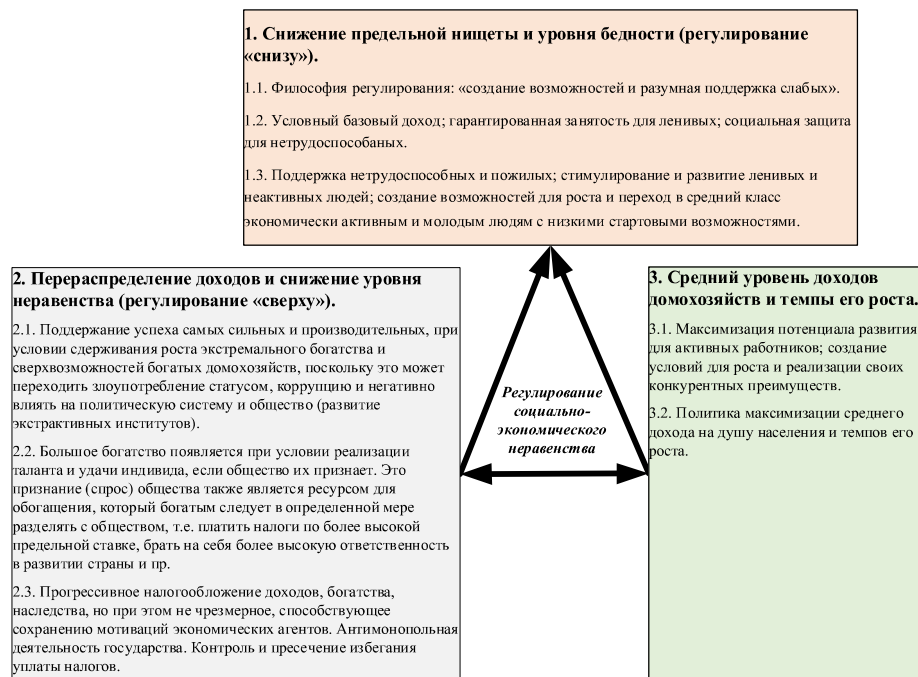

Рис. 4. Треугольник Ф. Бургиньона «Бедность (нищета) – Неравенство (поляризация) – Рост (доходов или потребления)» или «Poverty-Growth-Inequality (PGI) Triangle».

Источник: составлено и дополнено автором на основе [19]

Из концепции Ф. Бургиньона заслуживают внимания следующие идеи:

1. Бедность и нищета зависят от экономического неравенства и интенсивности перераспределения доходов, а также от уровня развития экономики и темпов ее роста.

2. Феномен взаимосвязей между социально-экономическими категориями треугольника Ф. Бургиньона проявляется в том, что неравенство (в части поляризации доходов и богатства) и экономический рост взаимосвязаны между собой и оказывают обоюдное влияние друг на друга. При этом они в одностороннем порядке оказывают влияние на уровень предельной нищеты и бедности в стране (см. направление стрелок на рис. 4).

3. Ликвидация предельной нищеты является необходимым, но недостаточным условием для оптимизации неравенства и максимизации темпов экономического роста.

4. Концепция Ф. Бургиньона учитывает, что влияние изменений факторов друг на друга будет зависеть от первоначального уровня доходов и экономического неравенства в стране и может различаться для разных стран.

Таким образом, концепция регулирования социально-экономического неравенства может быть представлена в виде функции максимизации темпов экономического роста на основе эффективного перераспределения доходов, богатства и наследства через механизм бюджетно-налоговой системы с учетом для оптимизации уровня экономического неравенства, минимизации бедности и ликвидации предельной нищеты.

3. Концепция государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств в России. Л.В. Костылева [20] провела анализ социальной политики государства на предмет ее потенциала для снижения экономического неравенства и бедности населения России. Всего было проанализировано порядка 35 нормативно-правовых документов по вопросам повышения благосостояния и снижения бедности российских домохозяйств. В перечне рассмотренных документов особое значение отведено «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года от 17 ноября 2008 г.» [14] и «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года от 31 декабря 2015 года» [15]. Они представляют собой развернутое описание стратегического плана развития России и являются одними из немногих официальных документов, в которых фигурирует проблематика регулирования социально-экономического неравенства.

Интересен тот факт, что в Концепции и Стратегии впервые стал фигурировать конкретный показатель оценки уровня социально-экономического неравенства домохозяйств – децильный коэффициент фондов. Более того, в результате принятия ряда мер государственного регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств, ожидалось снижение этого показателя с 16,8 раза в 2008 г. до 12 раз в 2020 г.

В Концепции содержатся конкретные цели, задачи и целевые ориентиры параметров социально-экономического развития, сгруппированные в два этапа развития России: первый с 2008 по 2012 г. и второй с 2013 по 2020 г. На текущий момент Россия в своем историческом развитии уже прошла оба этих этапа и с этой точки зрения наступил подходящий момент для анализа сделанных прогнозов и качества их исполнения.

Формальный анализ Концепции показал, что она представляет собой объемный документ (более 190 страниц), который плохо структурирован. В материалах Концепции содержится много повторяющейся и избыточной информации, приложения не лучшим образом отражают содержание основного текста документа, значения ключевых показателей в основном тексте и приложениях расходятся. В документе не хватает цифрового материала, дорожных карт и прочих вспомогательных информационных элементов, что затрудняет восприятие предлагаемой программы развития.

Большое количество обозначенных в положениях Концепции направлений развития России не сопровождается конкретными целевыми показателями эффективности. Многие цели развития размыты, в связи с чем оценка их фактической реализации представляется затруднительной. Например,

на с. 67 Концепции написано про решение проблемы беспризорности детей к 2015 г. Если речь шла про полную ликвидацию данного явления в России, то очевидно, что эта цель так и не была достигнута к 2020 г. [21].

Анализ содержательной части Концепции показал, что в программе учтен широкий спектр жизненно необходимых задач по переходу к развитой инновационной несырьевой экономике, подходящий для развивающихся стран. В программе Концепции сформулированы требования по обеспечению высоких стандартов благосостояния домохозяйств и роста социального благополучия населения; поставлена задача увеличения качества государственного управления и роста доверия к органам государственной власти; предусмотрен принцип сбалансированного пространственного развития; обоснована необходимость формирования и развития институтов экономической свободы и справедливости; сформулирована задача по повышению инновационности и конкурентоспособности российской экономики на мировом рынке; описан план по расширению стратегического сотрудничества с ключевыми международными торговыми партнерами и многое другое.

Изучение состава и прогресса в исполнении национальных целей развития России также показывает, что проблеме социально-экономического неравенства не уделяется должного внимания [22]. Этот вопрос раскрывается там даже меньше, чем в программе устойчивого развития ООН. Россия борется с экономическим неравенством в рамках достижения цели по снижению уровня бедности относительно прошлых периодов. Основным методом по снижению уровня бедности к 2020 г. должно было стать обеспечение высоких темпов экономического роста, но с 2014 г. мы видим, что этот метод работает очень плохо [23].

С нашей точки зрения, при условии внесения актуальных корректировок, должном структурировании Концепции, удалении излишней и повторяющейся информации и дополнении вспомогательными цифровыми материалами описанная в нем программа вполне бы могла и сегодня стать основой для разработки новой актуальной концепции долгосрочного социально-экономического развития России на долгосрочную перспективу до 2030 г.

Обсуждение результатов

В заключительной части данной статьи предлагается порядок развития действующей системы государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств в России (рис. 5).

В качестве входящей информации следует взять портфель действующих документов стратегического планирования, которые используются в настоящее время и затрагивают вопросы регулирования социально-экономического неравенства.

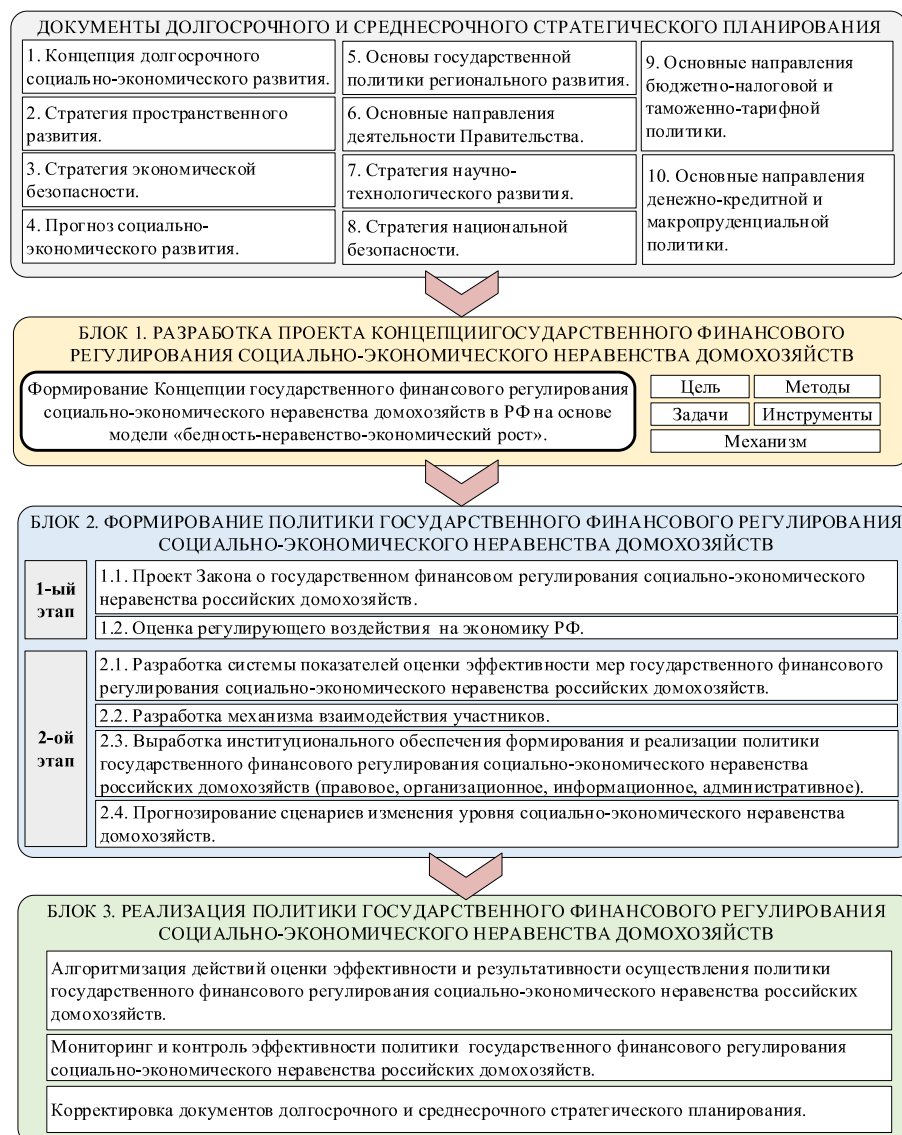

Рис. 5. Алгоритм совершенствования системы государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств в России.

Источник: составлено автором

На основании этих документов следует проработать концепцию государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств в России как отдельный стратегический документ, учитывающий содержание и приоритеты входящей информации. В соответствии с этой концепцией следует внести корректировки в действующую социально-экономическую политику России и использовать необходимые

методы и инструменты государственного финансового регулирования для того, чтобы оптимизировать уровень социально-экономического неравенства домохозяйств.

Ключевыми методами и инструментами воздействия будет следующее:

1. Регулирование социально-экономического неравенства «снизу» (нижние 50% домохозяйств) должно проводиться за счет методов борьбы с нищетой и бедностью. В данной сфере в России уже существует достаточно эффективная система регулирования. Ее слабой стороной является то, что правительству далеко не всегда удается обгонять инфляцию при индексации пенсий и при поддержке нижней группы домохозяйств по доходам. Также есть проблема адресности финансовой поддержки.

2. Регулирование социально-экономического неравенства «в центре» (средние 40% домохозяйств) во многом связано с созданием возможностей для экономического роста. Для этого необходимо развивать качество экономических институтов, повышать уровень инклюзивности экономики, улучшать инвестиционный климат, бороться с коррупцией, повышать качество государственного управления.

3. Регулирование социально-экономического неравенства «сверху» (верхние 10% домохозяйств) – оптимизация прогрессивности налоговой системы, ликвидация возможностей по избеганию налогов для крупных налогоплательщиков, антимонопольная работа.

Развитие системы государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств в порядке, указанном на рис. 5, необходимо проводить с поправкой на существующие методологические проблемы оценки экономического неравенства [3], с учетом страновой специфики и особенностей социально-экономического развития страны, т.е. важно видеть и контролировать экономический смысл за цифрами и моделями в каждой конкретной ситуации, а также ставить его во главу угла в процессе принятия регуляторных решений.

Заключение

Проблема социально-экономического неравенства в современных условиях очень актуальна. Важность ее решения заключается в обеспечении равных возможностей для всех людей, чтобы каждый мог раскрыть свой потенциал и принести максимальную пользу для общества.

В статье рассмотрена существующая концепция регулирования экономического неравенства в рамках ЦУР ООН. Анализ этих материалов позволил сделать вывод, что в программе устойчивого развития ООН очень много внимания уделено борьбе с бедностью, но при этом мало информации о том, как странам следует координировать усилия для борьбы с неравенством «сверху» (оптимизация прогрессивных налогов и решение проблем избегания налогов).

Рассмотрена и проанализирована концепция Ф. Бургиньона, согласно которой эффективная борьба с неравенством должна проводиться в трех

направлениях: снижение уровня бедности, ускорение экономического роста и оптимизация уровня экономического неравенства.

Также мы проанализировали стратегические документы социально-экономического развития России и выявили картину, похожую на то, что мы увидели в документах ООН. Россия прикладывает много усилий по борьбе с бедностью и это является наиболее сильной составляющей действующей политики по борьбе с социально-экономическим неравенством. Но в остальных аспектах действующие меры выглядят разрозненными, нечеткими и плохо формализованными уже на уровне стратегического планирования. В этой связи на основе концепции Ф. Бургиньона предложен алгоритм развития действующей системы государственного финансового регулирования социально-экономического неравенства домохозяйств в России.

Список источников

1. *Россоианский А.И.* Социально-экономическое неравенство населения в контексте развития социального государства современной России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 7 (98). С. 108–117.
2. *Дорофеев М.Л.* Анализ причин долгосрочных изменений экономического неравенства в мировой экономике // Финансы: теория и практика. 2020. № 24 (6). С. 174–186. doi: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-174-186
3. *Дорофеев М.Л.* Актуальные проблемы регулирования экономического неравенства и пути их решения // Банковское дело. 2021. № 8. С. 24–30.
4. *Любимов И.Л.* Неравенство и экономический рост: вызовы для российской экономики // Российское предпринимательство. 2016. № 17 (1). С. 11–22.
5. *Чиньяно Ф.* Тенденции неравенства доходов и его воздействие на экономический рост // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 10 (3). С. 97–133.
6. *Michálek A., Východík J.* Economic Growth, Inequality and Poverty in the EU // Social Indicators Research. 2018. doi: 10.1007/s11205-018-1858-7
7. *Куракин Д.* Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. doi: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231
8. *19 съезд КПК: внешние и внутренние последствия и перспективы реформ в Китае* // Сравнительная политика. 2018. № 2.
9. *Acemoglu D., Robinson J.A.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Published in the United States by Crown Publishers. N.Y. : Crown Publishing Group, 2012. 571 p. URL: <https://norayr.am/collections/books/Why-Nations-Fail-Daron-Acemoglu.pdf>
10. *Tridico P., Paternesi M.W.* Economic growth, welfare models and inequality in the context of globalization // Economic and Labour Relations Review. 2018. № 29. P. 118–139. doi: 10.1177/1035304618758941
11. *Wiedmann T., Lenzen M., Keyßer L.T. et al.* Scientists' warning on affluence // Nat Commun. 2020. № 11. P. 3107. <https://doi.org/10.1038/s41467-020-16941-y>. URL: <https://www.nature.com/articles/s41467-020-16941-y.pdf>
12. *UN.* The Sustainable Development Agenda. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda/> (accessed 11.07.2021).
13. *UN.* 17 Goals to Transform Our World. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/inequality/> (accessed: 11.07.2021).

14. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/aaofFKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf> (дата обращения: 05.08.2021).
15. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 05.08.2021).
16. ООН. Почему важно равенство. URL: http://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_10_Equality.pdf (дата обращения: 15.08.2021).
17. Цели в области устойчивого развития ООН. Цель 10: Сокращение неравенства внутри стран и между ними. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/inequality/> (дата обращения: 18.08.2021).
18. Росстат. Цели устойчивого развития. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status> (дата обращения: 19.08.2021).
19. Bourguignon F. The poverty-growth-inequality triangle. The World Bank Policy Research // Working Paper (28102). 2004. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/449711468762020101/pdf/28102.pdf> (accessed: 11.07.2021).
20. Костылева Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование / под рук. В.А. Ильина. Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. 223 с.
21. Блинков А.П., Дробнева О.А. Беспризорность и безнадзорность среди несовершеннолетних // Актуальные вопросы теории и практики в деятельности подразделений полиции : материалы межведомственной научно-практической конференции. Волгоград, 6 марта 2020 года. М. : Спутник+ 2020. С. 27–29.
22. Мониторинг национальных целей России. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/ДАЙДЖЕСТ%20НАЦИОНАЛЬНЫХ_ЦЕЛЕЙ.pdf (дата обращения: 14.08.2021).
23. Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 14.08.2021).

References

1. Rossoshanskiy, A.I. (2019) Socio-economic inequality in the context of the development of a social state in modern Russia. *Vestnik NGIEI*. 7 (98). pp. 108–117. (In Russian).
2. Dorofeev, M.L. (2020) Analysis of the Causes of long-Term Changes in Economic Inequality in the Global Economy. *Finansy: teoriya i praktika – Finance: Theory and Practice*. 24 (6). pp. 174–186. (In Russian). DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-6-174-186
3. Dorofeev, M.L. (2021) Aktual'nye problemy regulirovaniya ekonomicheskogo neravenstva i puti ikh resheniya [Actual problems of regulation of economic inequality and ways to solve them]. *Bankovskoe delo*. 8. pp. 24–30.
4. Lyubimov, I.L. (2016) Inequality and economic growth: challenges for the russian economy. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*. 17 (1). pp. 11–22. (In Russian). DOI: 10.18334/rp.17.1.2194
5. Cingano, F. (2015) Trends in Income Inequality and its Impact on Economic Growth. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika – International Organisations Research Journal*. 3 (10). pp. 97–133. (In Russian).
6. Michálek, A. & Výboštok, J. (2018) Economic Growth, Inequality and Poverty in the EU. *Social Indicators Research*. 141. pp. 611–630. DOI: 10.1007/s11205-018-1858-7.
7. Kurakin, D. (2020) Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 3 (19). pp. 167–231. (In Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231
8. *Sravnitel'naya politika – Comparative Politics*. (2018) 19th national congress of the communist party of China: internal and external effects and prospects of China's reforms.

Sravnitel'naya politika – Comparative Politics. 2. pp. 140–159. (In Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-140-159

9. Acemoglu, D. & Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishing Group. [Online] Available from: <https://norayr.am/collections/books/Why-Nations-Fail-Daron-Acemoglu.pdf>

10. Tridico, P., & Paternesi, M.W. (2018) Economic growth, welfare models and inequality in the context of globalization. *Economic and Labour Relations Review*. 29. pp. 118–139. DOI: 10.1177/1035304618758941

11. Wiedmann, T. et al. (2020) Scientists' warning on affluence. *Nature Communications*. 11:3107. pp. 1–10. DOI: 10.1038/s41467-020-16941-y. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/s41467-020-16941-y.pdf>.

12. The United Nations. (n.d.) *The Sustainable Development Agenda*. [Online] Available from: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/development-agenda> (Accessed: 11.07.2021).

13. The United Nations. (n.d.) *17 Goals to Transform Our World*. [Online] Available from: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/inequality> (Accessed: 11.07.2021).

14. Government of the Russian Federation. (2018) *Kontsepsiya dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii na period do 2020 goda* [The concept of long-term socio-economic development of Russia for the period until 2020]. [Online] Available from: <http://static.government.ru/media/files/aaofKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf> (Accessed: 05.08.2021).

15. President of Russia. Official website. (2009) *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossii do 2020 goda* [Russia's National Security Strategy until 2020]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (Accessed: 05.08.2021).

16. The United Nations. (n.d.) *Pochemu vazhno ravenstvo* [Why equality is important]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/development/devagenda/pdf/Russian_Why_it_matters_Goal_10_Equality.pdf (Accessed: 15.08.2021).

17. The United Nations. (n.d.) *Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya OON. Tsel' 10: Sokrashchenie neravenstva vnutri stran i mezhdru nimi* [UN Sustainable Development Goals. Goal 10: Reduce inequality within and between countries]. [Online] Available from: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/inequality> (Accessed: 18.08.2021).

18. Rosstat. (n.d.) *Tseli ustoychivogo razvitiya* [Sustainable Development Goals]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/sdg/reporting-status> (Accessed: 19.08.2021).

19. Bourguignon, F. (2004) The poverty-growth-inequality triangle. *The World Bank*. [Online] Available from: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/449711468762020101/pdf/28102.pdf> (Accessed: 11.07.2021).

20. Kostyleva, L.V. (2011) *Neravenstvo naseleniya Rossii: tendentsii, faktory, regulirovanie* [Inequality of the Russian Population: Trends, factors, regulation]. Vologda: Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territoriy RAN.

21. Blinkov, A.P. & Drobneva, O.A. (2020) [Homelessness and neglect among minors]. *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki v deyatel'nosti podrazdeleniy politzii* [Actual Issues of Theory and Practice in the Activities of Police Units]. Proceedings of the Interdepartmental Conference. Volgograd. 06 March 2020. Moscow: Sputnik+. pp. 27–29. (In Russian).

22. Accounts Chamber of the Russian Federation. (n.d.) *Monitoring natsional'nykh tseley Rossii* [Monitoring of Russia's national goals]. [Online] Available from: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/DAYDZhEST%20NATsTsELI.pdf> (Accessed: 14.08.2021).

23. President of Russia. Official website. (2020) *Ukaz o natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossii do 2030 goda* [Decree on the National Development Goals of Russia until 2030]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (Accessed: 14.08.2021).

Сведения об авторе:

Дорофеев М.Л. — кандидат экономических наук, доцент департамента Общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: dorofeevml@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2829-9900>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

M.L. Dorofeev, Cand. Sci. (Economics), Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: dorofeevml@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2829-9900>

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Макрорегион Сибирь

Научная статья
УДК 338.48
doi: 10.17223/19988648/57/5

Направления развития сельского туризма на территории Новосибирской области

Юлия Александровна Макурина¹,
Кирилл Олегович Прокопьев²

^{1, 2} Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия

¹ mak-july@yandex.ru

² kirillprokopievvv@gmail.com

Аннотация. Сельский туризм, основанный на активном участии максимального количества заинтересованных сторон и принципах устойчивого развития, в настоящее время получает широкое распространение. В статье рассмотрено текущее состояние сельского туризма в Новосибирской области, представлены наиболее перспективные практики. Дана характеристика органов региональной власти в вопросах развития сельского туризма. Выполнена оценка районов области по возможному развитию сельского туризма и предложены варианты их развития.

Ключевые слова: туризм, агротуризм, сельский туризм, сельское хозяйство, ресурсы сельских территорий, Новосибирская область, сельская местность

Для цитирования: Макурина Ю.А., Прокопьев К.О. Направления развития сельского туризма на территории Новосибирской области // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 61–76. doi: 10.17223/19988648/57/5

Siberia Macro-Region

Original article

Development of rural tourism in Novosibirsk Oblast

Yuliya A. Makurina¹, Kirill O. Prokopyev²

^{1, 2} Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

¹ mak-july@yandex.ru

² kirillprokopievvv@gmail.com

Abstract. Rural tourism, based on the active participation of the maximum number of stakeholders and the principles of sustainable development, is now becoming wide-

spread. The pandemic has also made its “contribution” to the development of the industry, especially the restrictions associated with the spread of the coronavirus infection. The aim of the study is to analyze the state of rural tourism in Novosibirsk Oblast and identify prospects for its development. The object of the study is rural tourism in the region, considered as one of the system-forming factors of the territory’s development. The focus of the study is organizational and economic relations arising in the process of formation and development of rural tourism in the region. One of the promising regions in terms of rural tourism development is Novosibirsk Oblast, which has been among the TOP 20 most attractive regions of Russia for travel in recent years. The tourist and recreational complex of the rural areas of Novosibirsk Oblast is diverse and extensive. The authors consider the current state of rural tourism in Novosibirsk Oblast, present the most promising practices, describe the regional authorities’ role in the development of rural tourism. The problem of Novosibirsk Oblast is the fact that, currently, historical and archaeological monuments are dispersed throughout the region, have poor accessibility, and many are suitable only for intra-district local history purposes. To include such objects in tourist routes, an integrated approach is needed: the development of master plans for the development of settlements, the preparation of objects for tourists to visit, the improvement of their maintenance and repair, the construction of viewing platforms, the formation of new expositions in museums, the development of legends, guidebooks, etc. In the course of the study, the authors evaluated all districts of Novosibirsk Oblast for the possible development of agrotourism according to the selected criteria and proposed options for their development. Proceeding from this, the main objectives of the development of rural tourism in the region should include: creation of a tourist cluster; introduction of rural areas and their residents to the agrotourism industry; organization of relevant advertising; training of competent personnel to work in rural tourism; creation of an appropriate infrastructure and related services; development and sale of relevant souvenir products; ensuring transport accessibility. Thus, despite the shortcomings in the legal documents, the activities of rural tourism are already carried out in the format of small business in some areas of the region. This indicates both its demand among the population, since it is a new format of tourism, and the development of agriculture.

Keywords: tourism, agrotourism, rural tourism, agriculture, rural resources, Novosibirsk Oblast, rural area

For citation: Makurina, Yu.A. & Prokopyev, K.O. (2022) Development of rural tourism in Novosibirsk Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 61–76. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/5

В последние годы санкции против Российской Федерации усилились, а текущая нестабильная и сложная эпидемиологическая ситуация во всем мире только усугубляет это. Список жертв глобальных «реакций» и недавних событий довольно обширен. Среди «лидеров» – индустрия туризма.

Из-за ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции, многие популярные места отдыха были закрыты. Отечественным туроператорам все больше и больше внимания приходится уделять поиску альтернативных предложений для удовлетворения растущего спроса. Использование этой ситуации для развития внутреннего туризма способно привести к продвижению существующих и открытию новых направлений [1].

Одной из альтернатив может стать сельский туризм, который приобретает все большую популярность как в мире, так и в России. В то же время в по-

следние годы отечественные эксперты рассматривали сельский туризм скорее как инструмент развития неурбанизированных территорий регионов [2].

Актуальность темы настоящего исследования обуславливается тем, что ускоряющийся ритм жизни людей, особенно городского населения, создает мотивацию, которая проста и понятна каждому: уйти от суеты в очищающую тишину, набраться сил, присоединиться к естественным условиям жизни и питания. А живописные пейзажи, чистый воздух, экология, натуральные продукты питания, многонациональная и богатая культура, традиции, тысячелетняя история и многое другое являются главным ресурсом для развития сельского туризма в России.

Материалы и методы

Цель исследования заключается в анализе состояния сферы сельского туризма в Новосибирской области и выявлении перспектив его развития.

Объектом исследования является сельский туризм региона, рассматриваемый как один из системообразующих факторов развития территории.

Предметом исследования выступают организационно-экономические отношения, возникающие в процессе формирования и развития сельского туризма в регионе.

Научно-методической основой исследования послужили положения, содержащиеся в работах отечественных и зарубежных ученых по вопросам понятия и развития сельского туризма.

В процессе исследования использовались такие методы научного познания, как монографический, абстрактно-логический и системный анализ.

Результаты

В настоящее время в России развитию сельского туризма уделяется большое внимание. При этом интересный факт – понятие «сельский туризм» в нашей стране законодательно закреплено только в 2021 г. (а изменения вступят в силу с 2022 г.): Государственной Думой РФ утвержден Федеральный закон от 02.07.2021 № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [3] и ст. 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» в части, касающейся сельского туризма.

В ст. 1 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» вводится официальное понятие сельского туризма – «это туризм, предусматривающий посещение сельской местности, малых городов с численностью населения до тридцати тысяч человек, в целях отдыха, приобщения к традиционному укладу жизни, ознакомления с деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей и (или) участия в сельскохозяйственных работах без извлечения материальной выгоды с возможностью предоставления услуг по временному размещению, организации досуга, экскурсионных и иных услуг.

Деятельность по оказанию услуг в сфере сельского туризма осуществляется сельскохозяйственными товаропроизводителями в соответствии с требованиями, установленными Правительством Российской Федерации» [3].

Также в ст. 3 закона внесены дополнения о полномочиях органов государственной власти Российской Федерации в сфере туризма, а также полномочиях органов государственной власти субъектов Российской Федерации по созданию благоприятных условий для развития туризма в субъектах Российской Федерации, прав органов местного самоуправления по созданию благоприятных условий для развития туризма:

- «организация и проведение всероссийских и межрегиональных мероприятий, направленных на поддержку приоритетных направлений развития туризма, в том числе на развитие внутреннего туризма, въездного туризма, социального туризма, сельского туризма, детского туризма и самодельного туризма, утверждение и реализация календарного плана мероприятий в сфере туризма (ст. 3.1);

- установление требований к оказанию услуг в сфере сельского туризма (ст. 3.1);

- установление требований к средствам размещения, используемым для осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере сельского туризма в сельской местности (ст. 3.1);

- реализация мер по поддержке приоритетных направлений развития туризма в субъектах Российской Федерации, в том числе социального туризма, сельского туризма, детского туризма и самодельного туризма (ст. 3.2);

- реализация мер по развитию приоритетных направлений развития туризма на территориях муниципальных образований, в том числе социального туризма, сельского туризма, детского туризма и самодельного туризма (ст. 3.3)» [3].

В ст. 4 «Цели, приоритетные направления и способы государственного регулирования туристской деятельности» к приоритетным направлениям государственного регулирования туристской деятельности добавлены поддержка и развитие внутреннего туризма, въездного туризма, социального туризма, сельского туризма, детского туризма и самодельного туризма.

Данные изменения и дополнения вступят в силу с 1 июля 2022 г.

Кроме того, в ст. 7 Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» добавлена государственная поддержка развития сельского хозяйства, устойчивого развития сельских территорий по направлению «поддержка и развитие сельского туризма». Данное дополнение вступает в силу с 1 марта 2022 г.

Одним из перспективных в плане развития сельского туризма регионов является Новосибирская область, несмотря на то, что данная сфера не относится к приоритетным отраслям экономики региона. Однако на протяжении последних лет область входит в топ 20 самых привлекательных для путешествий регионов России, а по итогам 2020 г. регион вошел в «золотую двадцатку» национального туристического рейтинга и топ-20 регио-

нов, куда стремились иностранные туристы в 2018 г., что свидетельствует о наличии высокого туристского потенциала и позволяет считать туризм одной из перспективных отраслей экономики региона.

Как показывают данные Росстата, в 2018 г. субъектами рынка было реализовано 110,3 тыс. турпакетов для 184,6 тыс. туристов на общую сумму 8,1 млрд руб.

Однако пандемия нанесла существенный ущерб развитию отрасли и внесла свои коррективы. Особенно это сказалось на показателях въездного туризма. Общее падение въездного турпотока в Новосибирскую область в 2020 г. составило 60,1% – с 94,1 тыс. иностранных туристов до 37,5 тыс. Падение было бы ещё более катастрофичным, если бы не показатели первого квартала 2020 г.

Падение внутреннего турпотока, исчисляемого областным министерством экономического развития по количеству размещений в коллективных средствах размещения, менее значительно. Число туристов, останавливавшихся в коллективных средствах размещения Новосибирска, сократилось с 1 млн 115 тыс. человек в 2019 г. до 789,4 тыс. в 2020 г. (–29,2%), опустившись до уровня 2016 г. При этом объем платных туристских услуг, оказанных предприятиями отрасли в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом, сократился на 55,2% (рис. 1) [4].

Интересно, что в путешествиях по России новосибирцы отдают предпочтение отдыху «рядом с домом». Треть туристов (33,1%) совершали поездки на Алтай: в Алтайский край и Республику Алтай, чуть более четверти (27%) – в Кемеровскую область (чаще всего на горнолыжный курорт Шерегеш), около четверти – в пределах Новосибирской области.

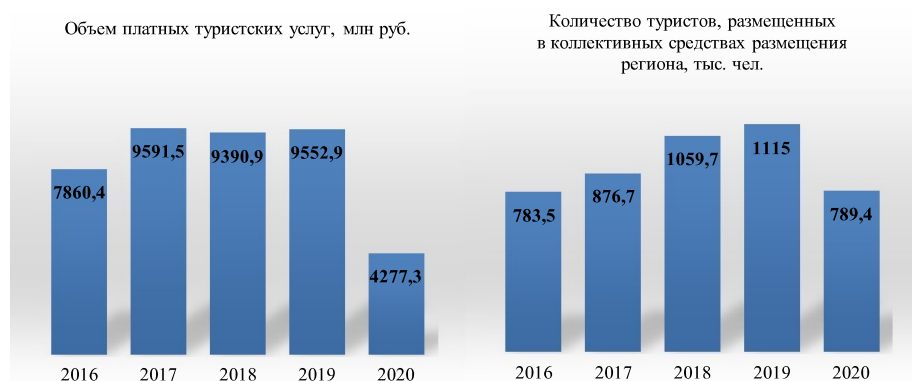

Рис. 1. Динамика показателей сферы туризма по Новосибирской области

Что касается Новосибирской области, она находится на юго-востоке Западно-Сибирской равнины и отличается неповторимым разнообразием ландшафтов.

Во-первых, на территории области последовательно сменяют друг друга три природных зоны: лес, лесостепь и степь.

Во-вторых, климат в регионе континентальный, так как область расположена в самом центре Евразии, вдалеке от морей и океанов.

В-третьих, территория области отличается уникальными природными достопримечательностями: леса сочетаются со степями, горы с равнинами, огромные озера с величественными реками.

В-четвертых, Новосибирская область – это 350 рек и 3 000 озер.

Территория Новосибирской области равна 177 756 км². Для сравнения: площадь Сербии – 88 361 км², Австрии – 83 858 км² (в 2 раза меньше), а площадь Финляндии – 337 030 км² (в 2 раза больше). Численность населения в регионе, по данным Новосибирскстата, на 01.01.2021 г. составила 2 785,8 тыс. человек, из них 79,2 % проживают в городских условиях [5, 6]. Административный центр Новосибирской области – город Новосибирск – является также административным центром Сибирского федерального округа. Город основан в 1894 г. и располагается на берегах реки Оби. Новосибирск – один из самых крупных городов Сибири, третий по численности населения город в России. Город вошел в книгу рекордов Гиннеса как самый быстрорастущий город-миллионник и уже давно является культурной, деловой и научной столицей не только области, но и Сибирского региона в целом.

Говоря о сельском туризме, необходимо отметить, что сельское хозяйство занимает особое место в экономике Новосибирской области и отвечает за производство жизненно важной для населения продукции, обеспечивая продовольственную безопасность региона. Область производит 16 % от общего объема продукции сельского хозяйства Сибирского федерального округа и занимает 3-е место среди регионов СФО, входя в десятку крупнейших производителей сельскохозяйственных товаров России. В последние годы регион полностью обеспечивает себя фуражным зерном и семенным материалом. В Сибирском федеральном округе область занимает 1-е место по производству овощей и 5-е место по производству картофеля. Животноводство области специализируется на разведении крупного рогатого скота молочно-мясных пород, свиноводстве, птицеводстве. Производственные мощности предприятий агропромышленного комплекса «позволяют не только обеспечивать внутренние потребности области качественными продуктами питания в необходимом объеме, но и экспортировать за ее пределы около 23 % молока и молокопродуктов, 29 % мяса и мясопродуктов, 34 % овощей, 20–35 % произведенного в области зерна и зернопродуктов» [7].

Туристско-рекреационный комплекс сельской местности Новосибирской области многообразен и обширен (рис. 2) [8]. Много интересных мест, таких как Бердские скалы, Покровский Завьяловский мужской православный монастырь, Степная катена, привлекают в Новосибирскую область жителей административного центра и соседних регионов.

Сейчас в регионе преобладает «приключенческий экотуризм, развивающийся за счет легенд и мифов, которые притягивают туристов. Например, озеро Чаны. С озером связано немало сказаний и легенд, самая популярная – поверье о мифическом монстре, живущем в глубинах водоема. Хотя на сегодняшний день научного объяснения этому явлению не найде-

но, озеро является излюбленным местом отдыха для многих новосибирцев – любителей рыбалки. Пока большая часть туристского потока в этот район носит неорганизованный характер» [9].

Рис. 2. Туристско-рекреационный комплекс сельской местности Новосибирской области

Несмотря на то, что сельский туризм – относительно новый тренд для региона, в области уже имеются примеры успешного развития сельского туризма [10].

Довольно долго главным примером развития сельского туризма был Сузунский район. На территории современного Сузуна сохранились остатки старинных строений, на месте которых когда-то находились медеплавильный завод с монетным двором, плотина, пруд, историческая планировка поселения. Это уникальный объект истории Сибири. Сейчас здесь музейно-туристический комплекс «Завод-Сузун. Монетный двор», расположенный в 180 км от Новосибирска и являвшийся денежным центром Российской империи за Уралом.

Помимо этого, Сузунский район активно занимается развитием событийного туризма на своей территории. Одним из важных событий в истории рабочего поселка Сузун была Никольская ярмарка. Учрежденная в 1836 г. и восстановленная в 2013 г., она проводилась с 6 по 20 декабря и привлекала купцов из разных уголков Российской империи, а также Персии, Китая и Бухары и славилась разнообразием продаваемых товаров. Кроме того, прославленный Караканский бор, также расположенный на территории района, привлекает туристов возможностью собирать грибы и ягоды, охотиться и просто наслаждаться сельским бытом.

В последние пару лет всё активнее включаются и другие территории. Один из ярких примеров – Маслянинский район, где к 2024 г. Благотворительным фондом Маслянинского района «Перспективы» планируется реал-

лизовать экопарк «Хомутина». Это инфраструктурный объект туризма в Маслянинском районе, где сообщество инициативных людей на добровольных началах готово заниматься развитием сельского туризма, оказывать поддержку инициативам молодежи в сфере туристической деятельности, делиться опытом, совместно искать решения возникающих вопросов. Проект направлен на сохранение и развитие молодежного потенциала сельских территорий путем вовлечения молодежи района в туристическую деятельность, формирование у них активной жизненной позиции и желания вложить свои силы в развитие родного района.

Удивительное по красоте место, где один из берегов реки Бердь возвышается над рекой, а второй – равнинный, станет и прекрасной площадкой для событийного туризма, например для проведения каких-то экофестивалей. Пока введена первая очередь проекта, окончание работ запланировано на 2024 г. Он реализуется на принципах государственно-частного партнерства, есть и потенциальные инвесторы. Организаторы вынашивают амбициозные планы – привлекать до 400 тыс. туристов в год.

В основу туристской деятельности будут положены богатые краеведческие, этнические материалы о Маслянинском районе, которые помогут каждому участнику проникнуться красотой родного края, познакомиться с достопримечательностями, местным фольклором, раскрыть для себя высокий природный и туристический потенциал района. На территории района находится Салаирский кряж – древние горы богаты легендами, уникальным растительным и животным миром, наполнены полезными ископаемыми и золотом высочайшей пробы.

На базе экопарка планируется проводить обучающие и мотивирующие мероприятия, среди которых будут форумы, практико-ориентированные тренинги, мастер-классы, семинары, конкурсы туристических маршрутов.

Кроме того, президент компании «ЭкоНива» – Штефан Дюрр – построил в районе современный животноводческий комплекс с расчетом на туристов. Доильная под прозрачным куполом открывает перед туристами все прелести фермерской индустрии. В компании комплекс называют самым крупным за Уралом – общая мощность введенного в селе Елбань Маслянинского района комплекса – 62 тыс. т молока в год. Он частично начал работать еще в декабре 2018 г. Животноводческий комплекс оснащен доильным блоком с двумя установками «Карусель», компьютерной системой управления стадом, сооружениями для хранения кормов, трансформаторной и дизельной подстанциями. Также смонтированы система водоочистки и пять вертикальных танков-охладителей на 156 т молока в сутки.

Создание на территории района центра развития туризма способствует формированию новых маршрутов по Маслянинскому и близлежащим районам, а также активному вовлечению населения в туристскую деятельность и развитию района в целом [11].

Не остается в стороне и Искитимский район. В районе проложено две экотропы, – «Зверобой» и «Водопад Бучило». Примерно в 4 км юго-восточнее деревни Новососелово располагается памятник природы об-

ластного значения «Бердские скалы». Тропа «Зверобой» протяженностью 7 км: два – до смотровой площадки на горе Зверобой и дальше кольцевой маршрут. На маршруте установлены информационные стенды с описанием растительного и животного мира. Экотропа проходит по территории Легостаевского заказника – это особо охраняемая территория. Оборудованы места отдыха, беседки, костровища, кормушки для птиц и животных. Это уникальный проект не только для Новосибирской области, но, может, и для России в целом, поскольку обычно экомаршруты не имеют оформленного статуса, а здесь всё официально.

Вблизи села Легостаево, приблизительно 800 м от границы поселения, находится уникальное место – водопад Бучило, образованный выходом скальных пород и рекой. Водопад Бучило – один из немногочисленных водопадов в Новосибирской области. При спуске к водопаду открывается красивейший вид. Шум воды умиротворяет, красота этого места завораживает, им можно любоваться в любой сезон года, ведь зимой, даже в самые сильные морозы, водопад не замерзает.

В Коченевском районе развитием агротуризма решили заняться жители села Федосиха. На базе фермерского хозяйства был разработан тур одного дня, включающий знакомство с предметами русской старины, наблюдение за работой сельскохозяйственной техники на полях, посещение подворья, культурную программу (игра на народных инструментах и исполнение популярных песен разных лет), возможность переодеться в традиционные русские наряды и погрузиться в будни сельской жизни (принести воду, наколоть дрова). Питание обязательно включает деревенские продукты и блюда местного производства. Все гости имеют возможность приобрести свежие фермерские продукты.

С целью выявления востребованности сельского туризма в регионе был проведен опрос среди городского и сельского населения, результаты опроса представлены на рис. 3 и 4 соответственно. Опрос проходил с 1.01.2020 по 1.05.2020 г. путем онлайн-анкетирования, ссылка на который была распространена в социальной сети «ВКонтакте». Участниками опроса стали порядка 867 человек, из них горожан – 513, сельских жителей – 357 человек. Респондентами оказались люди различных возрастных категорий: от 18 до 24 лет – 376 человек, от 25 до 34 лет – 203 человека, от 35 до 44 лет – 198 человек, от 45 до 60 лет – 65 человек и людей свыше 61 года зафиксировано 25 человек. Род занятий также оказался весьма разнообразным, поскольку включает в себя различные сферы трудовой деятельности. Например, людей, работающих по найму в совершенно разных сферах деятельности, было порядка 549 человек, остальные – студенты и безработные, последних приняло участие в опросе 9,2 %.

Согласно результатам исследования, и среди городского, и среди сельского населения области есть люди, которые не находят ничего привлекательного в сельском туризме (13 %), при этом почти половина опрошенных просто затрудняются с ответом (46 %). Этот факт можно объяснить двумя моментами. Во-первых, регион слабо продвигает свою территорию,

используя другие источники развития. И во-вторых, люди просто не осведомлены о наличии такого вида туризма. В то же время готовы рассмотреть сельские территории Новосибирской области в качестве места для проведения своего отдыха 41 % общего числа респондентов.

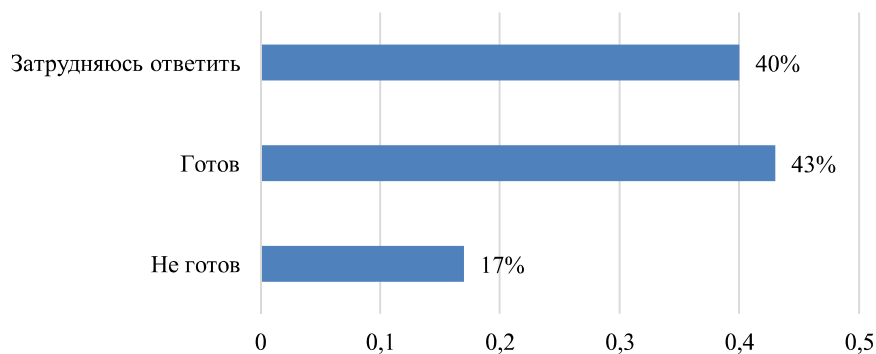

Рис. 3. Распределение респондентов среди городского населения при ответе на вопрос: «Готовы ли Вы принять участие в агротуре?»

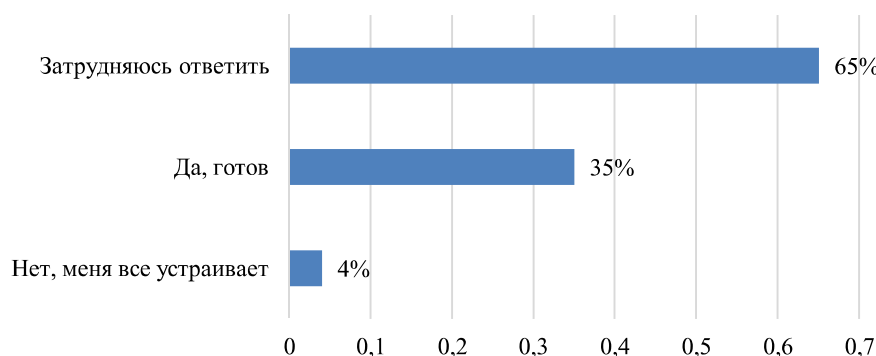

Рис. 4. Распределение респондентов среди сельского населения при ответе на вопрос: «Готовы ли Вы начать заниматься агротуризмом, чтобы получить дополнительный заработок?»

Результаты анкетирования подтверждаются исследованием, проведенным министерством экономического развития Новосибирской области на тему изучения востребованности сельского туризма у гостей и жителей региона, согласно которому из 1 270 респондентов почти $\frac{3}{4}$ готовы провести выходные дни и отпуск в сельской местности.

Анализ результатов, представленных на рис. 3 и 4, показал, что 61 % опрошенных в сельской местности затрудняются ответить. Отсюда можно сделать несколько выводов: поскольку тема агротуризма для сельской местности действительно является неизведанной, жителям села сложно представить, что из их скучного, сельского быта может получиться мод-

ный и востребованный туристский маршрут. Следовательно, необходимо предавать огласке эту интересную тему не только потенциальным потребителям, но и потенциальным «услугодателям».

Согласно исследованию интерес для горожан представляют:

- центры народных промыслов, где проходят мастер-классы;
- народные праздники и гулянья, проводимые в сельской местности;
- экскурсии по местным достопримечательностям и прогулки на природе;
- знакомство с традиционным сельским образом жизни, включая русскую баню;
- сбор дикоросов – ягод, грибов и кедровых шишек с последующими посиделками у ночного костра;
- охота или рыбалка;
- проживание в гостевых домиках на территории фермерских хозяйств и в зависимости от сезона участие (или наблюдение за процессом) в посеве зерновых, посадке картофеля или сборе урожая.

Развитию сельского туризма в регионе способствует принятие госпрограммы «Развитие туризма в Новосибирской области» до 2030 г., которая разработана в соответствии с национальным проектом «Туризм и индустрия гостеприимства». Ежегодное финансирование программы составит 100–200 млн руб.

Так, проекты, предложенные районами в 2021 г., получили федеральные гранты на общую сумму 18 млн руб. В числе проектов – строительство сельских гостевых домов в формате глэмпинга «В гостях у Федосихи» (Коченевский район), открытие «Дома фермера», посвященного сельскому быту начала XIX в. (Чулымский район), развитие экологического туризма для пожилых людей на базе бердского курорта «Борвиха», расширение комплекса санаторно-курортной зоны в Краснозерском районе.

Согласно идее минэкономразвития Новосибирской области точкой притяжения туристов могут стать два туристских кластера. Первый – «Обские парки», создание которого планируется начать в 2022 г. В него войдут прибрежные территории Оби и Обского водохранилища, обладающие уникальными археологическими, этнографическими, историко-культурными объектами. Кластером будет охвачено несколько районов – от северо-востока области до юго-западной ее части: Мошковский, Новосибирский, Ордынский, Сузунский, Искитимский, а также города Новосибирск и Бердск. Здесь предполагается развивать речной, пляжный, познавательный, паломнический, культурный, этнографический, событийный, спортивный туризм. А предприниматели получают гранты на создание инфраструктуры для приема гостей.

Второй – «Озерный» – будет направлен на развитие санаторно-курортного комплекса на основе уникальных природных лечебных факторов. Его центром станет озеро Карачи, известное лечебной грязью и полезным для профилактики заболеваний органов дыхания воздухом.

В процессе исследования авторами была проведена оценка всех районов Новосибирской области на предмет возможного развития агротуризма по выбранным критериям (фрагмент представлен в таблице).

На основе сопоставления данных таблицы, SWOT-анализа районов была сделана попытка предложить наиболее благоприятные модели развития сельского туризма для каждого из районов Новосибирской области.

**Оценка районов Новосибирской области
по возможному развитию сельского туризма**

Районы	Критерии	Кол-во КФХ/ЛПХ	Природные объекты достояния	Объекты культурного наследия	Наличие туристических баз	Инфраструктура	Проведение мероприятий местного и регионального значений
1. Баганский район		11 предприятий, 31 К(Ф)Х, 5514 ЛПХ	+	+		+	
2. Барабинский район		12 предприятий, 15 К(Ф)Х	+	+		+	
3. Болотнинский район		11 предприятий, 22 К(Ф)Х	+			+	
4. Доволенский район		9 предприятий, 34 К(Ф)Х, 1,1 тыс. ЛПХ	+		+	+	
5. Здвинский район		12 предприятий, 15 КФХ, 6275 ЛПХ	+	+		+	
6. Коченевский район		18 предприятий, 37 К(Ф)Х				+	
7. Купинский район		20 АО, 3 ассоциации крес-ких хоз-в, 77 К(Ф)Х	+		+	+	+
8. Маслянинский район		2 предприятия, 25 К(Ф)Х	+		+	+	+
9. Мошковский район		1 АО, 13 ООО, 25 К(Ф)Х, 3 подсобных хоз-ва гос. учреждений, 12 тыс. ЛПХ	+	+		+	?
10. Новосибирский район		37 предприятий, 30 К(Ф)Х, 26 тыс. ЛПХ				+	
11. Тогучинский район		25 предприятий, 90 К(Ф)Х	+		+	+	

В первую модель развития сельского туризма в регионе можно отнести районы, в которых не развито туристическое направление, но имеется

огромный потенциал в его развитии. На ранней стадии основу развития сельского туризма могут составлять индивидуальные предприниматели, крестьянско-фермерские хозяйства, личные подсобные хозяйства и сельскохозяйственные производственные кооперативы, которых в районах Новосибирской области не мало. При обслуживании туристов не требуется кардинального изменения быта и уклада жизни сельских жителей. Сюда подходят такие районы, как Здвинский, Болотнинский, Венгеровский, Купинский, Кыштовский, Черепановский, Убинский.

На вторую модель развития сельского туризма в регионе нацелены районы, в которых уже имеются санатории и базы отдыха. Их туристский продукт можно совершенствовать и добавлять услуги, направленные именно на сельский туризм. К этой модели развития относим районы: Барабинский, Доволенский, Каргатский, Коченевский, Чулымский, Чистоозерный.

К третьей модели развития сельского отдыха были отнесены наиболее активно работающие в данном направлении районы. На данных территориях ведется планомерная работа по формированию новых туристских маршрутов, соответствующей инфраструктуры и информационному обеспечению, т.е. создаются необходимые условия для комфортного пребывания гостей района. Лидерами стали Маслянинский, Сузунский и Искитимский районы, далее — Колыванский, Ордынский, Новосибирский, Чановский, Краснозерский, Тогучинский и Мошковский районы.

Заключение

Проблемой Новосибирской области является тот факт, что в настоящее время исторические и археологические памятники рассредоточены по региону, имеют слабую доступность и многие пригодны только для внутрирайонных краеведческих целей. Для включения в туристские маршруты таких объектов необходим комплексный подход: разработка генеральных планов развития населенных пунктов, подготовка объектов к посещению туристами, улучшение их содержания и ремонт, сооружение смотровых площадок, формирование новых экспозиций в музеях, разработка легенд, путеводителей и т.п.

Со стороны органов местного самоуправления необходима подготовка территорий, возможно, заброшенных поселений для привлечения инвесторов по созданию объектов экологического (сельского) туризма.

На данный момент возникла необходимость для развития сельского туризма как динамично развивающегося вида туризма, вовлекающего в сферу своей деятельности всё большее число работников и клиентов, ведь это является перспективным направлением экономической деятельности. Прием туристов для владельцев подобных средств размещения, как правило, является дополнительным заработком к доходу от традиционного занятия сельским хозяйством.

Исходя из этого, к основным направлениям развития сельского туризма в области следует отнести:

- создание туристского кластера;
- вовлечение в индустрию агротуризма сельских территорий и их жителей;
- организацию продвижения сельского туризма;
- подготовку грамотного персонала для работы в сельском туризме;
- создание соответствующей инфраструктуры и сопутствующего сервиса;
- разработку и продажу соответствующей сувенирной продукции;
- обеспечение транспортной доступности.

К плюсам, которые могут способствовать развитию внутреннего туризма, эксперты относят постепенное развитие гостиничного рынка. Появилось очень много маленьких отелей, которые продают себя на Booking (www.booking.com). Так что с арендой жилья у гостей области проблем не возникает.

Что касается экономической стороны вопроса развития агротуризма в области, «по данным из соседних регионов и проведенному опросу, можно сделать вывод, что такой вид отдыха в среднем обойдется для туриста от 1000 до 2500 руб./сут. Наряду с этим появится возможность решать социально-экономические проблемы в сельской местности, формируя альтернативную занятость для сельских жителей и организуя рынки сбыта фермерской продукции, что будет способствовать росту уровня доходов местного населения» [9].

Таким образом, несмотря на недоработки в правовых документах, деятельность сельского туризма уже осуществляется в формате малого бизнеса в некоторых районах области. Это свидетельствует как о его востребованности у населения, поскольку является новым форматом туризма, так и о развитии сельского хозяйства.

Список источников

1. Голубчиков С.Н., Хетогоурова В.Ш., Брюханов Г.А. Экономический кризис и развитие рекреационно-туристского комплекса // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9, № 2. С. 41–47.
2. Балабанова А.О. Важность сельского туризма в формировании новых форм хозяйственных отношений в регионе // Sochi Journal of Economy. 2013. № 4–1 (27). С. 23–25.
3. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>
4. Новосибирский туризм в пандемийный период. URL: https://www.sibtourport.ru/articles/infographics/novosibirskiy_turizm_v_pandemiynyy_period/
5. Закон Новосибирской области от 16.02.2006 № 4-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Новосибирской области». URL: <http://docs.cntd.ru/document/5421282>
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики Новосибирской области : официальный сайт. URL: <https://novosibstat.gks.ru/>
7. Информация об итогах работы агропромышленного комплекса Новосибирской области за 2020 год. URL: <http://mcx.nso.ru/page/444>
8. Карта гостя // Туристический портал Новосибирской области. URL: <https://turizm.nso.ru/ru>

9. Шипачёва Н.В. Развитие экотуризма в Новосибирской области // Ноэма. 2019. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekoturizma-v-novosibirskoy-oblasti>
10. Анкета «Изучение востребованности сельского туризма у городских жителей» // Официальный сайт Министерства экономического развития Новосибирской области. URL: <http://econom.nso.ru/page/564>
11. Туристско-информационный центр Маслянинского района Новосибирской области // Туристический портал Новосибирской области. URL: <https://turizm.nso.ru/ru/page/2794>

References

1. Golubchikov, S.N., Khetogurova, V.Sh. & Bryukhanov, G.A. (2015) The economic crisis as an incentive to the development of the recreational and tourist complex in Northern Moscow region. *Sovremennye problemy servisa i turizma – Service and Tourism: Current Challenges*. 2 (9), pp. 41–47. (In Russian). DOI: 10.12737/11394
2. Balabanova, A.O. (2013) Vazhnost' sel'skogo turizma v formirovanii novykh form khozyaystvennykh otnosheniy v regione [The importance of rural tourism in the formation of new forms of economic relations in the region]. *Sochi Journal of Economy*. 4–1(27), pp. 23–25.
3. Consultant Plus. (1996) *Federal Law No. 132-FZ of November 24, 1996 “On the basics of tourist activity in the Russian Federation” (with amendments and additions, entered into force from January 01, 2022)*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru> (In Russian).
4. STI. (2021) *Novosibirskiy turizm v pandemiynyy period* [Novosibirsk tourism during the pandemic]. [Online] Available from: https://www.sibtourport.ru/articles/infographics/novosibirskiy_turizm_v_pandemiynyy_period
5. Novosibirsk Oblast. (2006) *Zakon Novosibirskoy oblasti ot 16.02.2006 4-OZ “Ob administrativno-territorial'nom ustroystve Novosibirskoy oblasti”* [The Law of the Novosibirsk oblast No. 4-OZ of February 16, 2006 “On the administrative-territorial structure of the Novosibirsk oblast”]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/5421282>
6. *Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki Novosibirskoy oblasti: ofitsial'nyy sayt* [Territorial body of the Federal State Statistics Service of the Novosibirsk oblast: official website]. (n.d.) [Online] Available from: <https://novosibstat.gks.ru>
7. Ministerstvo sel'skogo khozyaystva Novosibirskoy oblasti [Ministry of Agriculture of Novosibirsk Oblast]. (2020) *Informatsiya ob itogakh raboty agropromyshlennogo kompleksa Novosibirskoy oblasti za 2020 god* [Information about the results of the work of the agro-industrial complex of the Novosibirsk oblast for 2020]. [Online] Available from: <http://mcx.nso.ru/page/444>
8. Turisticheskiy portal Novosibirskoy oblasti [Travel Portal of Novosibirsk Oblast]. (n.d.) *Karta gostya* [Guest Map]. [Online] Available from: <https://turizm.nso.ru/ru>
9. Shipacheva, N.V. (2019) Development of ecotourism in the Novosibirsk region. *Noema*. 1 (1). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ekoturizma-v-novosibirskoy-oblasti> (In Russian).
10. Ministry of Economic Development of Novosibirsk Oblast. (n.d.) *Anketa “Izuchenie vostrebovannosti sel'skogo turizma u gorodskikh zhiteley”* [Questionnaire “Studying the demand for rural tourism among urban residents”]. [Online] Available from: <http://econom.nso.ru/page/564>.
11. Turisticheskiy portal Novosibirskoy oblasti [Travel Portal of Novosibirsk Oblast]. (n.d.) *Turistsko-informatsionnyy tsentr Maslyaninskogo rayona Novosibirskoy oblasti* [Tourist Information Center of the Maslyaninsky district of Novosibirsk Oblast]. [Online] Available from: <https://turizm.nso.ru/ru/page/2794>

Сведения об авторах:

Макурина Ю.А. – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального администрирования, Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия). E-mail: mak-july@yandex.ru

Прокопьев К.О. – магистрант 2-го курса по направлению «Государственное и муниципальное управление», Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск, Россия). E-mail: kirillprokopievvv@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Makurina, Cand. Sci. (Economics), Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia. E-mail: mak-july@yandex.ru

K.O. Prokopyev, Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia. E-mail: kirillprokopievvv@gmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Экономическая история

Научная статья

УДК 332.13(091)+332.142.2(091)

doi: 10.17223/19988648/57/6

Пространственное неравенство в формировании человеческого капитала в основных макрорегионах России (конец XIX – начало XX в.)

Дмитрий Валерьевич Диденко

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия, didenko-dv@ranepa.ru*

Аннотация. Освещаются тенденции конвергенции и дивергенции в финансировании образования и здравоохранения в крупнейших макрорегионах дореволюционной России (Европейская Россия, Сибирь и Дальний Восток), а также определяется роль центрального правительства в этих процессах. Основными источниками сведений об объемах соответствующих средств выступали годовые губернаторские отчеты. В моделях по регионам Сибири и Дальнего Востока закономерность в сфере образования аналогична установленной для Европейской России (снижение дифференциации по мере расширения участия центрального правительства), а в сфере здравоохранения – противоположна последней (дифференциация возрастает, несмотря на расширение участия центрального правительства). Результаты в отношении Европейской России оцениваются как более, в отношении Сибири и Дальнего Востока – как менее подтвержденные.

Ключевые слова: конвергенция, дивергенция, государственные финансы, местное самоуправление, образование, здравоохранение

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО РАНХиГС. Автор выражает благодарность В.О. Афанасенкову и И.В. Шильниковой за предоставленные данные о численности населения Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской губерний, Амурской, Забайкальской и Приморской областей (собранные и реконструированные на основе изданий ЦСК МВД и губернаторских отчетов).

Для цитирования: Диденко Д.В. Пространственное неравенство в формировании человеческого капитала в основных макрорегионах России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 77–101. doi: 10.17223/19988648/57/6

Economic History

Original article

Spatial inequality in human capital formation in Russia's main macroregions (late 19th – early 20th centuries)

Dmitry V. Didenko

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia, didenko-dv@ranepa.ru*

Abstract. The article highlights the trends of unequal accumulation of human capital in late Imperial Russia as regards convergence and divergence in its largest macroregions (European Russia, Siberia, and the Far East), and also investigates the role of the central government in these processes. The main source of evidence on the funding for education and healthcare were the annual governors' reports. The quality of their information in Russia's eastern regions is assessed as lower than in the western ones. Additionally, the author employs the data from official publications of the statistical and financial offices, as well as estimates from academic literature. The starting point of the analysis is the pattern from the seminal work by Jeffrey Williamson (1965), in which the initial impulse to 'modern economic growth' (the term was coined by Simon Kuznets, 1955, 1966) first affected the core region and then spread to the periphery. As a result, the long-term trend of interregional disparities forms a bell-shaped curve. Studies on the main countries of Western Europe and North America have by large found evidence conforming to this pattern. The author finds that, in European Russia, since the late 1870s, interregional disparity in education financing decreased, while in healthcare it slightly increased. Spatial differentiation weakened in the branch where the share of central government funds was higher (education) and in the periods when it tended to increase (in both education and healthcare). Spatial inequality of the regions in Siberia and the Far East weakened over time in both areas of human capital formation, yet not very strongly and not so definitely. High per capita funding for education and healthcare in the regions of the Far East is explained by the relatively high level of urbanization, which was stimulated primarily by geopolitical challenges. This resulted in a high share of funds from the central government and from the urban communities. Thus, the pattern from Williamson (1965) receives only partial empirical support as regards Russia. The increased involvement of the central government was of a leveling nature, creating a counterbalance to interregional divergence. In the regions of Siberia and the Far East, the pattern in education is similar to that discovered for European Russia (inequality decreases as the participation of the central government expands), and, in the healthcare sector, it is the opposite of the latter (inequality increases despite the expansion of the central government participation). The trends identified in the dynamics of inequality and its factors in European Russia are confirmed by different measurement methods. At the same time, as regards Siberia and the Far East, there is a strong sensitivity to these methods. Therefore, the corresponding results are confirmed to a lesser extent.

Keywords: convergence, divergence, public finance, local government, education, healthcare

Acknowledgments: The study was carried out under the Russian Government assignment to RANEPА. The author would like to thank Vladislav O. Afanasenkov and Irina V. Shilnikova for supplying data on the population of Yenisei, Irkutsk, Tobolsk, Tomsk provinces, Amur, Trans-Baikal and Primorye regions (collected and reconstructed on the basis of the publications of the Central Committee of the Ministry of Internal Affairs and the governors' reports).

For citation: Didenko, D.V. (2022) Spatial inequality in human capital formation in Russia's main macroregions (late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 77–101. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/6

Введение

В настоящем исследовании освещается динамика пространственной дифференциации в крупнейших макрорегионах Российской империи в направлении социально-экономической конвергенции и дивергенции, роль центрального правительства, местных органов власти и самоуправления в этих процессах. Пространственная выборка регионов Европейской России [1, 2] расширяется за счет других крупных макрорегионов – Сибири и Дальнего Востока. На основе апробированных методов проводится количественный анализ неравномерности процессов накопления человеческого капитала в восточных регионах страны в сравнении с Европейской Россией и Российской империей в целом. Соответствующие свидетельства в отношении тенденций пространственного неравенства и лежащих в их основе факторов сравниваются с полученными ранее для Европейской России, которые были отчасти пересчитаны для обеспечения лучшей сопоставимости.

В теоретическом аспекте отправной точкой нашего анализа является модель в [3], где было высказано предположение о колоколообразной форме долгосрочного тренда динамики межрегионального неравенства. Дж. Уильямсон обосновывал ее тем, что первоначальный импульс к «современному экономическому росту» (в понимании С. Кузнеця [4, 5]) сначала затрагивает основной регион, а затем распространяется на другие. Это приводит к расхождению между ядром и периферией, что еще больше усугубляется миграцией квалифицированной рабочей силы и перемещением капитала с периферии в ядро, а также политикой центрального правительства, благоприятствующей инвестициям в основной регион. На более поздних стадиях развития межрегиональные связи и региональная политика приобретают все большее значение, что приводит к перетоку знаний и капитала из центра на периферию и запускает процессы конвергенции.

Таким образом, в ходе запуска и на ранних стадиях «современного экономического роста» как в традиционных регионах ядра национальной экономики, так и на периферии, где активно идут процессы колонизации и фронтирной модернизации, закономерно возрастают структурные дисбалансы в социальной, экономической и финансово-бюджетной системах. В то же время со стороны политической сферы действуют интеграционные тенденции в сторону социально-экономической конвергенции регионов.

Механизмами сокращения пространственной дифференциации могут выступать не только централизованные бюджетные трансферты и государственные инвестиции, но и изменения направлений движения факторов производства. Эти процессы имеют тенденцию усиливаться с возрастанием пространственной дифференциации.

В подтверждение данной траектории имеется критическая масса свидетельств, которые показывают, что уровень индивидуального неравенства доходов возрастал на ранних стадиях индустриального развития, как и на ранних стадиях других крупных системных трансформаций («кривая Кузнецца», впервые сформулированная в [4]), как следствие сдвигов в структуре спроса/предложения навыков и в институциональной структуре рынков труда.

Согласно [6, с. 591–593], понижение пространственной дифференциации абсолютных значений показателей (σ -конвергенция) происходит прежде всего за счет опережающих темпов их изменений в отстающих сегментах (β -конвергенция).

В литературе последних десятилетий существование пространственной кривой Кузнецца, сформулированной в [5], было подтверждено результатами по таким странам, как США, Великобритания, Италия, Испания, Швеция [7–11], в то время как исследования по Франции и Финляндии обнаружили долгосрочную тенденцию к конвергенции [12, 13]. Исследования по Швеции выявили менее определенную картину в зависимости от методов измерения неравенства [13, 14].

В [2] на выборке земских губерний европейской части России было показано усиление пространственной дифференциации в накоплении человеческого капитала в образовании до конца 1870-х гг., после чего началось ее сокращение; в здравоохранении формирование человеческого капитала сопровождалось процессами межрегиональной дивергенции до конца дореволюционного периода. Эти тренды связывались с разной степенью участия центрального правительства в финансировании сфер образования и здравоохранения и ее изменениями во времени.

К концу XIX в. в основных странах Западной Европы финансирование образования из общественных источников стало вполне сложившейся тенденцией [15, vol. 2, p. 153], однако преобладавшей практикой оставалось участие региональных и местных бюджетов [15, vol. 1, p. 110–127]. В Германии (Пруссии), добившейся во второй половине XIX в. наивысшего среди европейских стран уровня охвата начальным образованием в условиях децентрализованной системы его финансирования, происходил процесс дивергенции регионов [15, p. 87–89, 115–121]. Наибольшее участие центрального правительства было характерно для Франции [15, p. 111].

Ниже мы документируем свидетельства о том, какие тенденции – к конвергенции или дивергенции – преобладали в центральных и восточных регионах России и какие факторы лежали в их основе. В первую очередь рассматривается вопрос о том, какую роль играло центральное правительство в накоплении человеческого капитала.

Источники

Основными источниками исходных данных в нашем исследовании выступали годовые губернаторские отчеты. Их высокий информационный потенциал для изучения истории образования и здравоохранения в Восточной Сибири указывался в [16, с. 52]. Наш анализ информационного потенциала и критики данного источника за период с 1870 по 1914 г. показал, что информация об образовании и здравоохранении вряд ли подвергалась в нем сознательному искажению и ее достоверность может быть оценена как приемлемая [1, с. 117–120]. При этом с точки зрения полноты, уровня детализации, структурной однородности и непрерывности рядов статистических данных качество информации губернаторских отчетов об объемах финансирования этих отраслей по регионам Сибири и Дальнего Востока оценивается значительно ниже, чем по регионам Европейской России. В связи с этим мы активно привлекали данные из публикаций Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, Министерства финансов, статистического обзора [17–21], а также современной научной литературы [22].

Измерение пространственной дифференциации и ее динамики

Показатели объема финансирования образования и здравоохранения свидетельствуют о валовом накоплении человеческого капитала. Рассмотрим ряд зависимостей, показывающих наличие конвергенции и дивергенции в российских макрорегионах по ряду его показателей.

Как и ранее [2], для совокупной оценки пространственной дифференциации этих стоимостных показателей мы использовали коэффициент вариации за определенный год (использовался также в [3, р. 11–12; 23]). Однако в данном случае он рассчитывался не только по суммарному, но и по душевому объему финансирования образования и здравоохранения, поскольку, в отличие от Европейской России, в Сибири и в большей степени на Дальнем Востоке существенное значение имели резкие колебания численности населения вследствие изменения административных границ и миграционных процессов. В связи с тем, что не по всем регионам и не за все годы рассматриваемого периода имеются данные о численности населения, это привело к снижению их количества в выборках: до 7 губерний в Европейской России; Сибирь и Дальний Восток были объединены в единую категорию (7 регионов). Минимально достаточным за отдельный год определено количество в 5 регионов.

Суммарные объемы финансирования образования в Европейской России рассчитывались по следующей выборке губерний: Воронежская, Вологодская, Калужская, Курская, Пермская, Рязанская, Саратовская. Суммарные объемы в здравоохранении в Европейской России рассчитывались по следующей выборке губерний: Воронежская, Вологодская, Калужская, Курская, Пензенская, Пермская, Саратовская. В обоих случаях это губер-

нии, данные по которым приняты достаточными для идентификации структуры финансирования здравоохранения в разрезе институциональных источников.

Подушевые объемы в образовании и здравоохранении в Европейской России рассчитывались по следующей выборке губерний: Новгородская, Смоленская, Тамбовская, Ярославская, Калужская, Пермская, Рязанская. Это губернии, по которым имеются достаточные данные об объемах финансирования образования и здравоохранения, а также о численности населения.

В соответствии с имеющейся практикой операций с показателями доходов, обычно не подверженными нормальному распределению, тренды абсолютных показателей сопоставлялись с трендами логарифмированных показателей.

Тенденции пространственной дифференциации

В [2] было продемонстрировано, что в Европейской России с конца 1870-х гг. межрегиональная дифференциация по финансированию образования понизилась, а по финансированию здравоохранения несколько повысилась. Изменение выборки губерний дает в целом тот же результат в сфере образования, а в сфере здравоохранения тренд становится нейтральным (рис. 1). Переход от суммарных к подушевым объемам финансирования образования и здравоохранения, сопровождаемый корректировкой набора анализируемых губерний (рис. 2), не приводит к принципиальному изменению тренда в образовании, но в здравоохранении вместо нейтрального он вновь становится восходящим (как и в [2]).

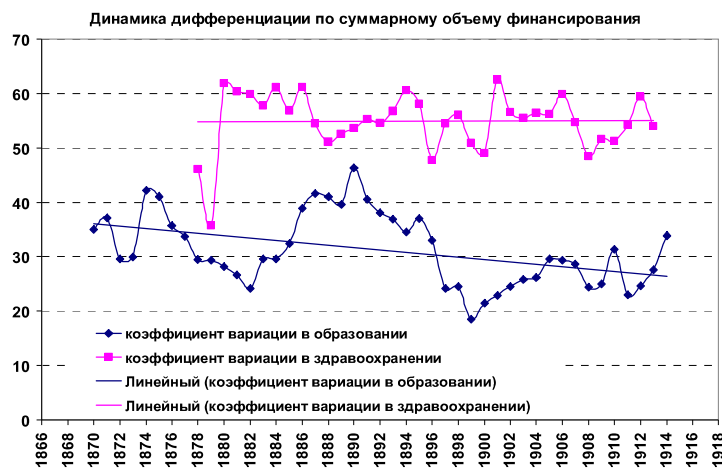

Рис. 1. Динамика дифференциации суммарного объема финансирования образования и здравоохранения по выборке земских губерний Европейской России.
Рассчитано по: [17–22, 24–31]

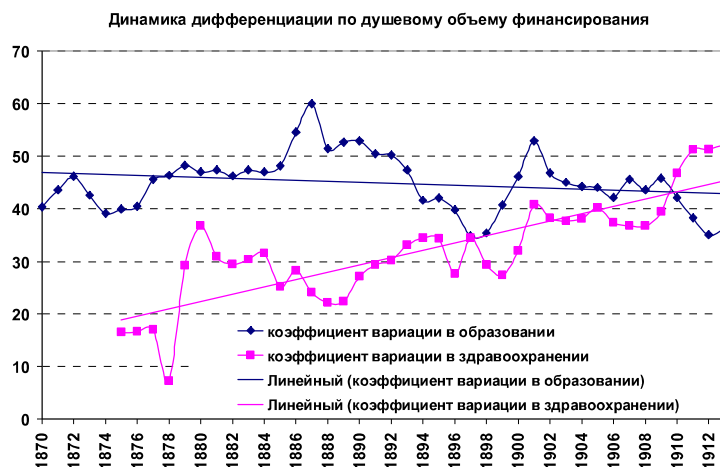

Рис. 2. Динамика дифференциации подушевого финансирования образования и здравоохранения по выборке земских губерний Европейской России.
Рассчитано по: [17–22, 26, 29, 30, 32–35]

Рисунки 3 и 4 показывают, что логарифмирование подушевых объемов финансирования образования и здравоохранения в Европейской России не приводит к изменению направлений трендов пространственной дифференциации, притом что для образования угол наклона тренда становится более крутым.

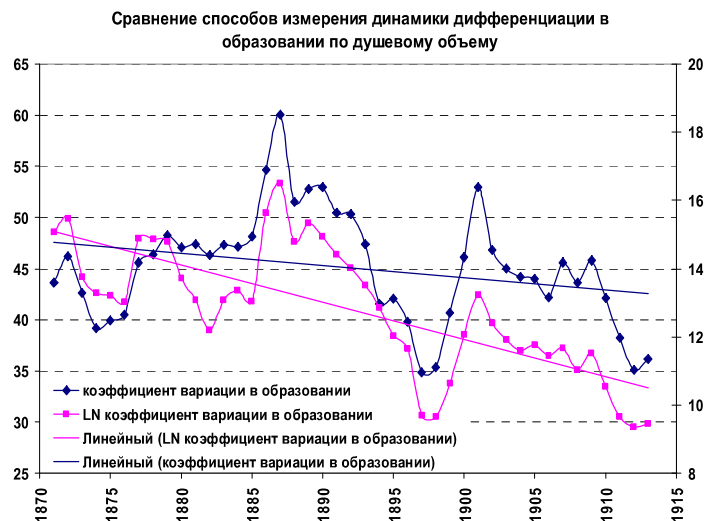

Рис. 3. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования образования по выборке земских губерний Европейской России.
Рассчитано по: [17–22, 26, 29, 30, 32–35]

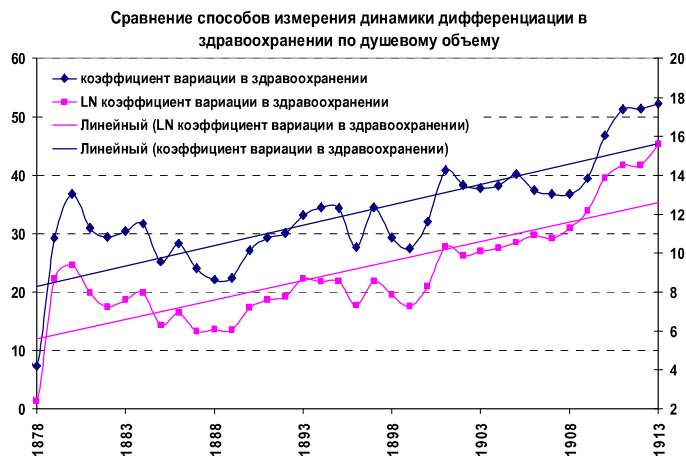

Рис. 4. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования здравоохранения по выборке земских губерний Европейской России. Рассчитано по: [17–22, 26, 29, 30, 32–35]

Исходя из динамики институциональной структуры финансирования [1], можно утверждать, что в сфере образования Европейской России основным фактором изменений до конца XIX в. было увеличение соответствующих финансовых ресурсов у губернских и уездных земств. В отношении здравоохранения данный фактор являлся определяющим на всем протяжении рассматриваемого периода. По расчетам С. Нафцигера, доля расходов на образование и здравоохранение в бюджете земств повысилась с 18,1% в 1871 г. до 63,3% в 1913 г. [36, р. 400]. Причем уровень представительства крестьянской курии положительно влиял на уровень расходов земств на эти цели [36, р. 415–431].

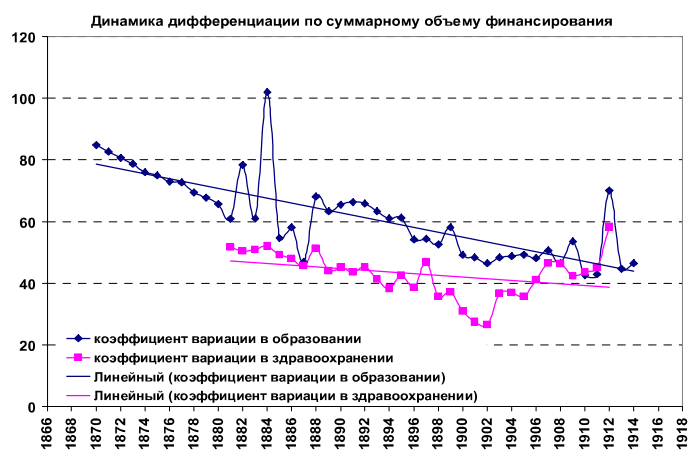

Рис. 5. Динамика дифференциации суммарного объема финансирования образования и здравоохранения по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока. Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

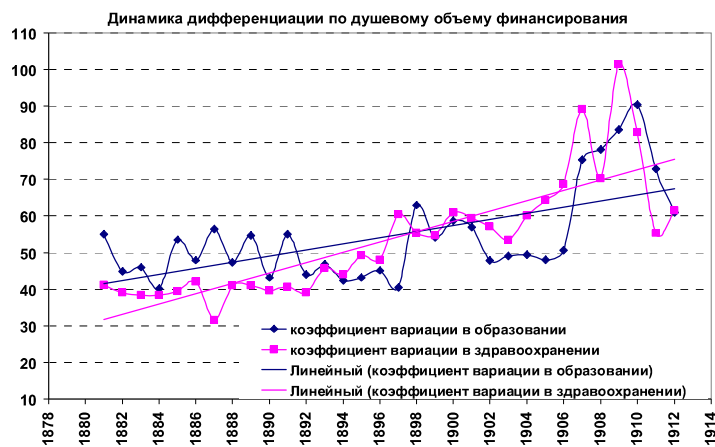

Рис. 6. Динамика дифференциации подушевого финансирования образования и здравоохранения по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока.
Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

Рисунки 5 и 6 показывают, что при анализе динамики пространственной дифференциации регионов Сибири и Дальнего Востока переход от суммарных к подушевым объемам финансирования образования и здравоохранения приводит к изменению направления трендов и в образовании, и в здравоохранении. В обеих сферах он становится восходящим вместо нисходящего.

В свою очередь, логарифмирование подушевых объемов финансирования образования (рис. 7) и здравоохранения (рис. 8) приводит к изменению тренда пространственной дифференциации и в образовании, и в здравоохранении.

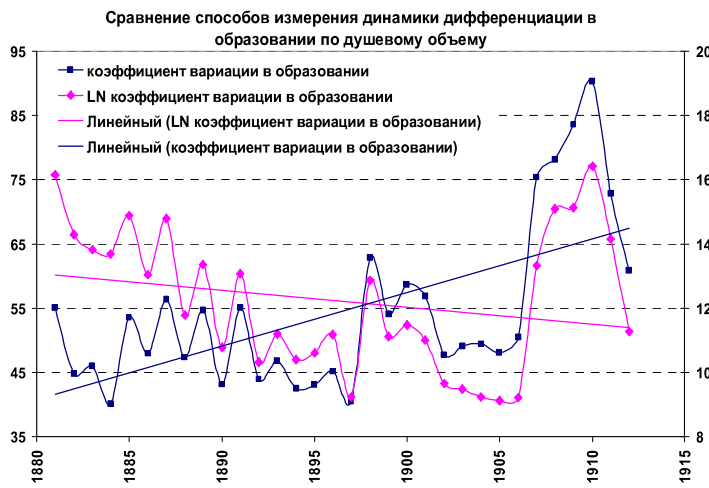

Рис. 7. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования образования по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока.
Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

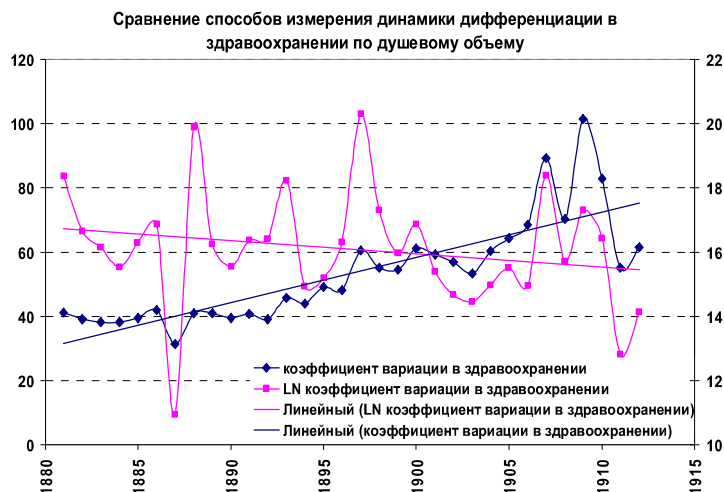

Рис. 8. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования здравоохранения по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока.
Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

Вместо восходящего он становится умеренно нисходящим. Таким образом, *результат нашего анализа показывает, что пространственная дифференциация с течением времени ослабевала в обеих сферах формирования человеческого капитала, но не очень сильно и не очень четко выражено.*

Бюджетная политика центрального правительства как фактор пространственной дифференциации

В [2] было установлено, что пространственная дифференциация на выборке губерний Европейской России с течением времени ослабевала в той отрасли, где доля средств центрального правительства была выше (образование, и в те периоды, когда она имела тенденцию к возрастанию и в образовании, и в здравоохранении).

Рисунок 9 демонстрирует ту же зависимость на примере измененной выборки губерний Европейской России в сфере образования, а рис. 10 — в сфере здравоохранения. Переходы способов измерения от суммарного к подушевому уровню и от значений рядов к логарифмам не ведут к изменению характера зависимости пространственной дифференциации от доли средств центрального правительства в финансировании образования. Вновь, как и в случае с трендами динамики пространственной дифференциации, результат измерения для Европейской России не меняется с корректировкой выборки губерний (по сравнению с [2]).

Несколько иная картина складывается исходя из материалов по регионам Сибири и Дальнего Востока. В данном случае переходы от суммарного к подушевому уровню финансирования образования (рис. 11) и здравоохранения (рис. 12) ведут к изменению характера зависимости пространственной дифференциации от доли средств центрального правительства.

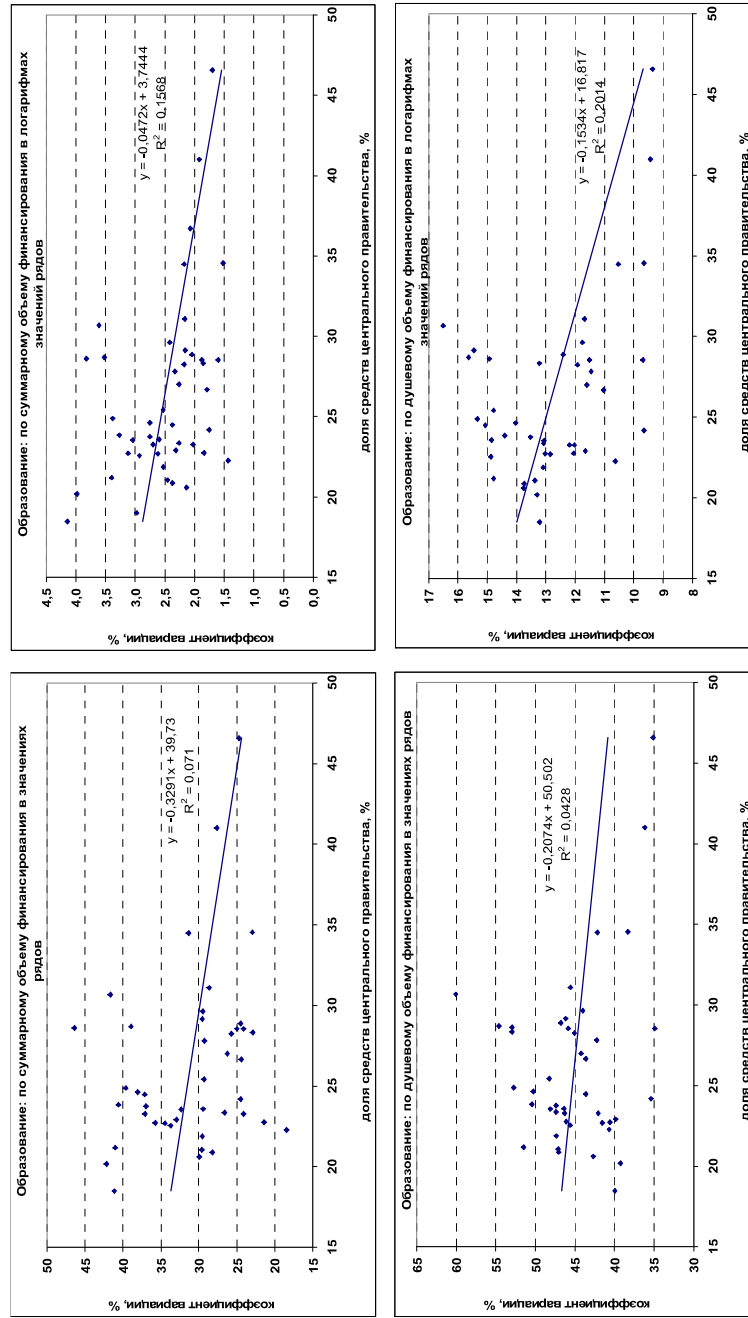

Рис. 9. Динамика пространственной дифференциации финансирования образования в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке земских губерний Европейской России. Рассчитано по: [17–22, 24–35]

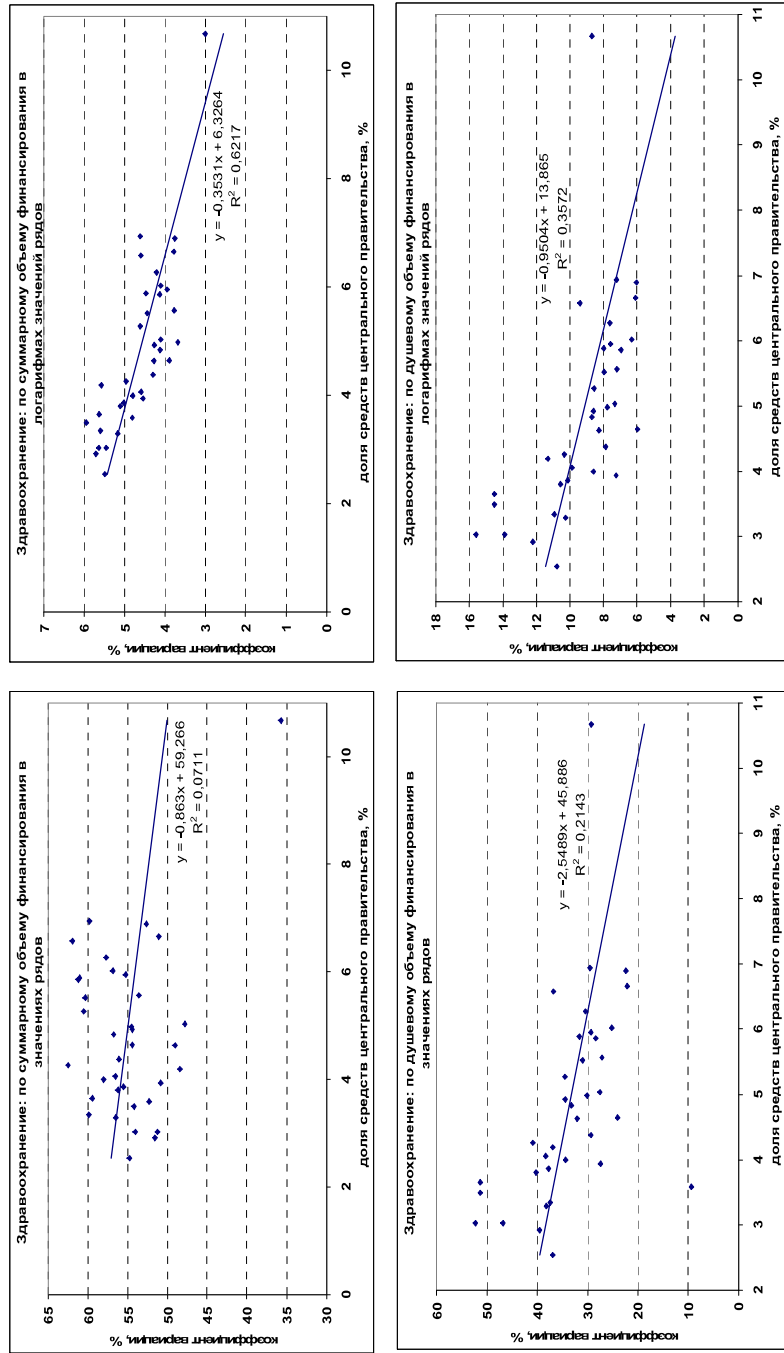

Рис. 10. Динамика пространственной дифференциации финансирования здравоохранения в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке губерний Европейской России.

Рассчитано по: [17–22, 24–35]

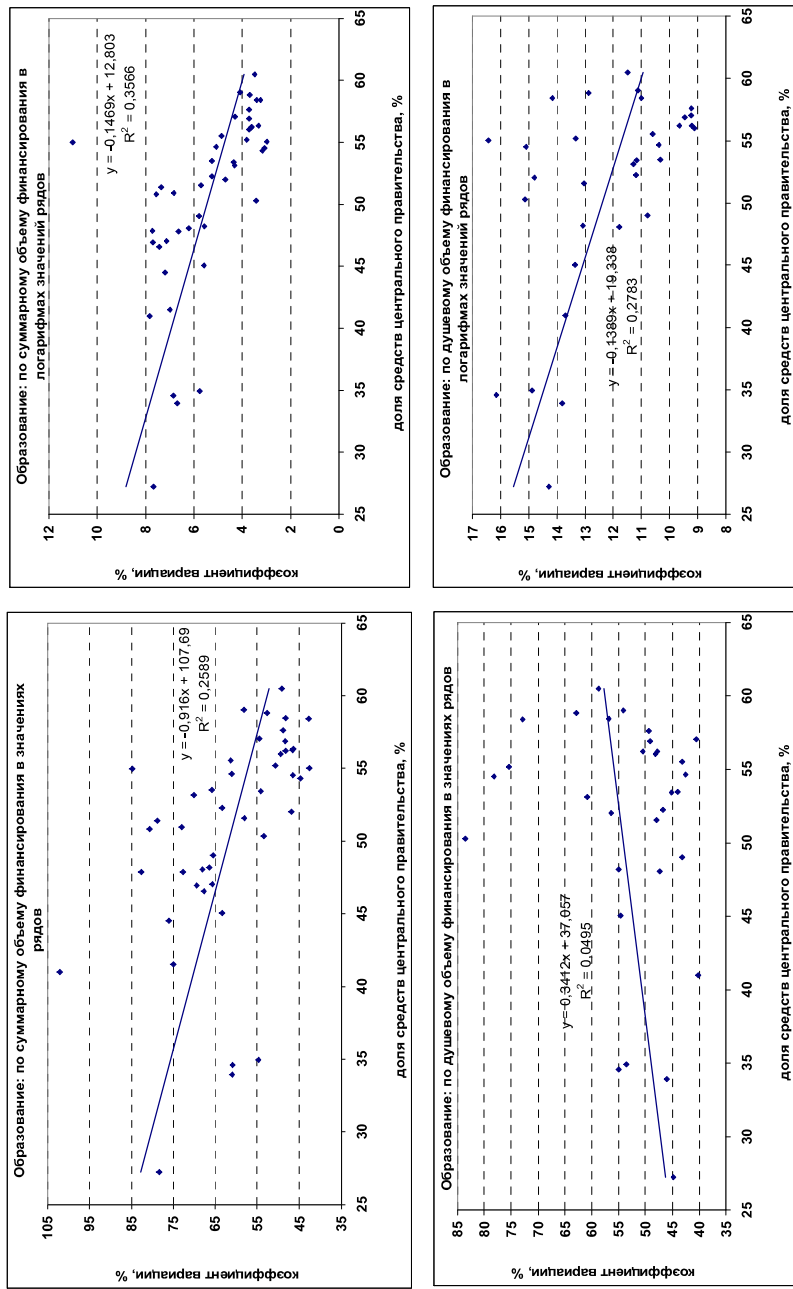

Рис. 11. Динамика пространственной дифференциации финансирования образования в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока.
 Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

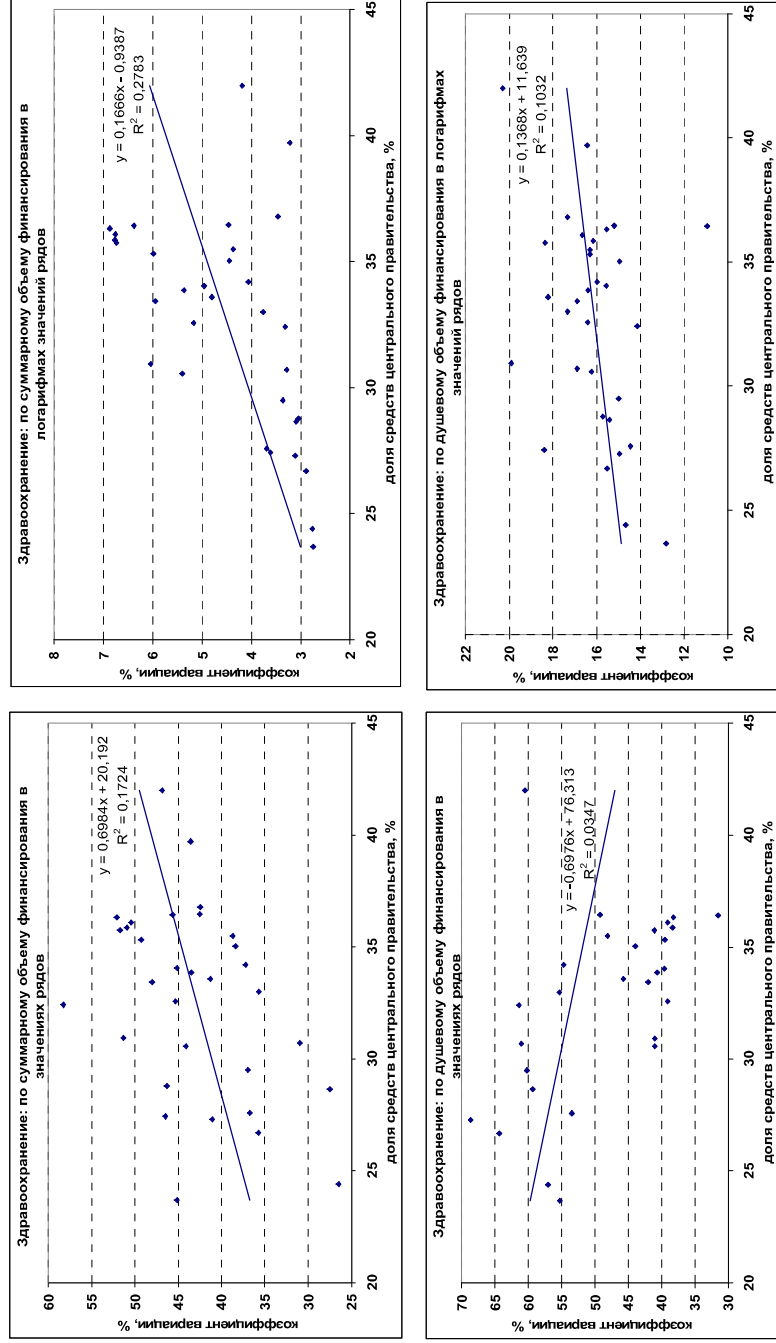

Рис. 12. Динамика пространственной дифференциации финансирования здравоохранения в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока.

Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

В свою очередь, изменение способа измерения пространственной дифференциации в финансировании соответствующих отраслей (от значений рядов к логарифмам) вновь ведет к смене характера зависимости пространственной дифференциации от доли средств центрального правительства.

Ожидаемо, что наибольшим коэффициентом детерминации обладают модели, в которых пространственная дифференциация измеряется в логарифмах значений рядов. Однако в случае с суммарными объемами они не являются релевантными в силу указанных выше отличий динамики населения в восточных регионах от западных. Из релевантных (в подушевом выражении) большей точностью обладают модели, в которых пространственная дифференциация измеряется в логарифмах значений рядов. В этих моделях зависимость в сфере образования аналогична установленной для Европейской России (снижение дифференциации по мере расширения участия центрального правительства), а зависимость в сфере здравоохранения – противоположна последней (дифференциация возрастает, несмотря на расширение участия центрального правительства).

Таким образом, *идентифицированные тенденции динамики неравенства и связанных с ним факторов в Европейской России подтверждаются различными методами его измерения. В то же время в отношении регионов Сибири и Дальнего Востока проявляется сильная чувствительность результатов от методов измерения неравенства. Поэтому соответствующие результаты можно считать в меньшей степени подтвержденными.*

И на Дальнем Востоке (в рассматриваемое историческое время относившегося к Восточной Сибири), и в основной части Сибири, колонизированном с XVII в. (западной части – с конца XVI в.) и занимавшей промежуточное положение между Европейской Россией и Дальним Востоком, в условиях приоритета колонизационных и военно-стратегических задач, социальная политика центрального правительства была направлена на сокращений различий с европейской частью страны, при учете особенностей восточных макрорегионов.

Ключевым фактором высокого подушевого объема финансирования и образования, и здравоохранения в областях Дальнего Востока представляется сравнительно высокий уровень урбанизации этих регионов как по сравнению с земскими губерниями Европейской России, так и с полностью управляемыми представителями центрального правительства губерниями Сибири (таблица). Однако эта урбанизация, которая на Дальнем Востоке шла активнее, чем в других макрорегионах, стимулировалась не столько экономико-географическими, сколько геополитическими факторами и проявлялась в деятельности государства по созданию военно-административных центров на новых колонизируемых территориях. Так, на 1 000 занятых в Приморской области 149 приходилось на вооруженные силы, в Амурской – 25, в Забайкальской – 11 [44, с. 2, 4–5, 56–57, 143–144].

Хотя в восточных регионах России отсутствовали земства, на уровне городов, как и в Европейской России, местное самоуправление действовало на основании Городового положения от 16 июня 1870 г. На Дальнем Востоке

городские средства являлись более весомым (по сравнению с Европейской Россией и Сибирью) источником расходов на образование и здравоохранение, доля которых имела тенденцию к значительному расширению.

Объемы валового накопления человеческого капитала в реальном выражении на душу населения и уровень урбанизации

Территория	Среднегодовой объем финансирования на душу населения, коп. 1913 г.				Доля городского населения, %	
	образование		здравоохранение			
	1895– 1899	1907– 1911	1895– 1899	1907– 1911	1897	1908
Российская империя	105	163	84	121	13,4	
Дальний Восток						
Приморская область	н/д	459	н/д	283	23,0	29,5
Амурская область	194	305	74	143	27,3	29,5
Забайкальская область	н/д	н/д	43	76	6,4	12,9
Сибирь						
Иркутская губерния	137	112	89	97	12,2	15,2
Енисейская губерния	92	83	48	58	11,0	9,9
Томская губерния	71	68	14	37	6,6	8,9
Тобольская губерния	47	80	25	36	6,1	6,1
Европейская Россия						
Новгородская губерния	91	162	35	52	6,3	5,6
Смоленская губерния	30	41	49	52	7,9	8,5
Ярославская губерния	93	121	71	104	13,7	13,3
Калужская губерния	86	141	41	70	8,4	7,5
Пермская губерния	56	85	66	95	6,0	5,4
Рязанская губерния	41	62	33	22	9,4	8,1

Рассчитано по: Объемы финансирования в Российской империи: [1]; Объемы финансирования в регионах: [26, 29, 30, 32, 33, 35, 37–43] и [17–22]. Доля городского населения в 1897 г.: [45]. Доля городского населения в 1908 г.: [44].

В Сибири максимальный уровень урбанизации, определявший сравнительно высокий объем финансирования образования и здравоохранения, отмечался в Иркутской и Енисейской губерниях.

Высокая прямая зависимость объемов подушевого финансирования двух основных отраслей формирования человеческого капитала от доли городского населения показана на рис. 13 и 14. Данная зависимость прослеживается, несмотря на значительное несоответствие экономической деятельности и административного деления в поздней Российской империи, когда промышленность и торговля расширились не только в городах, но и в сельской местности, а основным занятием значительной части городских жителей оставалось сельское хозяйство [46, т. 1, с. 812, 820–823].

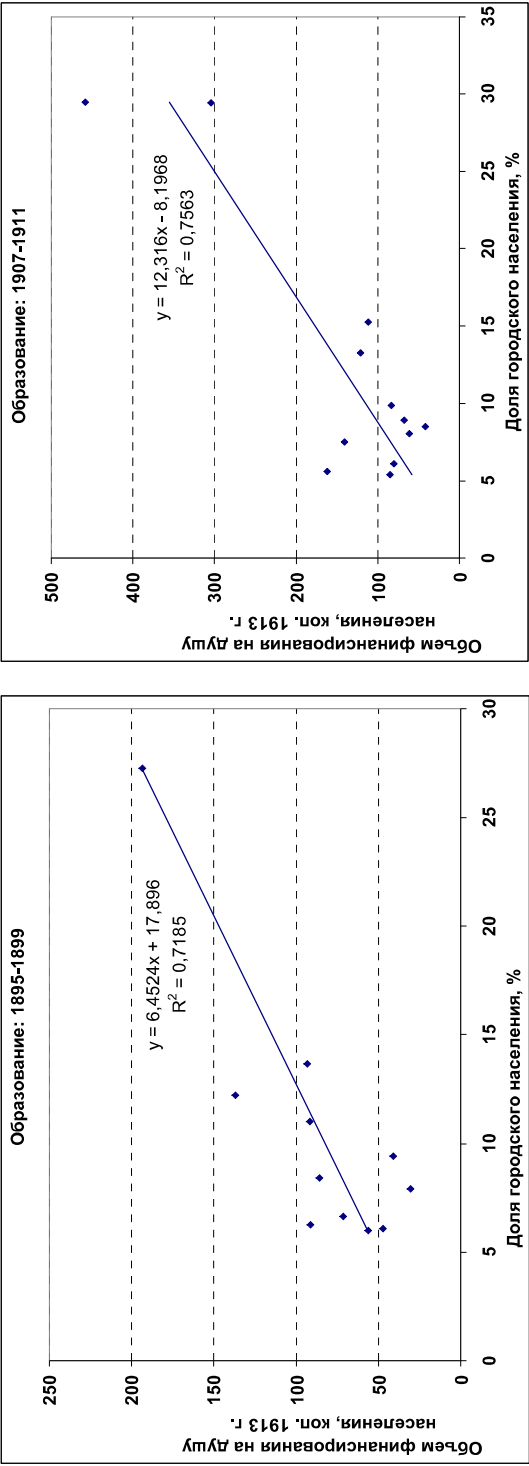

Рис. 13. Объем подушевого финансирования образования в зависимости от доли городского населения в 1897 и в 1908 гг.
Источник: таблица в настоящей статье

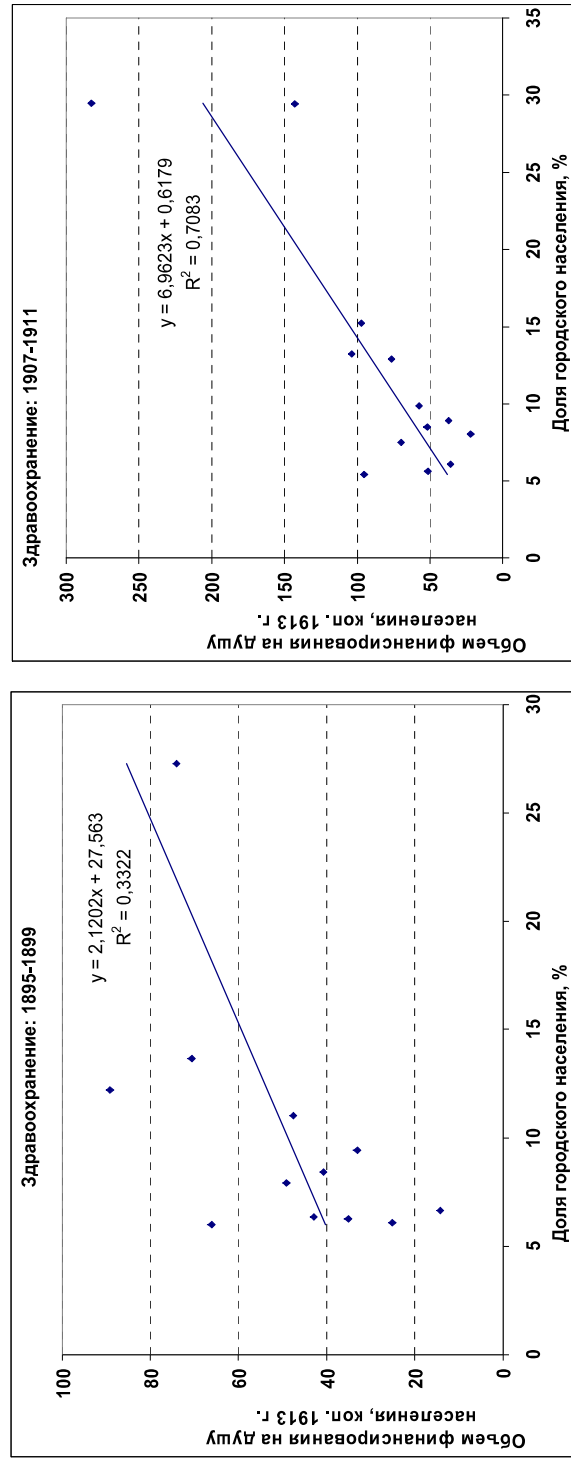

Рис. 14. Объем подушевого финансирования здравоохранения в зависимости от доли городского населения в 1897 и в 1908 гг.
 Источник: таблица в настоящей статье

Повышенных затрат на здравоохранение на Дальнем Востоке требовали следующие направления:

1. *Военная медицина*, поскольку в структуре населения данного макрорегиона в начале колонизации преобладали военнослужащие. Соответственно, первые лечебные заведения принадлежали военному ведомству, финансировавшему медицину на сравнительно высоком уровне. Там же оказывалась медицинская помощь и гражданскому населению [47, с. 140]. Многочисленные свидетельства сохранения такого положения в начале XX в. приводятся в губернаторских отчетах по Приморской [37, с. 30, 43] и Амурской [38, с. 53, 57] областям. Выделялся в этом отношении морской госпиталь во Владивостоке, который обслуживал также население окрестного Южно-Уссурийского края [48, с. 21].

2. *Учреждения пенитенциарной системы*, более распространенные на Дальнем Востоке по сравнению не только с Европейской Россией, но и с Сибирью. Особенно высокой долей ссыльных каторжных и поселенцев в составе населения до 1905 г. отличался о. Сахалин, который до русско-японской войны входил в состав Приморской области и был ее сравнительно населенной территорией. Также значительной долей данного контингента отличалась Забайкальская область. Расходы на здравоохранение составляли 3–5% общих затрат на содержание каторжан [39, с. 65, 74, 85, 104], что в несколько раз превышало уровень таких расходов на среднестатистического жителя России.

3. *Корпоративная медицина*, развивавшаяся в первую очередь на железнодорожных, золотодобывающих предприятиях, особенности труда на которых определяли повышенный спрос на услуги здравоохранения [38, с. 34, 56].

4. *Целенаправленная медицинская помощь переселенцам*, в период Столыпинской аграрной реформы составлявшая отдельную группу отраслевых расходов [37, с. 36, 37; 39, с. 86].

5. *Борьба с частыми эпидемиями* (в том числе профилактическая), о чем периодически сообщается в губернаторских отчетах по Приморской [37, с. 30, 37, 64, 65] и Амурской [38, 43, 44] областям. Города юга Дальнего Востока, расположенные в приграничной зоне, сталкивались с распространением болезней и эпидемий из сопредельных государств, в первую очередь из Китая. Так, эпидемия легочной чумы в 1910–1911 гг. в Маньчжурии заставила власть и общество серьезно обратиться к решению проблемы усиления санитарного надзора [49, с. 316–320]. В Приморской области в 1910–1911 гг. со стороны центрального правительства соответствующие поступления целевого характера составили 170 503 руб. (Губернаторский годовой отчет по Приморской области за 1911 г. С. 113–114), т.е. около 10 % оцениваемой нами суммы совокупных расходов на здравоохранение в области за 2 года.

6. *Отдельные климатические особенности* данного макрорегиона, часто приводившие к наводнениям, массовым болезням животных, неурожаю, соответственно, к потребности в чрезвычайном финансировании мероприятий санитарно-эпидемиологической направленности.

Выводы

При запуске и на ранней стадии «современного» типа экономического роста неравномерное социально-экономическое развитие регионов генерировало тенденцию к дивергенции в накоплении человеческого капитала. Эта тенденция отчетливо проявлялась в тех сегментах (здравоохранение в Европейской России) и в те периоды (образование в Европейской России в конце XIX в., в отличие от начала XX в.), где и когда доля финансирования центрального правительства отличалась в меньшую сторону. Выравнивающий характер носило повышенное участие центрального правительства, которое формировало противоположную тенденцию к межрегиональной конвергенции. Наибольшим (по доле финансирования) его участие было зафиксировано в сфере образования на Дальнем Востоке, несколько меньшим – в Сибири. В сфере здравоохранения в восточных регионах страны доля участия центрального правительства в большую сторону радикально отличалась от Европейской России.

Данные закономерности установлены с большей определенностью и достоверностью в отношении Европейской России, в то время как в отношении Сибири и Дальнего Востока – с меньшей, в связи с пониженным качеством источниковой базы, в том числе недостаточной полнотой данных.

Список источников

1. Диденко Д.В. Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Экономическая история: Ежегодник. М. : Институт российской истории РАН, 2020. С. 107–149.
2. Диденко Д.В. Пространственное неравенство и накопление человеческого капитала в Европейской России при переходе к «современному» типу экономического роста (конец XIX – начало XX вв.) // Мир России. 2021. Т. 30, № 3. С. 100–126.
3. Williamson J.G. Regional inequality and the process of national development: A description of the patterns // *Economic Development and Cultural Change*. 1965. Vol. 13, № 4. Part II. P. 1–84.
4. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review*. 1955. Vol. 45. P. 1–28.
5. Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven ; London : Yale University Press, 1966. 529 p.
6. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010 [2004]. 824 с.
7. Kim S. Economic integration and convergence: U.S. regions, 1840–1987 // *The Journal of Economic History*. 1998. Vol. 58, №3. P. 659–683.
8. Crafts N.F.R. Regional GDP in Britain, 1871–1911: Some estimates // *Scottish Journal of Political Economy*. 2005. Vol. 52, № 1. P. 54–64.
9. Felice E. Regional value added in Italy, 1891–2001, and the foundation of a long-term picture // *The Economic History Review*. 2011. Vol. 64, № 3. P. 929–950.
10. Martínez-Galarraga J., Rosés J.R., Tirado D.A. The long-term patterns of regional income inequality in Spain, 1860–2000 // *Regional Studies*. 2015. Vol. 49, № 4. P. 502–517.
11. Stohr C. *Regional Inequality in Switzerland* // *Research in Economic History* / ed. by C. Hanes, S. Wolcott. Bingley, UK : Emerald Publishing Limited, 2018. Vol. 34. P. 135–198.

12. Combes P.-P., Lafourcade M., Thisse J.-F., Toutain J.-C. The rise and fall of spatial inequalities in France: A long-run perspective // *Explorations in Economic History*. 2011. Vol. 48, № 2. P. 243–271.
13. Enflo K. Finland's regional GDPs 1880-2010: Estimates, sources and interpretations // *Lund Papers in Economic History*. 2014. № 135. P. 1–32. URL: https://portal.research.lu.se/portal/files/18258181/2014_135.pdf (дата обращения: 01.12.2021).
14. Enflo K., Rosés J.R. Coping with regional inequality in Sweden: Structural change, migrations, and policy, 1860–2000 // *The Economic History Review*. 2015. Vol. 68, № 1. P. 191–217.
15. Lindert P.H. *Growing Public: Social Spending and Economic Growth since the Eighteenth Century* : 2 vol. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 377 p.
16. Кускидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 50–53.
17. *Статистический* временник Российской империи. Сер. III. Вып. 16: Доходы и расходы губернских и уездных земств за 1883 год // Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб., 1886. 76 с.
18. *Статистика* Российской империи. [Вып.] XXXVI: Мирские доходы и расходы за 1894 год в 50 губерниях Европейской России // Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб., 1898. 273 с.
19. *Расходы* земств 34-х губерний по сметам на 1895 год. Разработано в Статистическом отделении Департамента окладных сборов [Министерства финансов]. СПб., 1896.
20. *Мирские* доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России / Министерство финансов, Департамент окладных сборов. СПб., 1909. 401 с.
21. Яснопольский Н.П. Приложения к исследованию о географическом распределении государственных расходов в России: Статистические таблицы, картограммы и диаграммы. Киев, 1897. Ч. 2. 619 с.
22. Кесслер Х., Маркевич А. (2019) Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв. URL: <http://ristat.org/>
23. Enflo K., Henning M., Schön L. Estimations and General Trends in the Swedish Regional System // *Research in Economic History*. Vol. 30 / ed. by C. Hanes, S. Wolcott. Bingley, UK : Emerald Publishing Limited, 2014. P. 47–89.
24. *Обзор* Воронежской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Воронеж, 1872–1916.
25. *Обзор* Вологодской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Вологда, 1871–1915.
26. *Обзор* Калужской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Калуга, 1871–1915.
27. *Обзор* Курской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Курск, 1870–1916.
28. *Обзор* Пензенской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Пенза, 1880–1915.
29. *Обзор* Пермской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Пермь, 1870–1916.
30. *Обзор* Рязанской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Рязань, 1871–1915.
31. *Обзор* Саратовской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Саратов, 1871–1915.
32. *Обзор* Новгородской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Новгород, 1871–1916.
33. *Обзор* Смоленской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Смоленск, 1871–1915.

34. *Обзор* Тамбовской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Тамбов, 1871–1911.
35. *Обзор* Ярославской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Ярославль, 1872–1915.
36. Naftziger S. Did Ivan's Vote Matter? The Political Economy of Local Democracy in Tsarist Russia // *European Review of Economic History*. 2011. Vol. 15, № 3. P. 393–441.
37. *Обзор* Приморской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Владивосток, 1871–1916.
38. *Обзор* Амурской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Благовещенск, 1871–1916.
39. *Обзор* Забайкальской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Чита, 1885–1911.
40. *Обзор* Иркутской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Иркутск, 1870–1916.
41. *Обзор* Енисейской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Красноярск, 1871–1916.
42. *Обзор* Томской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Томск, 1882–1914.
43. *Обзор* Тобольской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Тобольск, 1871–1916.
44. Яснопольский Л.Н. (ред.). Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России. Киев : Книгоиздательство Т-ва Л.М. Фиш, 1913. 483 с.
45. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии) // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php (дата обращения: 01.12.2021).
46. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. 2-е изд., испр. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. Т. 1. 892 с.
47. Кузнецова О.Ю. Открытие гражданских больниц в городах Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // *Дальневосточный город в контексте освоения тихоокеанской России* : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.З. Позняк. Владивосток : Рея, 2014. С. 140–146.
48. Власов С.А. Очерки истории Владивостока. Владивосток : Дальнаука, 2010. 250 с.
49. Щербина П.А. Из опыта предотвращения эпидемий в городах юга Дальнего Востока России в 1910–1911 гг. // *Дальневосточный город в контексте освоения тихоокеанской России* : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.З. Позняк. Владивосток : Рея, 2014. С. 316–321.

References

1. Didenko, D.V. (2021) Dinamika i institutsional'nye istochniki nakopleniia chelovecheskogo kapitala v regionakh Rossii (vtoraia polovina XIX v. – nachalo XX v.) [Dynamics and institutional sources of human capital accumulation in Russia's regions (19th – early 20th centuries)]. In: *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik* [Economic History. Yearbook]. Moscow: Institute of Russian History, RAS. pp. 107–149.
2. Didenko, D.V. (2021) Spatial inequality and human capital formation in the transition of European Russia to the 'modern' type of economic growth (Late 19th to early 20th centuries). *Mir Rossii – Universe of Russia*. 30 (3). pp. 100–126. (In Russian).
3. Williamson, J.G. (1965) Regional inequality and the process of national development: A description of the patterns. *Economic Development and Cultural Change*. 13 (4, II). pp. 1–84.
4. Kuznets, S. (1955) Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review*. 45 (1). pp. 1–28.

5. Kuznets, S. (1966) *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven; London: Yale University Press.
6. Barro, R.J. & Sala-i-Martin, X. (2010) *Ekonomicheskii rost* [Economic growth]. Translated from English. Moscow, BINOM, Laboratoriia znaniia.
7. Kim, S. (1998) Economic integration and convergence: U.S. regions, 1840–1987. *The Journal of Economic History*. 58 (3). pp. 659–683.
8. Crafts, N.F.R. (2005) Regional GDP in Britain, 1871–1911: Some estimates. *Scottish Journal of Political Economy*. 52 (1). pp. 54–64.
9. Felice, E. (2011) Regional value added in Italy, 1891–2001, and the foundation of a long-term picture. *The Economic History Review*. 64 (3). pp. 929–950.
10. Martínez-Galarraga, J., Rosés, J.R. & Tirado, D.A. (2015) The long-term patterns of regional income inequality in Spain, 1860–2000. *Regional Studies*. 49 (4). pp. 502–517.
11. Stohr, C. (2018) Regional Inequality in Switzerland. In: Hanes, C. & Wolcott, S. (eds) *Research in Economic History*. Vol. 34. Bingley, UK: Emerald Publishing Limited. pp. 135–198.
12. Combes, P.-P., Lafourcade, M., Thisse, J.-F. & Toutain, J.-C. (2011) The rise and fall of spatial inequalities in France: A long-run perspective. *Explorations in Economic History*. 48 (2). pp. 243–271.
13. Enflo, K. (2014) Finland's regional GDPs 1880–2010: Estimates, sources and interpretations. *Lund Papers in Economic History*. 135. pp. 1–32. [Online] Available from: https://portal.research.lu.se/portal/files/18258181/2014_135.pdf (Accessed: 01.012.2020).
14. Enflo, K. & Rosés, J.R. (2015) Coping with regional inequality in Sweden: Structural change, migrations, and policy, 1860–2000. *The Economic History Review*. 68 (1). pp. 191–217.
15. Lindert, P.H. (2004) *Growing Public: Social Spending and Economic Growth since the Eighteenth Century*. Two volumes. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Kiskidosova, T.A. (2016) Governor's Annual Reports as a Source for the Research of the Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s–1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 50–53. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/8
17. Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs. (1886) *Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii* [Statistical Chronicle of the Russian Empire]. Series III. Vol. 16. St. Petersburg: Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs.
18. Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs. (1898) *Statistika Rossiiskoi imperii* [Statistics of the Russian Empire]. [Issue] XXXVI. St. Petersburg: Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs.
19. Ministry of Finance. (1896) *Raskhody zemstv 34-kh gubernii po smetam na 1895 god*. [Expenditures of the zemstvos of 34 provinces according to estimates for 1895]. St. Petersburg: Statistical Division of the Fixed Taxes Department.
20. Ministry of Finance. (1909) *Mirskie dokhody i raskhody za 1905 god po 50 guberniiam Evropeiskoi Rossii* [Communes' receipts and expenditures for 1905 in 50 provinces of European Russia]. St. Petersburg: Fixed Taxes Department.
21. Yasnopolsky, N.P. (1897) *Prilozheniia k issledovaniiu o geograficheskoi raspredelenii gosudarstvennykh raskhodov v Rossii: Statisticheskie tablitsy, kartogrammy i diagrammy*. [Appendices to the study on the geographical distribution of the government expenditures in Russia: Statistical tables, maps and charts]. Part 2. Kiev: Kiev Imperial University.
22. Kessler, H. & Markevich, A. (2019) *Electronic Repository of Russian Historical Statistics, 18th – 21st Centuries*. [Online] Available from: <http://ristat.org/> (In Russian).
23. Enflo, K., Henning, M. & Schön, L. (2014) Estimations and General Trends in the Swedish Regional System. In: Hanes, C. & Wolcott, S. (eds) *Research in Economic History*. Vol. 30. Bingley, UK: Emerald Publishing Limited. pp. 47–89.

24. Governor of Voronezh Province. (1872–1916) *Obzor Voronezhskoi gubernii* [Overview of Voronezh Province]. Voronezh.
25. Governor of Vologda Province. (1871–1915) *Obzor Vologodskoi gubernii* [Overview of Vologda Province]. Vologda.
26. Governor of Kaluga Province. (1871–1915) *Obzor Kaluzhskoi gubernii* [Overview of Kaluga Province]. Kaluga.
27. Governor of Kursk Province. (1870–1916) *Obzor Kurskoi gubernii* [Overview of Kursk province]. Kursk.
28. Governor of Penza Province. (1880–1915) *Obzor Penzenskoi gubernii* [Overview of Penza Province]. Penza.
29. Governor of Perm Province. (1870–1916) *Obzor Permskoi gubernii* [Overview of Perm Province]. Perm.
30. Governor of Ryazan Province. (1871–1915) *Obzor Riazanskoi gubernii* [Overview of Ryazan Province]. Ryazan.
31. Governor of Saratov Province. (1871–1915) *Obzor Saratovskoi gubernii* [Overview of Saratov Province]. Saratov.
32. Governor of Novgorod Province. (1871–1916) *Obzor Novgorodskoi gubernii* [Overview of Novgorod Province]. Novgorod.
33. Governor of Smolensk Province. (1871–1915) *Obzor Smolenskoi gubernii* [Review of Smolensk Province]. Smolensk.
34. Governor of Tambov Province. (1871–1911) *Obzor Tambovskoi gubernii* [Review of Tambov Province]. Tambov. (In Russian).
35. Governor of Yaroslavl Province. (1872–1915) *Obzor Yaroslavskoi gubernii* [Review of Yaroslavl Province] Yaroslavl. (In Russian).
36. Naftziger, S. (2011) Did Ivan's Vote Matter? The Political Economy of Local Democracy in Tsarist Russia. *European Review of Economic History*. 3 (15). pp. 393–441.
37. Governor of Primorskaya Oblast. (1871–1916) *Obzor Primorskoi oblasti* [Overview of Primorskaya Oblast]. Vladivostok.
38. Governor of Amur Oblast. (1871–1916) *Obzor Amurskoi oblasti* [Overview of Amur Oblast]. Blagoveshchensk.
39. Governor of Trans-Baikal Oblast. (1885–1911) *Obzor Zabaikal'skoi oblasti* [Overview of Trans-Baikal Oblast]. Chita.
40. Governor of Irkutsk Province. (1870–1916) *Obzor Irkutskoi gubernii* [Overview of Irkutsk Province]. Irkutsk.
41. Governor of Yenisei Province. (1871–1916) *Obzor Eniseiskoi gubernii* [Overview of Yenisei Province]. Krasnoyarsk.
42. Governor of Tomsk Province. (1882–1914) *Obzor Tomskoi gubernii* [Overview of Tomsk Province]. Tomsk.
43. Governor of Tobolsk Province. (1871–1916) *Obzor Tobol'skoi gubernii* [Overview of Tobolsk Province]. Tobolsk. (In Russian).
44. Yasnopolsky, L.N. (ed.). (1913) *Statistiko-ekonomicheskie ocherki oblastei, gubernii i gorodov Rossii* [Statistical and economic essays on regions, provinces and cities of Russia]. Kiev: Knigoizdatel'stvo L.M. Fish & Co.
45. Institute for Demography of the National Research University Higher School of Economics. (2021) The first general population census of the Russian Empire in 1897. Available population in provinces, counties, cities of the Russian Empire (without Finland). *Demoscope Weekly*. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php (Accessed: 01.12.2021). (In Russian).
46. Mironov, B.N. (2018) *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: From tradition to modernity: in 3 vols]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN.
47. Kuznetsova, O.Yu. (2014) Otkrytie grazhdanskikh bol'nits v gorodakh Dal'nego Vostoka v kontse XIX – nachale XX v. [Establishment of civilian hospitals in the towns of the

Far East in the late 19th – early 20th centuries]. In: Pozniak, T.Z. (ed.) *Dal'nevostochnyi gorod v kontekste osvoeniia tikhookeanskoi Rossii* [Far Eastern town in the context of exploration of the Pacific Russia]. Vladivostok: ООО "Reia". pp. 140–146.

48. Vlasov, S.A. (2010) *Ocherki istorii Vladivostoka*. [Essays on the history of Vladivostok]. Vladivostok: Dal'nauka.

49. Shcherbina, P.A. (2014) Iz opyta predotvrashcheniia epidemii v gorodakh iuga Dal'nego Vostoka Rossii v 1910–1911 gg. [From experience of epidemic prevention in the towns of Russia's Far Eastern South in 1910–1911]. In: Pozniak, T.Z. (ed.) *Dal'nevostochnyi gorod v kontekste osvoeniia tikhookeanskoi Rossii* [Far Eastern town in the context of exploration of the Pacific Russia]. Vladivostok: ООО "Reia". pp. 316–321.

Сведения об авторе:

Диденко Д.В. – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории, профессор кафедры истории экономики Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Didenko, Dr. Sci. (Economics), Cand. Sci. (History), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Экономика труда

Научная статья
УДК 331.526
doi: 10.17223/19988648/57/7

Тенденции развития занятости в современной экономике

Ирина Альбертовна Дымова¹,
Евгения Владимировна Нехода²

¹ Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия, i-dymova@mail.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, sheyna@sibmail.com

Аннотация. В статье поднимаются вопросы и ставятся проблемы, связанные с тенденциями в области развития новых форм занятости, в частности под воздействием развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий. Предложена авторская трактовка признаков современных форм занятости: степень документального оформления взаимоотношений работодатель – работник; соответствие классическим требованиям, предъявляемым работодателями к продолжительности рабочего времени и условиям контракта; удаленность от головного офиса компании рабочего места работника; условия использования информационно-коммуникационных и цифровых технологий. Описаны группы занятости, такие как формальная и неформальная, стандартная и нестандартная, дистанционная (удаленная) и стационарная. Показано влияние новых нестандартных форм занятости на динамику уровня безработицы в России и на динамику количества вакансий за последние 20 лет, сообщенных российскими предприятиями и организациями в органы государственной службы занятости. Проведен анализ распределения федеральных округов и регионов Российской Федерации по численности списочного состава работающих неполное рабочее время по инициативе работодателя за 2017 г. Представлен обзор по гендерному и возрастному признакам социологического опроса 1 600 россиян в возрасте от 18 лет, проведенного ВЦИОМ, о преимуществах и недостатках удаленной работы. Сделаны соответствующие выводы, обозначены проблемы и дальнейшие направления исследований рынка труда, обеспечения занятости и достойной оплаты труда, соблюдения прав и гарантий работников.

Ключевые слова: рынок труда, стандартные и нестандартные формы занятости, удаленная работа, безработица

Для цитирования: Дымова И.А., Нехода Е.В. Тенденции развития занятости в современной экономике // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 102–118. doi: 10.17223/19988648/57/7

Labour Economics

Original article

Trends in employment development in the modern economy

Irina A. Dymova¹, Evgenia V. Nekhoda²

¹ *T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia,
i-dymova@mail.ru*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia,
sheyna@sibmail.com*

Abstract. In the modern economy, an unprecedented rapid change in the sphere of work is taking place. The transformation of forms of employment and its impact on the labor market and social and labor relations have manifested themselves almost on a global scale. The article raises questions and poses problems related to trends in the development of new forms of employment, in particular, under the influence of the development of information and communications and digital technologies. The authors' interpretation of the signs of modern forms of employment is proposed: the degree of documenting the employer-employee relationship; compliance with the classical requirements imposed by employers for working hours and contract terms; remoteness from the company's head office of the employee's workplace; conditions for the use of information and communications and digital technologies. This made it possible to distinguish such classification groups of employment as formal and informal, standard and non-standard, remote and stationary. To analyze the current state of issues related to the development of new forms of employment, data from the Federal State Statistics Service and the All-Russian Center for the Study of Public Opinion were used. The authors used the classical method of statistical analysis, which allows answering the questions posed. The article shows the influence of new non-standard forms of employment on the dynamics of the unemployment rate in Russia and on the dynamics of the number of vacancies over the past 20 years reported by Russian enterprises and organizations to the state employment service. The development of the platform economy is changing the nature of work, creating new forms of employment, and increasing the number of jobs. However, within the framework of platform employment, new problems arise, generated by the inability to meet the challenges of modern legislation, the uncertainty of the location of the employer and the employee, the lack of control over the provision of minimum wages, the health and safety of employees. The authors also analyzed the distribution of federal districts and regions of the Russian Federation by the number of part-time employees on the initiative of the employer for 2017. The largest number of employees who worked part-time at the initiative of the employer was revealed in the Volga Federal District. An overview of the gender and age characteristics of a sociological survey of 1,600 Russians aged 18 and over, conducted by the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, on the advantages and disadvantages of remote work is presented. The new form of employment that has arisen is ambiguously evaluated and accepted by working Russians, but a positive beginning prevails. The relevant conclusions are drawn. The problems and further directions of labor market research, ensuring employment and decent wages, observance of workers' rights and guarantees are outlined.

Keywords: labor market, standard and non-standard forms of employment, remote work, unemployment

For citation: Dymova, I.A. & Nekhoda, E.V. (2022) Trends in employment development in the modern economy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 102–118. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/7

Введение

Качественно иные принципы функционирования современной экономики обусловлены процессами глобализации, цифровой и коммуникационной революцией, что требует актуализации задач содействия полной и производительной занятости и достойной работы для всех. Сфера труда меняется такими быстрыми темпами, которых раньше никогда не наблюдалось, а трансформация форм занятости, ее влияние на рынок труда и социально-трудовые отношения в современной экономике проявились практически в мировом масштабе.

В реалиях сегодняшнего дня, когда стремительное развитие информационных технологий порождает новые формы занятости, в рамках которых быстро обесцениваются полученные человеком профессиональные навыки, должно усиливаться понимание того, что имеющиеся в настоящий момент знания уже завтра не смогут обеспечить их обладателю востребованность на рынке труда. Смена парадигмы занятости сопровождается осознанием необходимости непрерывного образования на протяжении всей трудовой жизни, все большим распространением и усложнением информационно-коммуникационных и цифровых технологий, появлением и развитием цифровых технологий [1]. Генеральный директор Международной организации труда (МОТ) Гай Райдер считает, что нет необходимости переживать о том, что информационные технологии сделают с человечеством, а надо определиться с возможностью распоряжаться ими.

Одними из первых отечественных исследователей, заинтересовавшихся проблемами стандартной и нестандартной занятости, являются В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников, которыми стандартная занятость рассматривается как работа по найму в условиях полного рабочего дня под контролем работодателя на бессрочной основе. Нестандартная занятость позиционируется как противоположность стандартной занятости. В своих работах В.Е. Гимпельсон и Р.И. Капелюшников исследовали причины роста сегмента рабочих мест в формате нестандартной занятости и предложили сравнительную характеристику стандартной и отдельных видов нестандартной занятости. Данными авторами был сделан вывод о том, что разнообразие нестандартных форм занятости приводит к многообразию факторов, влияющих на постепенное ограничение охвата населения стандартной занятостью [2].

В дальнейшем исследователи сконцентрировались на анализе новых форм занятости, связанных с широким использованием цифровых технологий. Пандемия COVID-19 подтолкнула развитие новых, нестандартных, форм занятости, главным образом связанных с дистанционной (удаленной) работой и платформенной занятостью.

М.В. Меркушева считает, что в отсутствие общепризнанного определения понятий «стандартная занятость» и «нестандартная занятость» термин «стандартная занятость» обозначает «основную» занятость, главным признаком которой является наличие полной занятости, осуществляемой на основании заключенного бессрочного контракта. Автор делает акцент именно на типах контрактов. По мнению М.В. Меркушевой, дистанционная занятость – это форма занятости, осуществляемая с использованием цифровых платформ, в которой участвуют три стороны: онлайн-платформа, клиент и работник [3].

Е.В. Холодова исследовала значение для современного рынка труда таких форм занятости, как удаленная работа, телеработа и фриланс. Она утверждает, что данные виды занятости помогают решать проблемы трудоустройства для определенных слоев населения, в том числе и на удаленных территориях [4].

Е.В. Нехода и Пань Ли в своем исследовании выделяют такие новые формы занятости, как автономная работа, мобильная работа и виртуальная работа. Данные авторы акцентируют внимание на том, что появление новых типов занятости меняет и устоявшиеся, привычные организационные формы труда, и трудовые отношения [5].

По мнению Е.В. Масловой, для управления современным рынком труда необходим поиск инновационных подходов, широко использующих нестандартные формы занятости. В своих исследованиях она делает вывод о невозможности остановки процесса развития нестандартных форм занятости и обращает внимание на актуальную потребность управления данным процессом со стороны государства [6].

А. Эзер в своей статье «Будущее трудовой сферы: гибкость и эффективность виртуального труда» выделяет такие новые формы занятости, как телеработа и телетруд, относя их к дистанционной занятости, и занятость на виртуальных предприятиях (виртуальная занятость). При этом следует отметить, что для ряда авторов «виртуальная занятость» и «телеработа» являются тождественными понятиями, но, ссылаясь на работы зарубежных авторов, А. Эзер указывает на наличие достаточного количества расхождений и различий между данными формами занятости. Из представленного автором материала следует понимать, что термины «телеработа» и «телетруд» являются синонимами, а виртуальная занятость относится к работе виртуальных предприятий [7]. Но здесь возникает вопрос: насколько это соотносится с платформенной занятостью?

При анализе нестандартных форм занятости в США выделяют три группы занятых: самозанятых, работающих по найму и смешанный вариант, включающих тех, кто одновременно работает по найму и является самозанятым [8–9]. Особое внимание в США уделяется телеработе, что подтверждается наличием Закона о совершенствовании телеработы. Данный документ содержит описание таких видов телеработ, как:

– «горячий стол» – находясь в офисе, работник по необходимости использует специально оборудованное рабочее место, которое не закреплено за ним на постоянной основе;

- «отель» – отличается от «горячего стола» тем, что работники должны заранее позаботиться о том, чтобы зарезервировать себе рабочее место;
- центры телеработы – это специально организуемые рабочие места, которые предоставляются работникам из разных организаций;
- виртуальные офисы – дают возможность работникам совместно выполнять свои трудовые обязанности из разных мест с использованием информационно-коммуникационных и цифровых технологий.

МОТ и Еврокомиссия выделяют свои классификационные признаки такой новой формы, как дистанционная занятость. Так, по данным МОТ, дистанционная занятость включает в себя работу [10]:

- в домашних условиях, когда работник самостоятельно организует свое рабочее место и может в течение дня совмещать выполнение трудовых и домашних обязанностей;
- в специально созданном работодателем дополнительном офисе;
- в любом удобном месте, созданном работником или работодателем;
- в особом телекоммуникационном центре, созданном специализированной организацией;
- при которой рабочее место перемещается вместе с работником;
- совместно в стационарном и дистанционном рабочем месте.

Еврокомиссией дистанционная занятость рассматривается в основном как различные варианты телеработы [11]. У Еврофонда своя классификация новых форм занятости:

- совместное использование работников сразу несколькими организациями. Это дает возможность обеспечить работнику полную занятость, так как в отдельности каждый работодатель не может принять его на полный рабочий день;
- совместное трудоустройство. На условиях неполной занятости на одно рабочее место работодатель устраивает несколько работников;
- временное управление. В отличие от совместного использования работников, в данном варианте одна организация передает другой ограниченное число высокопрофессиональных работников для решения специфических и сложных задач [12–13].

Таким образом, трансформация форм занятости в современной экономике требует фундаментальных исследований и решения ряда проблем, которые возникают в связи с их появлением и развитием.

Постановка задачи

Несмотря на многочисленные исследования новых форм занятости, остаются открытыми следующие вопросы:

1. По каким классификационным признакам можно группировать новые формы занятости? Это, в частности, имеет значение для институционализации новых форм и их институционального регулирования. Некоторые исследователи как единый вид рассматривают нестандартные и неформальные формы занятости. К нестандартной занятости относят небезопас-

ную занятость и сверхзанятость. Но при стандартной занятости, когда работник устроен на постоянную работу и является штатным сотрудником организации, он также может подвергаться давлению со стороны руководства и без какой-либо оплаты выполнять сверхурочную работу (сверхзанятость) и задания, не прописанные в его должностной инструкции (небезопасная занятость).

2. Как новые формы занятости влияют на динамику уровня безработицы и потребности организаций в высококвалифицированных работниках? По оценке МОТ, в современном мире 176 млн человек безработных. При этом безработица прежде всего затрагивает молодое поколение людей. Уже упоминавшийся Гай Райдер в своем интервью российским журналистам отметил, что в 2020 г. безработица в возрастной группе от 15 до 24 лет достигла 8,7%, среди людей старшего поколения безработица составила только 3,7%. Другой проблемой является то, что до 60% работников заняты в теневом бизнесе [14].

3. В чем заключаются преимущества и недостатки новых форм занятости, в частности удаленной работы? Начиная с 2020 г. широкое распространение получила новая форма занятости – удаленная работа. В условиях проведения ограничительных мер, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции, для многих работников, с одной стороны, это стало выходом при выполнении своих трудовых функций, а с другой – породило множество вопросов и новых проблем.

Для анализа текущего состояния вопросов, связанных с развитием новых форм занятости, использовались данные Федеральной службы государственной статистики и Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). В работе применялся классический метод статистического анализа, позволяющий ответить на поставленные вопросы. Уровень безработицы определялся как удельный вес численности безработных в численности экономически активного населения.

Результаты

Определяя соответствующие признаки современных форм занятости, их можно разделить на следующие классификационные группы:

- по степени документального оформления взаимоотношений работодатель – работник формы занятости подразделяются на формальные и неформальные. Факт наличия или отсутствия официального оформления трудовых отношений между работником и работодателем определяет статус официального и неофициального трудоустройства;

- по соответствию классическим требованиям, предъявляемым работодателями к продолжительности рабочего времени и условиям контракта, – стандартная и нестандартная занятость. Классические требования работодателями к рабочему времени и условиям контракта – это, прежде всего, полный 8-часовой рабочий день и заключение трудового договора сроком не менее одного года;

– по удаленности от головного офиса компании рабочего места работника – дистанционная (удаленная) и стационарная занятость. При этом рабочее место может создаваться как работником, так и работодателем, но основным признаком, отличающим удаленную работу от стационарной, является именно месторасположение рабочего места и использование современных информационно-коммуникационных и цифровых технологий;

– по условиям использования информационно-коммуникационных и цифровых технологий – платформенная занятость, дистанционная работа, телеработа. Разнообразие и уровень сложности используемых технологий разделяют данные формы занятости.

В отдельную классификационную группу можно отнести занятых в офисе организации, которые для выполнения своих трудовых обязанностей разделяют свое рабочее место сразу с несколькими работниками. Работодатели это делают в целях сокращения затрат на содержание офисных помещений, и работникам приходится использовать рабочее место поочередно в соответствии с установленными графиками.

Трансформация форм занятости оказывает непосредственное влияние, с одной стороны, на динамику уровня безработицы, а с другой – на возрастающую потребность организаций в высококвалифицированных работниках. Анализ динамики уровня безработицы в России за последние 20 лет показывает, что пик ее приходился на начало анализируемого периода – 2000 г. и составил 10,6% [15]. При этом в абсолютном выражении численность безработных в 2000 г. была 7,6 млн человек, а в 2020 г. снизилась до 4,3 млн человек и удельный вес численности безработных в численности экономически активного населения оказался почти в два раза ниже – 5,7% (рис. 1). Этому способствовало развитие платформенной экономики, которая, меняя характер труда, создает новые формы занятости и обеспечивает людей работой. Но в рамках платформенной занятости возникают новые проблемы, порожаемые неприспособленностью к вызовам современности применяемого законодательства, неопределенностью местоположения работодателя и работника, отсутствием контроля за обеспечением минимальной заработной платы, здоровьем и безопасностью работников. Однако в условиях пандемии в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом наметилась тенденция к росту уровня безработицы.

Развитие новых форм занятости снижает как официальную, так и неофициальную безработицу, обеспечивая население страны основными и дополнительными видами работ, а соответственно влияет на уровень доходов. Но также порождает проблему нехватки работников, обладающих новыми, востребованными на современном рынке труда, профессиональными компетенциями. Потребность ратифицировать Россией конвенции МОТ, касающиеся вопросов регламентации современных форм занятости, обусловлена наличием дефицита трудовых ресурсов определенного профессионального уровня и направления.

Анализ потребности в работниках, заявленных предприятиями и организациями в органы государственной службы занятости за последние

20 лет, показал, что начиная с 2006 г. количество вакансий превысило 1 млн человек и к в 2014 г. достигло своего пика – 1,8 млн человек (рис. 2). Далее наблюдаются спады и подъемы, но в среднем дефицит профессиональных работников за последние 6–7 лет в организациях составляет 1,5 млн человек.

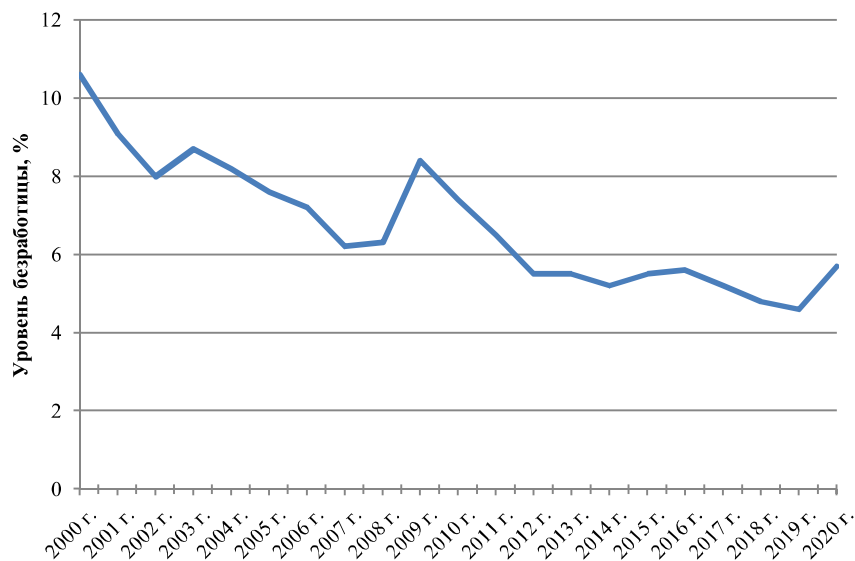

Рис. 1. Динамика уровня безработицы.

Источник: составлено авторами на основе электронных таблиц Росстат [15]

И.В. Новикова в своей монографии «Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике» утверждает, что сложившаяся в настоящее время институциональная среда направлена на защиту интересов прежде всего работников [16]. Эта мысль подтверждается нормативным регулированием стандартной формы занятости. Трудовой кодекс РФ предусматривает права работников и обязанности работодателей, обеспечивая первым защиту от произвола последних. Подписывая с работником бессрочный договор на условиях полного рабочего дня, работодатель берет на себя обязанности по обеспечению работника рабочим местом, соблюдения режима труда и отдыха, другими социальными гарантиями, своевременной выплатой основной и дополнительной заработной платы. При этом к основной заработной плате относится оплата труда за проработанное время, а к дополнительной – оплата труда за неотработанное время (дни болезни, очередной отпуск, простои по вине работодателя, выполнение государственных обязанностей). Конечно, при таких условиях работодатель менее защищен со стороны законодательства, но у него остаются неформальные рычаги управления работником. Это может привести к конфликту интересов участников трудовых отношений. МОТ, признавая,

что в сфере труда сохраняется дисбаланс, призывает к коллективной защите интересов работников. Исторической реальностью является наличие самой высокой производительности труда в тех странах, где ведется постоянный диалог между правительством, работодателями и работниками.

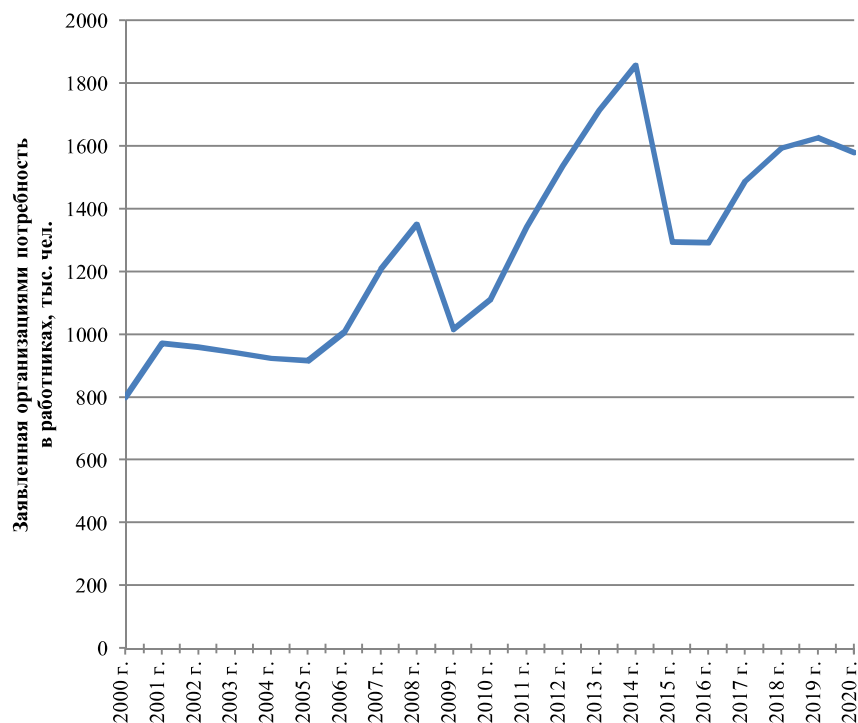

Рис. 2. Динамика количества вакансий, сообщенных предприятиями и организациями в органы государственной службы занятости.

Источник: составлено авторами на основе электронных таблиц Росстат [15]

В странах, где подобный диалог отсутствует или является редкостью, работодатели могут использовать определенные властные рычаги и не обеспечивать работникам, например, полной занятости. Анализ численности работников списочного состава, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя, за 2017 г. выявил неравномерность данного показателя по регионам Российской Федерации (табл. 1, рис. 3).

В Приволжском федеральном округе численность работников списочного состава, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя, составила за анализируемый период почти 35 000 человек, а в Центральном федеральном округе она превысила 15 000 человек. Три федеральных округа (Уральский федеральный округ, Сибирский федеральный округ, Южный федеральный округ) имеют численность работников, занятых неполный рабочий день, от 6 000 до чуть больше 8 000 человек. В трех

федеральных округах (Северо-Западный федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ) численность колеблется в диапазоне от 3 000 до 5 000 человек (рис. 4).

Таблица 1. Распределение федеральных округов и регионов Российской Федерации по численности списочного состава работников, работающих неполное рабочее время по инициативе работодателя, за 2017 г.

Численность списочного состава работников, работающих неполное рабочее время по инициативе работодателя, чел.	Число федеральных округов РФ	Доля, %	Число субъектов РФ	Доля, %
Всего	8	100	85	100
<i>В том числе с численностью списочного состава работников, работающих неполное рабочее время, по инициативе работодателя, чел.</i>				
0–100	–	–	22	26
100–1000	–	–	39	46
1000–2000	–	–	11	13
2000–3000	–	–	6	7
3000–5000	3	38	5	6
5000–6000	–	–	–	–
6000–9000	3	38	2	2
9000–35000	2	24	–	–

Источник: составлено авторами на основе электронных таблиц Росстат [15].

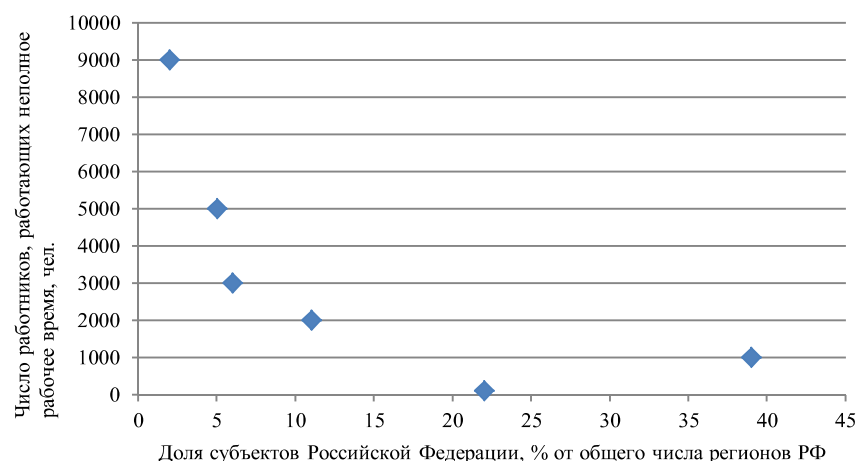

Рис. 3. Распределение регионов Российской Федерации по доле работников, работающих неполное рабочее время по инициативе работодателя, за 2017 г.

Источник: составлено авторами на основе электронных таблиц Росстат [15]

Одним из выходов в установлении баланса интересов работодателя и работников является использование такой формы занятости, как удаленная работа. ВЦИОМ в результате проведения социологического опроса было установлено, что большинство россиян (64%) из числа опрошенных (в

опросе приняли участие 1 600 россиян в возрасте от 18 лет) считают, что проводить работу в удаленном режиме очень удобно.

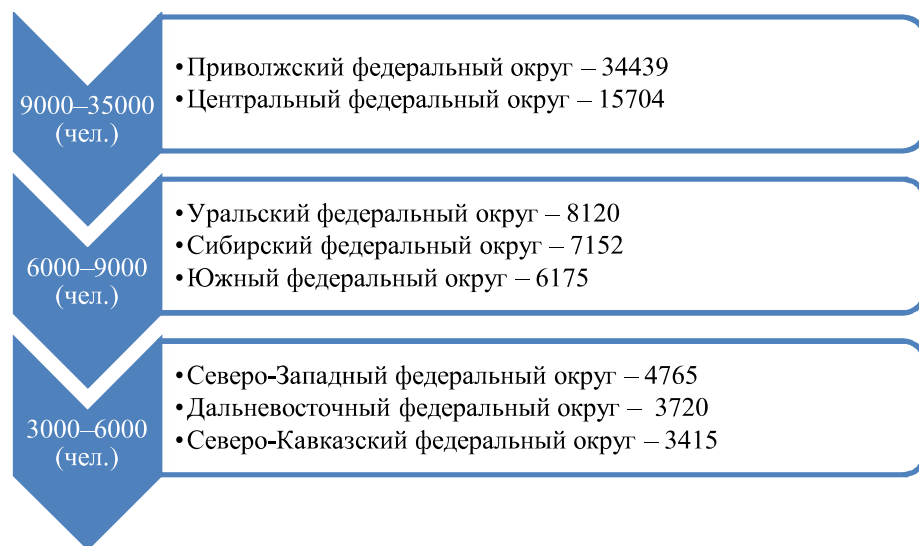

Рис. 4. Распределение федеральных округов Российской Федерации по численности списочного состава работников, работающих неполное рабочее время по инициативе работодателя, за 2017 г.

Источник: составлено авторами на основе электронных таблиц Росстат [15]

При этом у женщин более позитивное отношение к удаленной работе, чем у мужчин. За удаленную работу женщин проголосовало на 10% больше, чем мужчин. Следует отметить, что среди различных возрастных групп также нет единства в желании работать в офисе или удаленно. Более молодое поколение привержено к удаленному режиму работы – это работники, возраст которых составляет от 18 до 24 лет. Комбинированную форму занятости поддерживают россияне в возрасте от 18 до 44 лет, но те, кому исполнилось 45 лет и старше, в основном настроены на работу в офисе [17].

Больше положительных моментов, чем отрицательных, видят в удаленном режиме работы 30 % женщин и только 22 % мужчин придерживаются такого же мнения. Основным недостатком, присущим удаленной работе, является наличие ненормированного рабочего дня и некоторая размытость границ между работой и личной жизнью, что подтвердили 65 % работающих удаленно россиян. Однако 64 % респондентов утверждают, что им не стало труднее работать из-за отвлекающих моментов. В итоге больше плюсов в удаленной работе видят 25 % россиян, а минусов в удаленной работе отмечают 20 % опрошенных. Половина респондентов, работающих удаленно или комбинированно, находят, что как положительных, так и отрицательных моментов в используемых ими формах работы примерно одинаково [17]. Следовательно, возникшая новая форма занятости неоднозначно оценивается и принимается работающими россиянами, но позитивное начало преобладает.

Научное сообщество также неоднозначно в своей оценке влияния трансформации форм занятости на уровень удовлетворенности людьми новыми трудовыми и жизненными обстоятельствами. Пожалуй, наиболее точно на данную тему высказались В. Cueto и G. Pruneda. По их мнению, удовлетворение от собственной трудовой деятельности зависит не от того, в какой форме она осуществляется (стационарная, удаленная или комбинированная), а от совпадения желаемых и реальных условий труда. Например, можно быть самозанятым в результате возникновения обстоятельств непреодолимой силы, что приносит в жизнь человека отрицательный опыт соприкосновения с новыми формами занятости. И наоборот, самозанятость по доброй воле, организованная в случае возникшего желания самого человека самостоятельно реализовать свои творческие амбиции, приводит к чувству благодарности за открывшиеся возможности в рамках трансформации форм занятости в современном мире. Если вспомнить поговорку, что на вкус и цвет товарища нет, то становится очевидным факт получения удовольствия одним работником от свободного режима труда и отдыха, а другим – от стабильного, установленного работодателем графика работы [18].

Социологический опрос ВЦИОМ подтвердил рост (примерно на 7%) удельного веса россиян, работающих удаленно в 2021 г. по сравнению с периодом до начала пандемии. Соответственно сократилось количество работников, выполняющих свою работу стационарно в офисе организации. При этом также увеличился удельный вес россиян, имеющих опыт комбинированной работы, т.е. выполняющих свои трудовые функции частично в офисе, частично удаленно (табл. 2).

В условиях пандемии произошли изменения в форме общения и взаимодействия между работниками и работодателями, между работниками друг с другом, что отразилось на организации и порядке выполнения трудовых функций и контроля за ними. Удаленная работа принесла в жизнь людей старшего поколения смутение, тревогу, растерянность и неуверенность в завтрашнем дне.

При этом организациям удаленная работа позволяет использовать внештатных работников в основной финансово-хозяйственной деятельности, а также привлекать работников для выполнения разовых работ.

Таблица 2. Динамика удельного веса россиян, работающих в офисе, удаленно и комбинированно

Показатели	2019 г.	2021 г.	Абсолютное отклонение
Удельный вес россиян, работающих в офисе / на предприятии, %	84	75	–9
Удельный вес россиян, имеющих опыт удаленной работы, %	4	11	7
Удельный вес россиян, имеющих опыт комбинированной работы, %	6	12	6

Источник: составлено авторами на основе электронных таблиц Росстат [15].

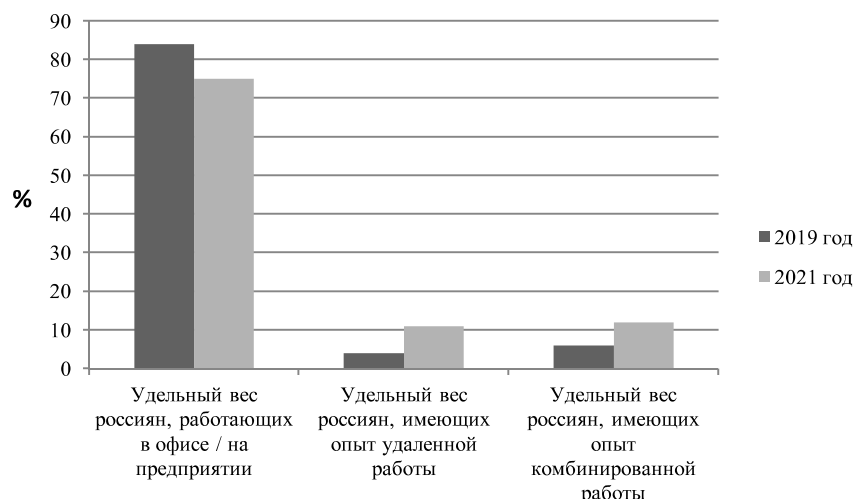

Рис. 5. Динамика удельного веса россиян, работающих в офисе, удаленно и комбинированно до пандемии COVID-19 и в 2021 г.

Источник: составлено авторами на основе электронных таблиц Росстат [15]

Согласно исследованию глобальных тенденций в области человеческого капитала, проведенному в 2019 г. ООО «Делойт Консалтинг», являющейся одной из четырех ведущих аудиторских компаний в мире, 34% из 82 российских компаний, принявших участие в обследовании, подтвердили свою высокую оценку управления внештатными сотрудниками. На мировом уровне более 50% компаний оценили работу с внештатными сотрудниками как эффективную или очень эффективную. Также в представленных выводах отмечено, что свыше половины российских компаний достаточно высоко оценивают роль работников, привлекаемых на выполнение разовых работ, в повышении эффективности своей финансово-хозяйственной деятельности [19]. В одной из рекомендаций МОТ говорится о том, что удаленная работа не должна становиться работой на износ и у работника должно быть право отключиться от работы и даже от интернета. Для поддержания процесса труда в безопасных условиях, совместимых с благосостоянием и человеческим достоинством, позволяющих в полной мере осуществлять самореализацию личности и приносить пользу обществу, следует применять системный подход как к исследованию новых форм занятости, так и к их практической реализации.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что широкое распространение нестандартных форм занятости (дистанционная (удаленная) работа; теле-работа; телетруд; фриланс; виртуальная работа) определяет основные тенденции развития занятости в современной экономике.

Анализ показал, что данные статистики подтверждают, с одной стороны, положительное влияние развития новых форм занятости, в частности платформенной занятости, на снижение уровня безработицы, а с другой – вызывают рост дефицита трудовых ресурсов определенного профессионального уровня и направленности. В странах, где отсутствует или является редкостью диалог между правительством, работодателями и работниками, происходит рост прекариата на рынке труда.

В соответствии с установленными признаками формы занятости можно отнести к определенной классификационной группе. Например, в зависимости от наличия или отсутствия официального оформления трудовых отношений между работодателем и работником занятость подразделяется на формальную и неформальную; содержание положений трудового договора и выбранный режим работы определяют стандартную и нестандартную формы занятости; условия использования информационных технологий классифицируют занятость как дистанционную (удаленную), стационарную и смешанную. Повсеместное распространение цифровых технологий способствует развитию платформенной занятости.

В условиях развития цифровой экономики проявляется тенденция усиления многообразия используемых форм и видов занятости, которые меняют характер труда и вызывают потребность в создании новых институтов. Цифровой труд требует разработки и внедрения специальной системы институционального регулирования.

В рамках дальнейшего анализа проблем развития занятости в современной экономике можно обозначить следующие направления исследований:

Во-первых, пандемия COVID-19 подтолкнула развитие новых, нестандартных форм занятости, главным образом связанных с дистанционной работой и платформенной занятостью, что привело к дисбалансу с чрезмерным предложением цифрового труда. Широкое распространение онлайн-платформ способствует росту уровня занятости, но цифровой труд сильно уязвим в плане организации рабочего процесса, обеспечения социальных прав и гарантий работникам. МОТ пока не выработала единой позиции в отношении статуса работников, занятых в платформенной экономике. Если это наемные работники, то они должны иметь социальные гарантии и быть более защищенными, чем самозанятые. В целях эффективного регулирования современного рынка труда следует выявлять и анализировать факторы обеспечения эффективной занятости, достойной оплаты труда и соблюдения прав работников.

Во-вторых, традиционные концепции труда сильно устарели, что вызывает потребность в создании новых институтов труда и установления актуальных нормативных требований и законов. Необходимы фундаментальные преобразования в сфере труда, определяющие трансформацию форм занятости в цифровом, экологическом и демографическом направлениях.

В-третьих, новая парадигма сферы труда требует разработки единой терминологии в классификации новых форм занятости. Это позволит проводить научные исследования на более высоком теоретическом уровне.

Все это будет способствовать повышению эффективности использования потенциала работников, выстраиванию взаимовыгодных отношений работодатель – работник – государство, внедрению в практическую деятельность достойного труда.

Список источников

1. Пьянкова Л.А. Занятость и формирование профессиональных компетенций «работников будущего» // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 54. С. 136–157. doi: 10.17223/19988648/54/7
2. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.
3. Меркушева М.В. Гибкие формы занятости: особенности применения в современных условиях // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 5. С. 419–438. doi: 10.18334/et.7.5.110071
4. Холодова Е.В. Фриланс и его значение для современного рынка труда // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2013. № 3 (23). С. 95–100.
5. Нехода Е.В., Пань Ли. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 9. С. 897–916. doi: 10.18334/et.8.9.113408
6. Маслова Е.В. Государственное регулирование нестандартной занятости: современный подход // Экономика труда. 2018. Т. 5, № 4. С. 1059–1072. doi: 10.18334/et.5.4.39607
7. Эзер А. Будущее трудовой сферы: гибкость и эффективность виртуального труда = Eser A. The future of work – flexibilität und effizienz des virtuellen arbeitens / пер. с нем. И.В. Цыганковой // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 133–135. doi: 10.25206/2542-0488-2018-2-133-136
8. Non standard work and workers: organizational implications / Elizabeth George, Prithviraj Chattopadhyay; International Labour Office, Inclusive Labour Markets, Labour Relations and Working Conditions Branch. Geneva : ILO, 2015.
9. Bögenhold D., Klinglmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, № 4. P. 23–32. doi: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32
10. Дистанционная работа во время и после пандемии COVID-19 : практическое руководство. Женева : Международное бюро труда, 2020. URL: <http://kkoop.ru/wp-content/uploads/2020/08/posobie-mot-dlya-rukovodstvo-po-udalennoj-rabote-rus-1.pdf>. (дата обращения: 20.11.2021).
11. European Commission, DIGCOMP: A Framework for Developing and Understanding Digital Competence in Europe. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2013.
12. Eurofound. Labour market change: Trends and policy approaches towards flexibilization. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/flagship-report/2020/labour-market-change-trends-and-policy-approaches-towardsflexibilisation> (дата обращения: 12.10.2021).
13. New forms of employment. Eurofound, Publications Office of the European Union. Luxembourg, 2015. URL: <http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1444&context=intl>. (дата обращения: 27.11.2021).
14. Глава МОТ: старые представления о труде не вписываются в новые реалии (интервью ТАСС 19 марта 2019 г.). URL: <https://tass.ru/interviews/6217994> (дата обращения: 19.09.2021).
15. Единый архив экономических и социологических данных. Электронные таблицы Росстат. URL: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>
16. Новикова И.В. Концепция стратегии занятости населения в цифровой экономике / под науч. ред. В.Л. Квинта. Кемерово : КеМГУ, 2020. 254 с.

17. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udalennaja-rabota-po-russki-pljusy-i-minusy> (дата обращения: 16.02.2021).
18. Cueto B., Pruneda G. Job Satisfaction of Wage and Self-Employed Workers. Do Job Preferences Make a Difference? // *Applied Research in Quality of Life*. 2017. № 12 (1). P. 103–123.
19. ООО «Делойт Консалтинг». Тенденции в сфере управления персоналом в России 2019. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/HC-Trends-2019-Russia-General-Report.pdf> (дата обращения: 19.08.2021).

References

1. P'yankova, L.A. (2021) Employment and the Formation of Professional Competencies of “Workers of the Future”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 54. pp. 136–157. (In Russian). DOI: 10.17223/19988648/54/7
2. Gimpel'son, V.E. & Kapelyushnikov, R.I. (2006) Non-standard employment and the Russian labor market. *Voprosy ekonomiki*. 1. pp. 122–143. (In Russian).
3. Merkusheva, M.V. (2020) Flexible forms of employment: particularities in modern conditions. *Ekonomika truda – Russian Journal of Labor Economics*. 5 (7). pp. 419–438. (In Russian). DOI: 10.18334/et.7.5.110071
4. Kholodova, E.V. (2013) Freelance and its importance for modern labour market. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 3 (23). pp. 95–100. (In Russian).
5. Nekhoda, E.V. & Pan, Li (2021) Transformation of the labour market and employment in the digital age. *Ekonomika truda – Russian Journal of Labor Economics*. 9 (8). pp. 897–916. (In Russian). DOI: 10.18334/et.8.9.113408
6. Maslova, E.V. (2018) State regulation of non-standard employment: a modern approach. *Ekonomika truda – Russian Journal of Labor Economics*. 4 (5). pp. 1059–1072. (In Russian). DOI: 10.18334/et.5.4.39607
7. Ezer, A. (2018) The future of work – flexibility and efficiency of virtual work. Translated from German by I.V. Tsygankova. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk scientific bulletin. Series society. History. Modernity*. 2. pp. 133–135. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-2-133-136
8. George, E. & Chattopadhyay, P. (2015) *Non-Standard Work and Workers: Organizational Implications*. Geneva: ILO.
9. Bögenhold, D., Klinglmair, R. & Kandutsch, F. (2017) Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. *Foresight and STI Governance*. 4 (11). pp. 23–32. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32
10. International Labour Organisation. (2020) *Distantionnaya rabota vo vremya i posle pandemii COVID-19: prakticheskoe rukovodstvo* [Remote Work during and after the COVID-19 Pandemic: A practical guide]. [Online] Available from: <http://kkoop.ru/wp-content/uploads/2020/08/posobie-mot-dlya-rukovodstvo-po-udalennoj-rabote-rus-1.pdf> (Accessed: 20.11.2021).
11. European Commission, DIGCOMP. (2013) *A Framework for Developing and Understanding Digital Competence in Europe*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
12. Eurofound. (2020) *Labour market change: Trends and policy approaches towards flexibilization*. [Online] Available from: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/flagship-report/2020/labour-market-change-trends-and-policy-approaches-towardsflexibilization> (Accessed: 12.10.2021).
13. Eurofound. (2015) *New Forms of Employment*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. [Online] Available from: <http://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1444&context=intl> (Accessed: 27.11.2021).

14. TASS. (2019) *Glava MOT: starye predstavleniya o trude ne vpisyvayutsya v novye realii* [The head of the ILO: old ideas about work do not fit into the new realities]. [Online] Available from: <https://tass.ru/interviews/6217994> (Accessed: 19.09.2021).
15. Rosstat. (n.d.) *Edinyy arkhiv ekonomicheskikh i sotsiologicheskikh dannykh. Elektronnye tablitsy Rosstat* [Unified archive of economic and sociological data. Rosstat spreadsheets]. [Online] Available from: <http://sophist.hse.ru/rosstat.shtml>
16. Novikova, I.V. (2020) *Kontseptsiya strategii zanyatosti naseleniya v tsifrovoy ekonomike* [The Concept of Employment Strategy in the Digital Economy]. Kemerovo: Kemerovo State University.
17. *Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM)*. (n.d.) [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/udalennaja-rabota-po-russki-pljusy-i-minusy> (Accessed: 16.02.2021). (In Russian).
18. Cueto, B. & Pruneda, G. (2017) Job Satisfaction of Wage and Self-Employed Workers. Do Job Preferences Make a Difference? *Applied Research in Quality of Life*. 12 (1). pp. 103–123. DOI:10.1007/s11482-016-9456-9
19. Deloyt Konsalting. (2019) *Tendentsii v sfere upravleniya personalom v Rossii 2019* [Trends in the field of personnel management in Russia 2019]. [Online] Available from: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/human-capital/russian/HCTrends-2019-Russia-General-Report.pdf> (Accessed: 19.08.2021).

Сведения об авторах:

Дымова И.А. — кандидат экономических наук, доцент кафедры управленческого учета и анализа Института экономики и управления, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева (Кемерово, Россия). E-mail: i-dymova@mail.ru
Нехода Е.В. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: sheyna@sibmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Dymova, Cand. Sci. (Economics), T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Vesennaya str., 28, Kemerovo, Russia, 650026). E-mail: i-dymova@mail.ru
E.V. Nekhoda, Dr. Sci. (Economics), National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: sheyna@sibmail.com

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Финансы

Научная статья
УДК 33.336
doi: 10.17223/19988648/57/8

Налоговые способы поддержки бизнеса в России в период коронавируса

Алина Вадимовна Агзамова¹,
Алена Евгеньевна Заборовская²

^{1, 2} *Уральский федеральный университет имени Первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

¹ *alinaagzamova@gmail.com*

² *zaborovskaya.alena@bk.ru*

Аннотация. В период неблагоприятной эпидемиологической обстановки в связи с распространением COVID-19 поменялась вся система экономических отношений и среда, в которой функционирует бизнес. Первое введение карантина сразу показало, насколько бизнес, особенно малый и средний, не готов к подобным ситуациям, как сложно ему выживать и сохранять рабочие места. В целях антикризисной поддержки предприятий государство вводит налоговые льготы и послабления, так как именно в этих условиях экономическим субъектам чрезвычайно важна государственная поддержка. И если в стабильных экономических условиях налоговыми инструментами поддержки и стимулирования бизнеса являются льготы, особенно в части инновационных разработок и инвестиций, то в кризисных экономических условиях это, как правило, отсрочки и рассрочки. Налоговая нагрузка на бизнес является обременительной в любой ситуации по причине экономической природы налогов, но в кризисных обстоятельствах, в том числе вызванных пандемией коронавируса, налоговая нагрузка становится непосильной для многих хозяйствующих субъектов, которые закономерно ждут действенных мер поддержки со стороны государства. При этом необходимо достигать баланса интересов бизнеса и государства в вопросах налогообложения в целях защищенности от угроз и вызовов внешней среды.

В статье рассматриваются государственные меры налоговой поддержки российского бизнеса в период пандемии коронавируса, так называемая «карантинная помощь». Речь идет об освобождении от уплаты налогов и сборов за отчетные налоговые периоды, а также о переносе сроков уплаты налогов, понижении тарифов страховых взносов и других мерах государственной поддержки предпринимательства. Также предлагаются актуальные решения для того, чтобы удерживать и снизить налоговую нагрузку на бизнес в сложные периоды распространения коронавирусной инфекции и в постковидный период.

Ключевые слова: налог, налогообложение, налоговые льготы, налоговое администрирование, налоговые преференции, налоговая политика, антикризисные меры, цифровизация

Для цитирования: Агзамова А.В., Заборовская А.Е. Налоговые способы поддержки бизнеса в России в период коронавируса // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 119–128. doi: 10.17223/19988648/57/8

Finance

Original article

Tax-related ways to support business in Russia during the coronavirus period

Alina V. Agzamova¹, Alyona E. Zaborovskaya²

^{1,2} Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

¹ alinaagzamova@gmail.com

² zaborovskaya.alena@bk.ru

Abstract. The current events caused by the COVID-19 pandemic concern all spheres of life of every citizen and every enterprise (organization). Forced changes pose a lot of urgent issues to the leadership of the state, regions, municipalities, and individual economic entities. Among such issues, the most important ones are the retention of income and sources of salary payments, the possibility of obtaining tax breaks, the search for attracting additional resources to the turnover of enterprises when revenues from current activities are reduced, possible sanctions for non-fulfillment or improper fulfillment of obligations. A significant tool during the pandemic is the state tax policy. In the context of the coronavirus pandemic, there have been changes in the system of business and economic relations around the world. The first introduction of quarantine immediately showed how much businesses, especially small and medium-sized ones, were not ready for such situations, how difficult it was for them to survive and save jobs. In order to provide anti-crisis support to enterprises, the state introduces tax incentives and relief, since it is in these conditions that state support is extremely important for economic entities. If in stable economic conditions tax instruments for supporting and stimulating business are benefits, especially in terms of innovative developments and investments, in crisis economic conditions these are, as a rule, deferrals and installments of payments for taxes and fees. The tax burden on Russian business is quite heavy in any situation due to the economic nature of tax payments, but in crisis circumstances, including those caused by the coronavirus pandemic, the tax burden becomes unbearable for many business entities that naturally expect effective measures of support from the state. At the same time, it is necessary to achieve a balance of interests of business and the state in matters of taxation in order to protect against threats and challenges of the external environment. The article discusses state measures of tax support for Russian business during the coronavirus pandemic, the so-called “quarantine assistance”. This is exemption from taxes and fees for the reporting tax periods, as well as postponement of tax payments, reduction of insurance premiums, and other measures of state support for entrepreneurs. An effective state tax policy in difficult epidemiological conditions, which necessitates a partial or complete shutdown of some industries, will contribute to a successful way out of the crisis and

strengthen the economic security of the state. The article also suggests possible tax measures so that taxpayers do not feel the pressure of an excessive tax burden where it is not required, both during the pandemic and on the way out of the crisis situation.

Keywords: coronavirus, tax, taxation, tax benefits, tax administration, tax preferences, tax policy, anti-crisis measures, digitalization

For citation: Agzamova, A.V. & Zaborovskaya, A.E. (2022) Tax-related ways to support business in Russia during the coronavirus period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 119–128. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/8

Введение

В 2020 г. распространение коронавирусной инфекции приняло мировой масштаб и вызвало системный кризис, который на первый взгляд не был связан с финансовой сферой, но потребовал оперативного реагирования и комплексного использования всех возможных финансово-экономических мер. Введенные ограничения повлекли существенные изменения в экономике бизнеса, объемах налоговых поступлений в бюджеты разных уровней, административно-контрольной работе налоговых органов. В таких условиях потребовались оперативные меры, разрабатываемые как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях, направленные на поддержку предприятий и организаций, которые наиболее пострадали при введении беспрецедентных мер по ограничению их работы при пандемии. Важное место в такой поддержке занимали меры в сфере налогообложения бизнеса.

В этой ситуации становится актуальным исследование основных налоговых способов поддержки бизнеса в России в период коронавируса, а также возможности их совершенствования и расширения в условиях восстановления экономики и ее стабилизации. Объектом исследования являются антикризисные инструменты налоговой политики.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении и систематизации федеральных налоговых мер в РФ в условиях пандемии COVID-19, выявлении положительных и отрицательных сторон их реализации, а также путей дальнейшего совершенствования налоговой политики в целях стабильности российской экономики. Для достижения поставленной цели необходимо последовательное решение ряда задач: систематизировать антикризисные налоговые меры для российского бизнеса по основным направлениям; представить преимущества и недостатки налоговых антикризисных мер; обобщить предложения различных исследователей по дальнейшему реформированию налоговой политики государства для стабилизации экономики в восстановительный период.

В настоящее время проблематика кризиса, вызванного пандемией COVID-19, широко рассматривается в зарубежных и отечественных публикациях. В то же время публикаций по тематике налогообложения и налогового администрирования в условиях коронавируса относительно мало. В работе использованы публикации высококвалифицированных спе-

специалистов в соответствующей отрасли научного знания, таких как А. Артюх, Д.В. Манушин, А. Прокофьев, Е.С. Вылкова, П.Н. Киргизова, В.В. Дурынин, А.Н. Маркина, Н.С. Грачев и др., а также постановления Правительства РФ и приказы Федеральной налоговой службы РФ, регулирующие реализацию антикризисных мер в условиях пандемии коронавирусной инфекции.

В процессе написания статьи изучены научные работы, посвященные налоговым методам поддержки российского бизнеса в условиях пандемии COVID-19, использованы такие методы научного познания, как анализ и синтез, группировка и сравнение, изучение научной литературы и др.

Стремительное глобальное распространение коронавируса оказало мощное влияние на жизнь людей и экономику всех стран, стало причиной серьезных социально-экономических последствий. Современная экономика еще не сталкивалась с такой мировой эпидемиологической проблемой, что не обошло стороной и Россию – с 30 марта 2020 г. в стране в рамках борьбы с коронавирусом введен карантин, что привело к закрытию большинства предприятий из разных отраслей экономики. За 2020 г. в связи с ковидными ограничениями объемы мировой торговли снизились на 7,6 %, валовой внутренней продукции в мировом масштабе – на 4,3 % – это самое значительное сокращение мирового производства со времен Великой депрессии (1930-е гг.) [1]. Российский ВВП, по итогам 2020 г., снизился на 3,1 %, что стало максимальным снижением за последние 11 лет.

Пандемия коронавируса поставила на грань выживания огромное количество предприятий по всему миру, обусловила необходимость поиска оптимальных мер поддержки бизнеса и населения. В связи с этим в конце мая 2020 г. Российское правительство подготовило «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» [2] сроком на полтора года. В качестве целевых ориентиров Плана к концу 2021 г. были обозначены: снижение уровня безработицы как минимум до 5 %, и развитие экономики с темпами роста ВВП на уровне более 2,5 %. По словам Председателя Правительства РФ М.В. Мишустина, реализация общенационального плана действий позволит «не только переломить ситуацию, сложившуюся в результате распространения новой коронавирусной инфекции, но и приступить к проведению долгосрочных структурных изменений в экономике» [3].

Безусловно, принятые антикризисные меры не могли обойти стороной и налоговую политику, которая претерпевает ощутимые трансформации в свете кризисных явлений. В условиях непредотвратимых сложившихся обстоятельств в связи с распространением COVID-19 налоговая нагрузка становится все более тяжелой для экономических субъектов, которые ожидают от государства адекватных мер поддержки. В связи с вводимыми мерами появился ряд нормативных актов федерального и регионального уровней и поправок в Налоговый кодекс РФ. Антикризисные налоговые меры бизнеса в России сводятся к следующим основным направлениям:

1. Отсрочки уплаты налогов для юридических лиц и предпринимателей в связи с коронавирусом на основе Постановления Правительства РФ от 02.04.2020 № 409. Данные отсрочки по уплате налогов предусмотрены для:

- субъектов малого и среднего бизнеса тех отраслей, которые наиболее пострадали из-за пандемии (авиаперевозки, организация досуга, гостиничный бизнес, общественное питание и другие отрасли из утвержденного перечня) сроком от 3 до 6 месяцев (исключение составляет НДС), в том числе авансовые платежи по налогу на имущество организаций сдвинуты на полгода;

- микропредприятий (из числа пострадавших отраслей) предусмотрена отсрочка платежа по страховым взносам в фонды на 6 месяцев;

- предприятий, производящих продукцию (работы, услуги), имеющую стратегическое назначение предприятий, оказывающих значительное влияние на развитие экономики страны, а также градообразующих предприятий в соответствии с отдельными решениями Правительства РФ.

Получить отсрочку по уплате налогов можно, если выручка снизилась на 10 %, а также получен убыток за 2020 г. (по налогу на прибыль).

Как видим, на отсрочки по уплате налогов (не более 6 месяцев) могут претендовать субъекты малого и среднего предпринимательства, компании из довольно узкого спектра наиболее пострадавших отраслей экономики. Остальные налогоплательщики не могут воспользоваться отсрочкой по уплате налогов. Данная мера налоговой поддержки действовала до 30 ноября 2020 г.

2. Снижение ставок налогов и взносов для следующих категорий налогоплательщиков:

- малые и средние предприятия, выплачивающие заработную плату, могут снизить тариф по страховым взносам с 30 до 15% на ту часть заработной платы, которая превышает минимальный размер оплаты труда;

- субъекты, применяющие упрощенную систему налогообложения, по решению региональных властей могут снизить ставки единого налога (до 1% вместо 6% при налогообложении доходов и до 5% вместо 15% при налогообложении доходов за минусом расходов);

- субъекты, осуществляющие ввоз медицинских товаров для борьбы с коронавирусной инфекцией, освобождаются от уплаты НДС.

Как видно, меры поддержки, предусматривающие снижение налогов, касаются в основном малого и среднего бизнеса, применяющего специальные налоговые режимы. Отсутствуют меры в адрес предпринимателей на патентной системе налогообложения, самозанятых граждан. Для предприятий, не относящихся к субъектам малого и среднего бизнеса, возможность снижения налоговых ставок отсутствует [4].

В отличие от отсрочки уплаты налогов, в 2021 г. продолжали действовать льготы по страховым взносам и другим налогам, введенные в связи с коронавирусом [5]:

- для субъектов малого и среднего предпринимательства продолжают действовать пониженные ставки страховых взносов;

- для резидентов особых экономических зон, создаваемых для решения задач социального и экономического развития государства (регионов, отраслей), предусмотрено снижение страховых взносов в фонды;

- для компаний, работающих в IT-отрасли (производителей электроники), предоставлены льготы по НДС, налогу на прибыль организаций, снижены страховые платежи в социальные фонды;

- для индивидуальных предпринимателей действуют пониженные тарифы по страховым взносам «за себя».

3. Предоставление налоговых преференций против встречной взаимопомощи бизнеса. Примером такой государственной поддержки можно назвать предоставление торговым центрам отсрочки по уплате налогов (исключение составляет НДС) и страховых взносов на 6 месяцев (кроме НДС) в целях поддержки арендаторов – субъектов малого и среднего бизнеса.

4. Введение мораториев на налоговые проверки и прочие меры налогового администрирования. Приказом ФНС России от 20.03.2020 № ЕД-7-2/181@ установлены некоторые послабления в области налогового контроля (налогового администрирования) [6]:

- продление срока предоставления налоговой отчетности;

- приостановление мероприятий, направленных на принудительное взыскание задолженности с субъектов малого и среднего бизнеса, а также организаций, попавших в перечень наиболее пострадавших отраслей;

- приостановление выездных налоговых проверок, как начатых, так и вновь запланированных, в том числе в области трансфертного ценообразования;

- временная отмена вынесения решений относительно приостановления хозяйственных операций по банковским счетам предприятий в связи с непредставлением налоговых деклараций;

- увеличение периода подачи документов, запрашиваемых налоговыми органами, и другие меры.

Различные исследователи активно обсуждают преимущества и недостатки налоговых антикризисных мер. Оценивая положительные стороны налоговой поддержки, можно сказать, что послабления в части сроков и размеров уплаты налоговой задолженности способствовали высвобождению денежных средств у хозяйствующих субъектов, которые они могли направить в текущую деятельность (оплата закупаемых товаров, заработная плата и т.п.). Как отмечает Д.В. Манушин, «ведение такой антикризисной меры, как снижение страховых взносов с 30 до 15%, создает предпосылки к развитию малого и среднего предпринимательства, так как оставляет деньги в руках предпринимателя и позволяет ему самому решать, что и в каком объеме развивать, снижая при этом вероятность выплаты “серой” зарплаты» [7, с. 698].

По мнению других исследователей, применение антикризисных налоговых льгот не показало желаемой эффективности, так как значительное число предприятий продолжает закрываться, а оставшиеся предприятия – накапливать налоговые задолженности. Налоговые меры государственной поддержки предприятий и организаций привели к сокращению объемов поступ-

лений налогов и сборов в доходы бюджета. Так, налоговые доходы государственного бюджета РФ в 2020 г. по сравнению с 2019 г. сократились приблизительно на 17 %. Как отмечает директор Центра налоговой политики Московского государственного университета К. Никитин, «снижение ставок страховых взносов для малого и среднего бизнеса до 15% создает ситуацию, при которой пенсии для сотрудников малых и средних предприятий будут формироваться за счет сотрудников крупного бизнеса» [8].

В целях поддержания бизнеса в период пандемии Российским правительством были приняты оперативные меры с учетом имеющихся наработок и успешных практик. Однако ряд налоговых мер, которые успешно используются в других странах и освещаются в литературе российскими учеными, в России задействованы не были. К таким мерам, в частности, относятся:

1. Снижение нагрузки по НДС. Как отмечает Е.С. Вылкова, имея успешные наработки по эффективному сбору данного налога в последние годы в результате внедрения автоматизированной информационной системы АИС-НДС, возможно рассмотрение вариантов снижения ставки этого косвенного налога и введение в действие других преференций [9, с. 55].

2. Предоставление налоговых льгот (отмена, снижение ставки налога, отсрочка платежа) по налогу на доходы физических лиц для отдельных категорий граждан. В условиях пандемии коронавируса это прежде всего касается медицинских работников и работников наиболее пострадавших отраслей. Н.П. Киргизова и В.В. Дурынин предлагают снижение НДФЛ до 10 % для членов многодетных семей и в течение ближайших 5 лет обложить россиян в возрасте свыше 30 лет НДФЛ по ставке 15 % в случае бездетности и 14 % – при наличии одного ребенка в семье [10, с. 37].

3. Полное освобождение от налоговых и страховых обязательств субъектов МСП на период пандемии [11, с. 192].

4. Продление отсрочки по уплате налогов и страховых сборов до 2021 г. Данные меры предлагались такими исследователями, как Н.П. Киргизова, В.В. Дурынин, Н.С. Грачев [12, с. 20].

5. Оптимизация налоговой политики за счет «обнуления» (списания) налога на прибыль, НДС, НДФЛ и страховых взносов, поддержание частичного ухода бизнеса в онлайн. Сторонником данной меры государственной налоговой поддержки является Б.А. Биняминов [13, с. 212].

Важное значение в условиях ограничительных мер из-за пандемии коронавируса имеет дальнейшее развитие цифровизации налоговой системы, что, с одной стороны, обеспечит возможность более быстрого реагирования на изменения, происходящие во внешней и внутренней среде, а с другой – осуществлять новации в налоговом администрировании.

Заключение

Налоговая политика является важным инструментом противодействия экономическим угрозам коронавирусной инфекции. Антикризисные налоговые меры для бизнеса в России включают: отсрочку по уплате налогов и сбо-

ров, снижение налоговых ставок, предоставление налоговых преференций, введение мораториев на налоговые проверки и прочие меры налогового администрирования. Указанные налоговые льготы дают возможность бизнесу удержаться на рынке, позволяют сохранять дефицитные финансовые ресурсы и выиграть время для приспособления к новым экономическим условиям, формируемым на фоне пандемии коронавирусной инфекции. Россия должна вынести «уроки кризиса» с тем, чтобы впоследствии выработать эффективные меры налоговой политики в период восстановления экономики после пандемии и во время ее стабильности. Необходимо определить сценарии дальнейшего реформирования российской налоговой системы, базируясь на собственном успешном опыте и опыте других стран, в целях эффективного преодоления вызовов настоящего исторического момента.

Список источников

1. Мировой ВВП сократился на 4,3% из-за пандемии. URL: <https://news.rambler.ru/world/45676808-mirovoy-vvp-sokratilsya-na-4-3-iz-za-pandemii/> (дата обращения: 23.03.2021).
2. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667/ (дата обращения: 23.03.2021).
3. Правительство разработало план восстановления экономики и доходов россиян. URL: <https://www.rbc.ru/economics/> (дата обращения: 23.03.2021).
4. Артюх А. Антикризисные налоговые меры в России: поддержка или фикция? URL: https://zakon.ru/blog/2020/04/07/antikrizisnye_nalogovye_mery_v_rossii_podderzhka_ili_fiksiya (дата обращения: 22.03.2021).
5. Костакова Е. Льготы по страховым взносам в связи с коронавирусом в 2021 году. URL: <https://www.rnk.ru/article/217625-lgoty-po-strahovym-vznosam-v-svyazi-s-koronavirusom-v-2021-godu> (дата обращения: 24.03.2021).
6. Приказ ФНС России от 20.03.2020 № ЕД-7-2/181@ (ред. от 09.07.2020) «О принятии в рамках осуществления контроля и надзора неотложных мер в целях предупреждения возникновения и распространения коронавирусной инфекции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348154/ (дата обращения: 22.03.2021).
7. Манушин Д.В. Оценка и совершенствование антикризисных планов в России и мире в условиях пандемии COVID-19. Специфика управления кризисом в государстве // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 697–732.
8. Прокофьев А. Что думают эксперты об антикризисном плане правительства // ПОЛИТ.РУ. 08.06.2020. URL: <https://polit.ru/article/2020/06/08/expplan/> (дата обращения: 25.03.2021).
9. Вылкова Е.С. Поддержка экономических субъектов налоговыми способами и методами в зарубежных странах и РФ в условиях коронавируса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26, № 5. С. 54–64.
10. Киргизова Н.П., Дурьнин В.В. Выбор стратегии выживания компании после пандемии // Столыпинский вестник. 2020. № 2. С. 36–45.
11. Маркина А.Н. Государственное регулирование экономики в условиях борьбы с COVID-19 // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 6. С. 191–194.
12. Грачев Н.С. Налоговые льготы как инструмент стимулирования экономической деятельности в период пандемии COVID-19 // Перо науки. 2020. № 22. С. 19–23.

13. Биняминов Б.А. Тренды и перспективы «ухода» бизнеса в режим onlain: анти-кризисная мера для российского предпринимательства // *Modern Economy Success*. 2020. № 2. С. 211–217.

References

1. Rambler. (2021) *Mirovoy VVP sokratilsya na 4,3% iz-za pandemii* [GDP shrank by 4.3% due to the pandemic]. [Online] Available from: <https://news.rambler.ru/world/45676808-mirovoy-vvp-sokratilsya-na-4-3-iz-za-pandemii> (Accessed: 23.03.2021).
2. Consultant Plus. (2020) *National Action Plan ensuring the restoration of employment and income of the population, economic growth and long-term structural changes in the Economy (approved by the Government of the Russian Federation on September 23, 2020, Protocol No. 36, Section VII) (No. P13-60855 of 02.10.2020)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333667 (Accessed: 23.03.2021). (In Russian).
3. RBK. (n.d.) *Pravitel'stvo razrabotalo plan vosstanovleniya ekonomiki i dokhodov rossiyan* [The government has developed a plan to restore the economy and incomes of Russians]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/> (Accessed: 23.03.2021).
4. Artyukh, A. (2020) Antikrizisnye nalogovye mery v Rossii: podderzhka ili fiktsiya? [Anti-crisis tax measures in Russia: support or fiction?]. *Zakon.ru*. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2020/04/07/antikrizisnye_nalogovye_mery_v_rossii_podderzhka_ili_fiksiya (Accessed: 22.03.2021).
5. Kostakova, E. (2021) *L'goty po strakhovym vzosam v svyazi s koronavirusom v 2021 godu* [Benefits for insurance premiums due to coronavirus in 2021]. *Rossiyskiy nalogovyy kur'er*. [Online] Available from: <https://www.rnk.ru/article/217625-lgoty-po-strahovym-vzosam-v-svyazi-s-koronavirusom-v-2021-godu> (Accessed: 24.03.2021).
6. Consultant Plus. (2020) *Order of the Federal Tax Service of Russia No. ED-7-2/181@ of March 03, 2020 (edition of July 09, 2020) "On taking urgent measures within the framework of control and supervision in order to prevent the occurrence and spread of coronavirus infection"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348154 (Accessed: 22.03.2021). (In Russian).
7. Manushin, D.V. (2020) Evaluating and improving the anti-crisis plans in Russia and worldwide under covid-19 pandemics. Specific features of crisis management in the state. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava – Actual Problems of Economics and Law*. 4 (14). pp. 697–732. (In Russian). DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732
8. Prokof'ev, A. (2020) Chto dumayut eksperty ob antikrizisnom plane pravitel'stva [What experts think about the government's anti-crisis plan]. *POLIT.RU*. [Online] Available from: <https://polit.ru/article/2020/06/08/expplan> (Accessed: 25.03.2021).
9. Vylkova, E.S. (2020) Support of economic entities by tax ways and methods in foreign countries and the Russian Federation in the conditions of coronavirus. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Transbaikal State University Journal*. 5 (26). pp. 54–64. (In Russian). DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-5-54-64
10. Kirgizova, N.P. & Durynin, V.V. (2020) Choosing a strategy for companies' survival after the pandemic. *Stolypinskiy vestnik – Stolypin Annals*. 2. pp. 36–45. (In Russian).
11. Markina, A.N. (2020) State regulation of the economy in the conditions of the fight with COVID-19. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika – Economy and Business: Theory and Practice*. 6. pp. 191–194. (In Russian). DOI: 10.24411/2411-0450-2020-10557
12. Grachev, N.S. (2020) Tax benefits as an instrument for stimulating economic activities during the COVID-19 pandemic. *Pero nauki*. 22. pp. 19–23. (In Russian).
13. Binyaminov, B.A. (2020) Trends and prospects of “going” business online: an anti-crisis measure for Russian entrepreneurship. *Modern Economy Success*. 2. pp. 211–217. (In Russian).

Сведения об авторах:

Агзамова А.В. — магистрант кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: alinaagzamova@gmail.com

Заборовская А.Е. — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, денежного обращения и кредита, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: zaborovskaya.alena@bk.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Agzamova, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. E-mail: alinaagzamova@gmail.com

A.E. Zaborovskaya, Cand. Sci. (Economics), Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. E-mail: zaborovskaya.alena@bk.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 657.6
doi: 10.17223/19988648/57/9

Оценка рисков в риск-ориентированных проверках подразделениями внутреннего аудита

Тарас Анатольевич Земцов¹, Максим Александрович Сорокин²

¹ ООО «Газпром трансгаз Томск», Томск, Россия, zetaan@mail.ru

² ООО «НалогИнфо», Томск, Россия, raiytchne@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена объединению принципов менеджмента риска с целями внутреннего аудита и раскрытию понятий менеджмента риска.

В настоящей статье определена наиболее весомая причина, препятствующая внедрению в российскую практику внутреннего аудита принципов менеджмента риска. Раскрыта скоррелированность элементов риска, достаточных для идентификации рисков и оценки уровня риска, проводимых в рамках осуществления внутреннего аудита с применением риск-ориентированного подхода. На основе анализа сущности каждого из элементов риска (источник риска, событие, последствие) определена их обособленная роль в оценке вероятности реализации риска и значимости последствий, определении необходимости разработки мероприятий по управлению рисками.

Используя практический опыт, авторами предлагается алгоритм оценки уровня риска, проводимой в рамках осуществления внутреннего аудита. Рассмотрены возможные качественные и количественные характеристики определения вероятности и существенности риска. В рамках установления средней вероятности наступления негативных последствий определены конкретные критерии оценки вероятности наступления событий на основе истории наступления аналогичных событий и прогнозной оценки вероятности наступления аналогичных событий. Представлены примеры определения вероятности для каждого события в составе группы событий и определения вероятности наступления последствий в нескольких группах событий.

Определены критерии метода оценки вероятности реализации риска путем установления совокупности событий, при одновременном наступлении которых реализуется риск. Приведены примеры финансовых и нефинансовых последствий, критерии их оценки.

Для установления элементов риска при проведении внутренних аудиторских проверок раскрыта сущность аналитических процедур, осуществляемых с использованием дедуктивного и индуктивного методов.

В настоящее время крупными российскими компаниями делаются определенные шаги по внедрению в реализуемые бизнес-процессы принципов индустрии 4.0. Данная тенденция коснулась и внутреннего аудита, например, внедряются принципы непрерывного аудита и автоматизированного анализа баз данных. Но зачастую при внедрении не учитывается главное условие, рассмотренное в настоящей статье, без соблюдения которого попытки внедрения приведут только к нерациональному использованию ресурсов Организаций.

Ключевые слова: источник риска, событие, последствие реализации риска, существенные риски, экстраполяция, уровень риска

Для цитирования: Земцов Т.А., Сорокин М.А. Оценка рисков в риск-ориентированных проверках подразделениями внутреннего аудита // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 129–144. doi: 10.17223/19988648/57/9

Original article

Risk assessment in risk-oriented audits by internal audit units

Taras A. Zemtsov¹, Maksim A. Sorokin²

¹ *Gazprom Transgaz Tomsk, Tomsk, Russia, zetaan@mail.ru*

² *NalogInfo, Tomsk, Russia, paitychne@mail.ru*

Abstract. The article combines the principles of risk management with the objectives of internal audit, defines and clarifies the concepts of risk management. Undoubtedly, external audit has a great influence on the formation of internal audit. This influence has both positive qualities, such as the use of the experience of highly qualified specialists from external audit, and a negative impact, due to the fact that external audit is primarily aimed at the confirmation of the financial statements of an organization, but in general does not consider business processes implemented in organizations, their effectiveness and adequacy to achieve organizations' objectives, risks inherent in business processes. The article identifies the most important reason preventing the implementation of risk management principles in the Russian internal audit practice. The correlation of risk elements, which are sufficient for risk identification and risk level assessment within internal audit using a risk-oriented approach, has been disclosed. Based on the analysis of the essence of each risk element (risk source, event, consequence), their isolated role in assessing the likelihood of risk realization and the significance of the consequences, determining the necessity of risk management measures, has been determined. Using practical experience, the authors propose an algorithm of risk level assessment carried out within internal audit implementation. Possible qualitative and quantitative characteristics of determination of risk probability and materiality are considered. As part of the determination of the average likelihood of negative consequences' occurrence, specific criteria of event likelihood assessment based on the history of similar events' occurrence and the forecast assessment of likelihood of similar events' occurrence are identified. Examples of determining the likelihood for each event within a group of events and the likelihood of occurrence of consequences in several groups of events are presented. Criteria for assessing the likelihood of risk realization are determined by establishing the set of events, whose simultaneous occurrence realizes the risk. Examples of financial and non-financial consequences and criteria for their assessment are given. In order to determine the elements of risk during internal audits, the essence of analytical procedures performed with the use of deductive and inductive methods is disclosed. At present, large Russian companies are taking certain steps to implement the principles of Industry 4.0 in their business processes. This trend has not passed unnoticed for internal audit; for example, principles of continuous audit and automated analysis of databases are being implemented. However, the implementation often ignores the main condition that this article discusses; without it implementation attempts will only lead to an irrational use of organizational resources.

Keywords: risk source, risk event, consequences of risk implementation, significant risks, extrapolation, risk level

For citation: Zemtsov, T.A. & Sorokin, M.A. (2022) Risk assessment in risk-oriented audits by internal audit units. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 129–144. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/9

В настоящее время принципы менеджмента риска признаются в мировом сообществе и России передовыми для ведения деятельности организаций. Данные принципы раскрыты в международных стандартах, а также в национальных стандартах РФ [1–3]. Но существуют проблемы перевода англоязычных международных стандартов, изученные в научных работах российских специалистов [4]. К таким проблемам при переводе международных стандартов могут относиться: неточности перевода, включение в текст «собственных» дополнительных положений и (или) исключение из текста положений оригинала, неполный и (или) неточный смысловой перевод или перевод, противоречащий положениям оригинала. Также они не содержат конкретных критериев для принятия решения по анализу риска и указаний по применению методов анализа риска в конкретной ситуации. Данные проблемы существенно затрудняют практическое внедрение принципов менеджмента риска организациями в свою деятельность и тем более их использование при проведении внешних и внутренних аудитов.

В РФ действуют международные стандарты аудита, но данные стандарты регулируют деятельность аудиторских организаций при проведении внешних аудитов, основной целью которых является только выражение мнения о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности организации [5].

Более детально сущность риска рассмотрена в нормативных документах органов исполнительной власти [6, 7], но данные нормативные документы в первую очередь направлены на обеспечение предотвращения или выявления отклонений от установленных правил и процедур, а также искажений данных бухгалтерского учета, бухгалтерской (финансовой) и иной отчетности.

В настоящее время некоммерческим партнерством «Институт внутренних аудиторов», объединяющим внутренних аудиторов в РФ, переведены и применяются международные стандарты внутреннего аудита, в которых изложены только основные правила организации подразделения внутреннего аудита, методологические основы осуществления внутреннего аудита и вопросы обеспечения качества его работы.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в России отсутствуют нормативные и иные документы, позволяющие наиболее эффективно проводить внутренний аудит с применением риск-ориентированного подхода.

При проведении внутренних аудиторских проверок риски устанавливаются внутренними аудиторами исходя из организации объектом провер-

ки бизнес-процесса и на основе данных об их фактической реализации в организации или во внешней среде.

Согласно п. 3.5.1 ГОСТ Р 51897-2011 для идентификации риска необходимо описать четыре элемента риска (источники риска, события, их причины и возможные последствия).

По нашему мнению, при проведении аудиторских проверок в целях точной оценки уровня выявленного риска, разработки полных и достаточных мероприятий по управлению рисками можно установить три элемента риска: источник риска, событие и последствие.

Скоррелированность элементов рисков при идентификации рисков представлена на рис. 1.

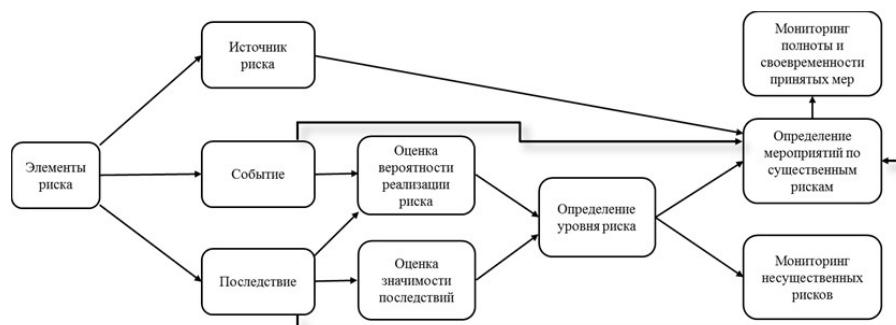

Рис. 1. Схема коррелированности элементов рисков при идентификации рисков

Выявление всех трех элементов риска обязательно для эффективного управления рисками, позволяет произвести оценку риска, определить мероприятия по управлению рисками, владельцев рисков и распределить между ними роли по управлению рисками.

Рассмотрим более подробно каждый из элементов риска и их коррелированность при идентификации рисков.

Согласно п. 3.5.1.2 ГОСТ Р 51897-2011 источником риска является объект или деятельность, которые самостоятельно или в комбинации с другими обладают возможностью вызывать повышение риска. Источник риска может быть материальным или нематериальным.

Проанализировав сущность данного элемента риска и его коррелированность с другими, мы пришли к выводу, что более точным в целях проведения аудита будет следующее определение: Источник риска – событие, которое возникло при осуществлении деятельности организации и являющееся причиной возникновения одного или нескольких событий, или цепочки взаимосвязанных событий в одном или нескольких бизнес-процессах.

На основе анализа результатов аудиторских проверок и идентификации выявленных рисков выделяются типичные источники рисков, представленные в табл. 1.

Таблица 1. Типичные источники риска

1	Отсутствие регламентации контрольной процедуры
2	Отсутствие детальной регламентации процесса/бизнес-процесса
3	Противоречия между локальными нормативными документами
4	Несоответствие локальных нормативных документов законодательству РФ, нормативным документам головной организации
5	Несоответствие штатной структуры масштабам деятельности
6	Недобросовестные действия сотрудников
7	Дублирование функций
8	Неэффективное распределение обязанностей, в т.ч. отсутствие дублеров
9	Допущение к работам и операциям исполнителей несоответствующей квалификации

Установление источников риска, действительно влияющих на возникновение и реализацию событий, и определение оптимальных мероприятий по реагированию на риск в зависимости от установленных источников риска является одной из основных задач, решаемых при проведении риск-ориентированной проверки.

Решение даже всех промежуточных проблем, без воздействия на источник риска, приведет к повторным сбоям в бизнес-процессе(-ах).

Вторым рассматриваемым нами элементом риска является событие.

Согласно п. 3.5.1.3 ГОСТ Р 51897-2011 «Событие: возникновение или изменение специфического набора условий».

Примечание 1. Событие может быть единичным или многократным и может иметь несколько причин.

Примечание 2. Событие может быть определенным или неопределенным.

Примечание 3. Событие может быть названо терминами «инцидент», «опасное событие» или «несчастный случай».

Примечание 4. Событие без последствий может также быть названо терминами «угроза возникновения опасного события», «угроза инцидента», «угроза поражения» или «угроза возникновения аварийной ситуации».

Проанализировав сущность данного элемента риска и его скоррелированность с другими, мы пришли к выводу, что более точным в целях проведения аудита будет следующее определение: событие – событие, которое возникло на момент проверки или может возникнуть при реализации бизнес-процесса, наступление которого может привести к возникновению нескольких событий в одном или нескольких бизнес-процессах, к реализации Риска или увеличению вероятности возникновения последствий.

Событием являются:

- невыполнение контрольной процедуры или отсутствие в регламентирующих документах организации контрольной процедуры, необходимой для достижения целей бизнес-процесса;

- негативное событие, возникшее в результате невыполнения или отсутствия контрольной процедуры.

Событие может оказать несколько воздействий различной значимости, повлиять на достижение нескольких целей [8, 9].

Исходя из этого, в ходе проверок при анализе выявленных событий и определении их скоррелированности с другими элементами риска следует учитывать следующее:

- одно событие может быть следствием нескольких не взаимосвязанных Источников риска, находящихся в зоне деятельности одного или нескольких бизнес-процессов;
- каждое событие может привести к возникновению нескольких Событий в одном или нескольких бизнес-процессах;
- одно событие может привести к реализации нескольких последствий в одном или нескольких бизнес-процессах;
- одно событие может входить в состав различных групп событий;
- группа событий может состоять как из нескольких событий, одновременное наступление которых однозначно приведет к реализации риска, так и из одного события.

По каждому выявленному событию устанавливается наличие достаточной системы контрольных процедур, способствующих исключению (снижению) вероятности наступления событий и предотвращению (смягчению) негативных последствий, возникающих вследствие реализации события.

Вероятность реализации риска на основании анализа событий оценивается следующими методами, не описываемыми стандартами:

- установление средней вероятности наступления события;
- установление совокупности событий, при одновременном наступлении которых реализуется риск.

Метод оценки средней вероятности наступления события является более точным по сравнению со вторым рассматриваемым методом оценки – вероятностью реализации риска, но одновременно является и более трудозатратным. Данный метод заключается в следующем. Аудиторами определяется группа событий, контролируемых (в отношении которых организация имеет соответствующий комплекс контрольных процедур) и не контролируемых организацией. Не контролируемые организацией события включают в группу, если влияние их на реализацию риска может быть признано существенным и вероятность наступления события очень высока в течение ближайших 6 месяцев или имела место в предшествующие 6 месяцев, или наступление события очень распространено во внешней среде.

Оценка вероятности наступления каждого события в составе группы осуществляется в соответствии с критериями табл. 2.

Для оценки средней вероятности определяется среднеарифметический показатель от всех определенных значений вероятности наступления событий. Пример оценки средней вероятности представлен на рис. 2.

При выявлении нескольких групп событий по каждой из групп определяется событие с минимальным показателем вероятности его наступления. Данное значение будет представлять собой степень вероятности наступления негативных последствий для группы в целом. Пример определения вероятности наступления негативных последствий для группы событий представлен на рис. 3.

Таблица 2. Критерии оценки вероятности наступления события

Вероятность реализации риска	Критерии оценки	
	История наступления аналогичных событий (при наличии достоверной информации)	Прогнозная оценка вероятности (при отсутствии достоверной информации)
Минимальная (до 10,00%)	Событие не наступало в прошлом	Скорее всего, не произойдет, или произойдет реже чем 1 раз в 10 лет
Низкая (10,01–20,00%)	Событие редко наступало в течение последних 5 лет	Возможно, произойдет с частотой не чаще чем 1 раз в 6 лет и не реже чем 1 раз в 10 лет
Средняя (или 20,01–40,00%)	Событие редко наступало в течение последних 2 лет	Вероятно, произойдет с частотой не чаще чем 1 раз в 2 года и не реже чем 1 раз в 3 года
Существенная (или 40,01–75,00%)	Событие периодически наступало в течение последних 2 лет	Возможно, произойдет с частотой не чаще чем 1 раз в 1 год и не реже чем 1 раз в 2 года
Высокая (или 75,01% и выше)	Событие периодически наступало в течение последних 12 месяцев	Очень вероятно произойдет в течение 12 месяцев

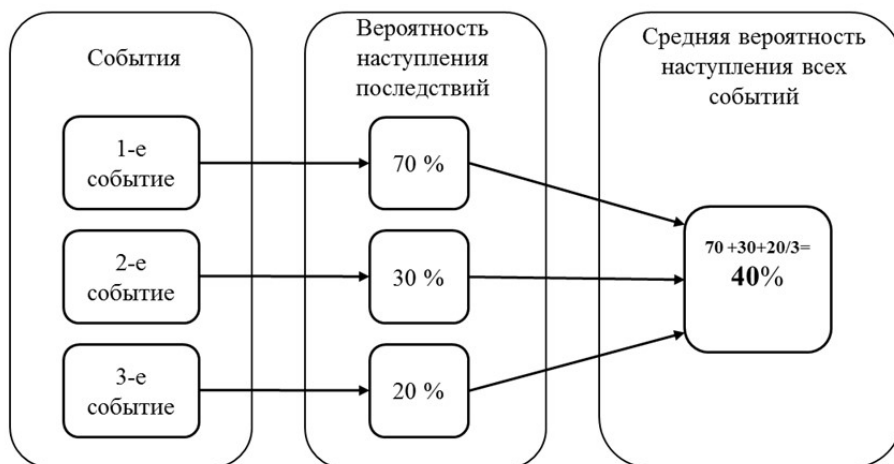

Рис. 2. Пример оценки средней вероятности наступления негативных последствий в целом для риска

По результатам оценки выбирают группу с наиболее высоким показателем вероятности, которая и будет представлять собой *среднюю вероятность* наступления негативных последствий для групп событий в целом. Пример определения вероятности наступления негативных последствий для групп событий представлен на рис. 4.

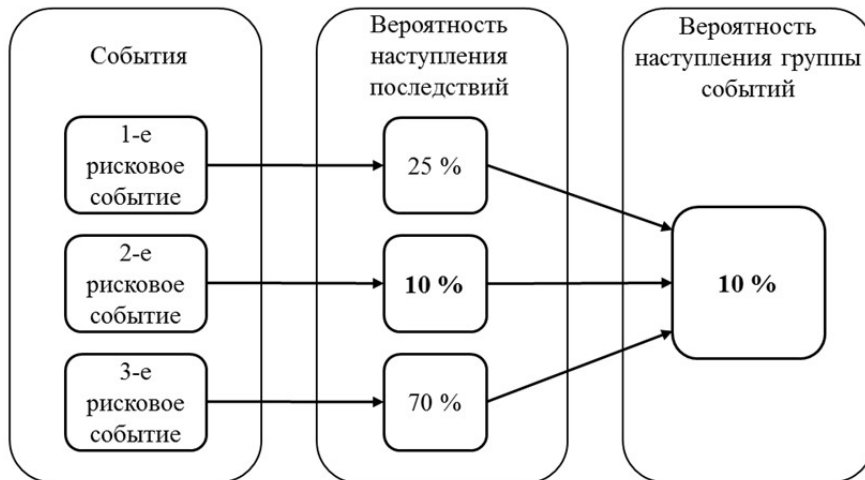

Рис. 3. Пример определения вероятности наступления негативных последствий для группы Событий

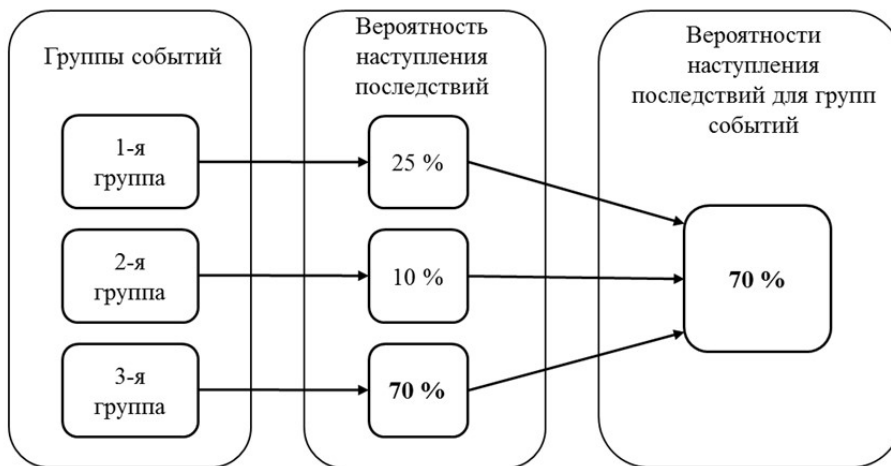

Рис. 4. Пример определения вероятности наступления негативных последствий для групп Событий

Определение вероятности реализации риска путем установления совокупности событий, при одновременном наступлении которых реализуется риск, осуществляется в соответствии с критериями табл. 3.

Рассматриваемый метод менее точный, чем первый, но позволяет с наименьшими трудозатратами провести оценку вероятности реализации риска и детально раскрыть механизм реализации риска и причинно-следственную связь между элементами риска.

Таблица 3. Критерии оценки вероятности реализации риска

Вероятность реализации риска	Критерии оценки
Минимальная (до 10,00%)	Реализация риска возможна при одновременном и последовательном наступлении более 4 событий
Низкая (10,00–20,00%)	Реализация риска при одновременном и последовательном наступлении 4 событий
Средняя (20,01–40,00%)	Реализация риска при одновременном и последовательном наступлении 3 событий
Существенная (40,01–75,00%)	Реализация риска при одновременном и последовательном наступлении 2 событий
Высокая (75,01% и выше)	Реализация риска зависит только от выявления факта нарушения надзорными и контролирующими органами либо с высокой долей уверенности может привести к ним в течение ближайших 2 календарных кварталов

Следующим элементом риска является последствие.

Согласно п. 3.6.1.3 ГОСТ Р 51897-2011 «Последствие: результат воздействия события на объект.

Примечание 1 – Результатом воздействия события может быть одно или несколько последствий.

Примечание 2 – Последствия могут быть определенными или неопределенными, могут быть ранжированы от позитивных до негативных.

Примечание 3 – Последствия могут быть выражены качественно или количественно.

Примечание 4 – Первоначальные последствия могут вызвать эскалацию дальнейших последствий по принципу “домино”».

Проанализировав сущность данного элемента риска и его скоррелированность с другими, мы пришли к выводу, что более точным в целях проведения аудита будет следующее определение: последствие – это финансовые и нефинансовые выгоды или потери организации в количественном или качественном выражении.

В связи с тем, что в ходе внутренних аудиторских проверок наиболее часто выявляются негативные события, рассмотрим в настоящей статье именно негативные последствия. Укрупненными видами негативных последствий являются финансовые и нефинансовые потери.

Финансовые потери представляют собой количественно измеримые расходы / убытки / недополученные доходы, такие как:

- снижение размера капитала организации;
- убытки, списания за счет расходов, прибыли или сформированных резервов;
- утрата актива, снижение его стоимости, ущерб физическим активам, потеря потребительских качеств физических активов;
- штрафы, пени;
- компенсации, неустойки контрагентам;
- судебные издержки, выплаты по решению суда;

- дополнительные затраты на создание/ увеличение резервов, восстановление нормальной деятельности подразделений и процессов, устранение последствий ошибок, аварий, стихийных бедствий и пр.;
- недополученный доход, незапланированное снижение доходов, тенденция к увеличению расходов;
- прочие незапланированные расходы и убытки в явном виде.

Финансовые потери различного характера суммируются при определении уровня риска.

В связи с тем, что аудиторские проверки осуществляются выборочным способом, при оценке величины финансовых потерь от реализации риска необходимо осуществлять экстраполяцию результатов проверки на основании информации о проверенной генеральной совокупности.

Нефинансовые потери представляют собой трудноизмеримые и (или) труднопрогнозируемые в денежном выражении потери организации, но легко оцениваемые с помощью качественных оценок, определенных в организации.

Как правило, нефинансовые потери при продолжительном действии события имеют свойство реализовываться в финансовые потери при отсутствии корректирующих мероприятий.

К нефинансовым потерям относятся:

- репутационный ущерб – к данной категории потерь можно отнести снижение рейтинговых оценок, репутационные издержки для организации и акционера, негативную информацию в средствах массовой информации, утрату ключевых контрагентов и пр.;
- санкции надзорных и контролирующих органов;
- остановка, перерыв в деятельности – к данной категории потерь можно отнести остановку деятельности организации, отдельных структурных подразделений, перерыв в работе или остановку процессов, снижение темпов реализации и функционирования процессов.

Определение значимости финансовых и нефинансовых последствий реализации риска осуществляется в соответствии с критериями табл. 4.

В организациях, осуществляющих свою деятельность на опасных производственных объектах, целесообразно дополнительно разрабатывать критерии значимости нефинансовых последствий по таким показателям, как «угроза жизни и здоровью людей», «негативное влияние на окружающую среду».

Вероятность реализации риска на основании имеющейся из достоверных внутренних и внешних источников информации о наступлении негативных последствий в прошедших периодах оценивается по критериям, изложенным в табл. 5.

По результатам оценки значимости последствий и вероятности реализации риска производится оценка уровня риска с применением матрицы определения уровня риска (табл. 6).

Таблица 4. Критерии определения значимости последствий реализации риска

Очень низкий	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий
1. Финансовые последствия				
1.1. Прямые финансовые потери в % от стоимости актива/статьи отчетности/валюты баланса/лимита капитальных вложений/ вознаграждения Агента				
Менее 1%	1–3%	4–5%	6–10%	Более 10%
1.2. Прямые финансовые потери в абсолютных показателях				
Менее 5 млн руб.	5–10 млн руб.	10–30 млн руб.	30–50 млн руб.	Более 50 млн руб.
2. Нефинансовые последствия				
2.1. Репутационный ущерб				
Факты негативных сообщений в средствах массовой информации отсутствуют	Появление негативных сообщений в местных средствах массовой информации	Появление негативных сообщений в региональных средствах массовой информации	Появление негативных сообщений в федеральных средствах массовой информации	Появление негативных сообщений в международных средствах массовой информации
2.2. Санкции надзорных и контролирующих органов				
Нарушение нормативных актов при отсутствии (в т.ч. потенциально) мер воздействия со стороны надзорных и контролирующих органов	Потенциальное применение мер воздействия (вне зависимости от их ответственности) со стороны надзорных и контролирующих органов	Ограничение деятельности отдельного подразделения (филиала) организации	Ограничение деятельности отдельного бизнес-процесса организации	Ограничение деятельности организации
2.3. Остановка, перерыв (простой) в деятельности				
Единичные случаи перерывов в деятельности одного или нескольких структурных подразделений	Периодические перебои в деятельности обеспечивающих подразделений	Незапланированное снижение темпов и сокращение масштабов проведения отдельных процессов	Незапланированный перерыв (простой) в деятельности бизнес-процесса	Прекращение работы организации по основному направлению ключевого структурного подразделения

Таблица 5. Критерии оценки вероятности наступления негативных последствий

Вероятность реализации риска	История наступления негативных последствий (при наличии достоверной информации)
Минимальная (0–10,00%)	Негативные последствия не наступали в прошлом
Низкая (10,01–20,00%)	Негативные последствия редко наступали в течение последних 10 лет
Средняя (20,01–40,00%)	Негативные последствия редко наступали в течение последних 5 лет
Существенная (40,01–75,00%)	Негативные последствия эпизодически наступали в течение последних 2 лет при отсутствии изменений внутренних и внешних условий
Высокая (75,01–100,00%)	Негативные последствия периодически наступали в течение 12 месяцев

Таблица 6. Матрица определения уровня риска

Последствия (степень влияния реализации риска)	Вероятность реализации риска				
	Минимальная (10,00% и ниже)	Низкая (10,01–20,00%)	Средняя (20,01–40,00%)	Существенная (40,01–75,00%)	Высокая (75,01% и выше)
Очень высокие	Существенный	Существенный	Критический	Критический	Критический
Высокие	Существенный	Существенный	Существенный	Критический	Критический
Средние	Несущественный	Существенный	Существенный	Существенный	Критический
Низкие	Несущественный	Несущественный	Существенный	Существенный	Существенный
Очень низкие	Несущественный	Несущественный	Несущественный	Существенный	Существенный

В последнее время в крупных российских организациях прослеживается тенденция внедрения в деятельность внутреннего аудита принципов непрерывного аудита и индустрии 4.0 в виде автоматизированного анализа баз данных.

Для практической реализации данных принципов организациям необходимо в первую очередь обеспечивать отражение данных событий в учетных системах организации, не ограничиваясь системами, обеспечивающими осуществление бухгалтерского, управленческого и налогового учетов или реализуя в данных системах возможность отражения информации, необходимой для учета параметров событий, влекущих существенные риски. Подразделениям внутреннего аудита, в свою очередь, необходимо учетные события закладывать в алгоритмы автоматической проверки баз данных.

Для установления элементов риска при проведении аудиторских проверок осуществляются аналитические процедуры с использованием дедуктивного и индуктивного методов.

При дедуктивном методе целью в первую очередь служит обнаружение источников риска и только затем выявление событий, являющихся следствием источников риска и последующим определением возможных или наступивших негативных последствий. Пример применения дедуктивного метода представлен на рис. 5.

Рис. 5. Пример применения дедуктивного метода

Например, первоначально внутренними аудиторами изучаются и сопоставляются законодательство и регламентирующие документы организации для выявления несоответствий и противоречий, отсутствия регламентации

отдельных контрольных процедур. По результатам выявляют события путем проведения аудиторских процедур, определяют возможные или наступившие негативные последствия.

При индуктивном методе объект проверки изучается, постепенно переходя от частного к общему. Общие положения при этом основываются на многочисленных наблюдениях, локальных выводах, обобщениях.

В рамках риск-ориентированной проверки сущность данного метода заключается в первоначальном выявлении событий, наступивших негативных последствий и дальнейшем выявлении источников риска. Пример применения индуктивного метода представлен на рис. 6.

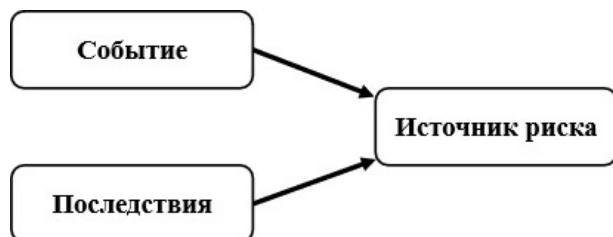

Рис. 6. Пример применения индуктивного метода

Например, рассмотрим ситуацию, когда аудиторами выявлено случайное уничтожение или повреждение в ходе строительства созданного контрагентом объекта (но на момент гибели не переданного заказчику (агенту) (1-е событие). Второе – у контрагента отсутствует финансовая возможность восстановить объект за счет собственных средств и возместить убытки заказчика (агента) (2-е событие). Вследствие этого заказчик (агент) не имеет возможности выполнить свои обязательства перед принципалом по реализации инвестиционного проекта в полном объеме и в установленные сроки. Следовательно, принципал на основе соответствующих положений агентского договора имеет право не выплачивать агентское вознаграждение (негативное последствие в размере невыплаченного агентского вознаграждения).

При анализе данной ситуации аудиторы могут выявить следующие источники риска:

- невыполнение заказчиком (агентом) условия агентского договора о том, что в договорах подряда, заключаемых заказчиком (агентом) с контрагентами, необходимо предусматривать условие об обязанности Контрагентов застраховать риск случайной гибели или случайного повреждения объекта до момента передачи принципалу результатов соответствующих работ;
- отсутствие контроля со стороны заказчика (агента) за исполнением контрагентом вышеуказанного условия договора подряда о страховании объекта.

Исходя из выявленных источников риска, аудиторы могут выявить дополнительные негативные последствия в виде предъявления принципалом предусмотренных условиями агентского договора требований об уплате

неустойки (штрафа) за необеспечение в договорах подряда обязательных условий по страхованию объектов строительства.

Следует отметить, что для выявления внутренними аудиторами риска возможно одновременное применение обоих методов, дедуктивного и индуктивного. Пример применения дедуктивного и индуктивного методов представлен на рис. 7.

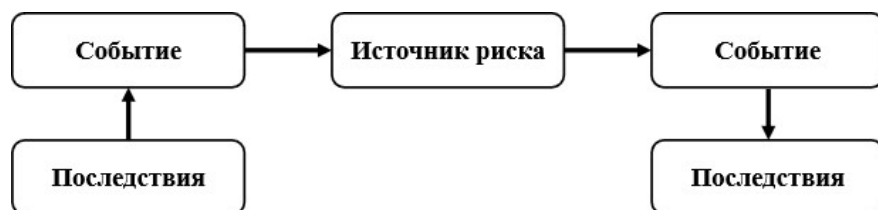

Рис. 7. Пример применения дедуктивного и индуктивного методов

Например, в ходе проверки аудиторы выявили использование неактуальной формы документа. Применяя индуктивный метод, внутренние аудиторы установили, что причиной данного недостатка являлось отсутствие ознакомления исполнителя с приказом, которым была актуализирована форма документа. В подобных ситуациях аудиторам необходимо дополнительно применить дедуктивный метод. Внутренними аудиторами за отправную точку берется отсутствие ознакомления исполнителя с приказом. Если приказ не только актуализировал форму документа, но и внес другие существенные изменения в процедуры бизнес-процесса, в которых задействован исполнитель, то внутреннему аудитору, применяя дедуктивный метод, необходимо проверить, каким образом реализуются данным исполнителем другие требования приказа, неисполнение которых может привести к возникновению иных рисков.

Список источников

1. *ГОСТ Р 51897-2011*. Руководство ИСО 73:2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Термины и определения: утв. приказом Росстандарта от 16.11.2011 № 548-ст // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».
2. *ГОСТ Р 58771-2019*. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Технологии оценки риска: утв. приказом Росстандарта от 17.12.2019 № 1405-ст // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».
3. *ГОСТ Р ИСО 31000-2019*. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Принципы и руководство: утв. приказом Росстандарта от 10.12.2019 № 1379-ст // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».
4. Дролова Е.Ю., Зайкова И.В., Мезенцева Э.А. Проблемы перевода англоязычных международных стандартов менеджмента качества // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. С. 255–259.
5. О введении в действие международных стандартов аудита на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов Министерства финансов Российской Федерации: приказ Минфина России от 09.01.2019 № 2н // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».

6. Организация и осуществление экономическим субъектом внутреннего контроля совершаемых фактов хозяйственной жизни, ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности: Информация Минфина России № ПЗ-11/2013 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».

7. Об утверждении требований к организации системы внутреннего контроля, а также форм и форматов документов, представляемых организациями при раскрытии информации о системе внутреннего контроля: утв. приказом ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7-23/518@ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант+».

8. Сорокин М.А., Земцов Т.А. Риск-ориентированный аудит : учеб.-метод. пособие. Томск : КФУ ИЭМ НИ ТГУ, 2019. 80 с.

9. Земцов Т.А., Сорокин М.А. Планирование внутренних риск ориентированных проверок // Аудит. 2019. № 5. С. 19–24.

References

1. Consultant Plus. (2011) *GOST R 51897-2011. ISO 73:2009 Manual. National Standard of the Russian Federation. Risk management. Terms and definitions: approved by the order of Rosstandart No. 548-st of November 16, 2011.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

2. Consultant Plus. (2019) *GOST R 58771-2019. National Standard of the Russian Federation. Risk management. Risk assessment technologies: approved by Rosstandart Order No. 1405-st of December 17, 2019.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

3. Consultant Plus. (2019) *GOST R ISO 31000-2019. National Standard of the Russian Federation. Risk management. Principles and Guidelines: approved by Rosstandart Order No. 1379-st of December 10, 2019.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

4. Drolova, E.Yu., Zaykova, I.V. & Mezentseva, E.A. (2015) Translation problems of English-language international quality management standards. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 4 (99). pp. 255–259. (In Russian).

5. Consultant Plus. (2019) *On the introduction of international auditing standards in the territory of the Russian Federation and on the invalidation of certain orders of the Ministry of Finance of the Russian Federation: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 2n of January 9, 2019.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

6. Consultant Plus. (2013) *Organization and implementation by an economic entity of internal control of the facts of economic life, accounting and preparation of accounting (financial) statements: Information of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. PZ-11/2013.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

7. Consultant Plus. (2021) *On approval of the requirements for the organization of the internal control system, as well as the forms and formats of documents submitted by organizations when disclosing information about the internal control system: approved by Order of the Federal Tax Service of Russia No. ED-7-23/518@ of June 25, 2021.* Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

8. Sorokin, M.A. & Zemtsov, T.A. (2019) *Risk-orientirovanny audit [Risk-Oriented Audit]*. Tomsk: Tomsk State University.

9. Zemtsov, T.A. & Sorokin, M.A. (2019) Planning internal risk oriented audits. *Audit*. 5. pp. 19–24. (In Russian).

Сведения об авторах:

Земцов Т.А. – консультант, ООО «Газпром трансгаз Томск» (Томск, Россия). E-mail: zetaan@mail.ru

Сорокин М.А. – аудитор, ООО «НалогИнфо» (Томск, Россия). E-mail: pai-ytchne@mail.ru

***Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.***

Information about the authors:

T.A. Zemtsov, Gazprom Transgaz Tomsk, Tomsk, Russia. E-mail: zetaan@mail.ru

M.A. Sorokin, NalogInfo, Tomsk, Russia. E-mail: paiytchne@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 336.6
doi: 10.17223/19988648/57/10

Страхование как инструмент снижения финансовых рисков, связанных с поствакцинальными осложнениями

**Марина Николаевна Степанова¹,
Майя Сергеевна Морозова²**

^{1, 2} Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

¹ emarina77@list.ru

² valkirya282000@yandex.ru

Аннотация. Участие населения в вакцинации с целью иммунопрофилактики инфекционных заболеваний влечет за собой не только риски причинения вреда здоровью, но и финансовые риски. Неблагоприятные финансовые последствия, связанные с иммунопрофилактикой, могут возникать в силу отказа от профилактических прививок и развития поствакцинальных проявлений и осложнений. На фоне очевидной проблемы несоответствия объема оказываемой гражданам государственной социальной поддержки возможным материальным последствиям, связываемым вакцинированным лицом или его бенефициарами с поствакцинальными осложнениями, актуализируется роль страхования в снижении соответствующих финансовых рисков. Авторами установлено, что страховые компании отечественного рынка предлагают объем финансового покрытия больший по размеру, чем это предусмотрено государственными гарантиями социального обеспечения вакцинированных. Однако имеющиеся на рынке предложения обладают рядом серьезных ограничений, препятствующих возможности иметь заинтересованным в нем лицам то содержание страховой защиты, которое соответствовало бы их ожиданиям. В настоящее время в страховой практике при формировании соответствующих программ используются одновременно такие формулировки, как «серьезные осложнения», «поствакцинальные реакции и осложнения», «осложнения, побочные действия и иное расстройство здоровья в результате вакцинации», «осложнения, возникшие после проведенной вакцинации», «состояния, возникшие с момента вакцинации», что заметно осложняет понимание потенциальным получателем страховых услуг условий страхования и затрудняет сопоставление содержания разных программ с целью формирования оптимального потребительского предпочтения. Каждая страховая компания наполняет их содержание своим смыслом так, что достаточно часто объем страхового покрытия не коррелируется с принятым в медицине перечнем побочных проявлений, возникающих после иммунизации. Допускается нарушение отраслевых стандартов в части объема раскрываемой информации, что ставит под сомнение качество оказываемых страховых услуг. Авторами предлагается унифицировать подход к определению базовых для данного вида страхования категорий, чтобы снять существующую многовариативность, допускаемую страховщиками при разработке и дальнейшей коммерциализации программ страхования – это сделает продукты более понятными и прозрачными для клиентов.

Ключевые слова: страхование поствакцинальных осложнений, страхование рисков вакцинации, личное страхование, финансовые риски, страхование от коронавируса, страхование на случай иммунизации, ассортимент страхового рынка, социальная защита вакцинируемых, страховой рынок, финансовое обеспечение иммунопрофилактики

Для цитирования: Степанова М.Н., Морозова М.С. Страхование как инструмент снижения финансовых рисков, связанных с поствакцинальными осложнениями // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 145–161. doi: 10.17223/19988648/57/10

Original article

Insurance as a tool to reduce financial risks associated with postvaccinal complications

Marina N. Stepanova¹, Maya S. Morozova²

^{1,2} *Baikal State University, Irkutsk, Russia*

¹ *emarina77@list.ru*

² *valkirya282000@yandex.ru*

Abstract. Population's participation in vaccination for immunization against infectious diseases entails not only the risks of harm to health, but also financial risks. Unfavorable financial consequences of immunization can arise due to refusals from vaccinations and the development of postvaccinal complications. The problem of the discrepancy between the volume of state social support provided to citizens and the material consequences of vaccination actualizes the role of insurance in reducing the corresponding financial risks. The authors found that insurance companies on the Russian market offer financial coverage that is larger than that provided for by the state guarantees of social security for the vaccinated. However, the offers on the market have a number of serious limitations that impede the ability of interested parties to have the content of insurance coverage that would meet their expectations. At present, in insurance practice, formulations such as “serious complications”, “postvaccinal reactions and complications”, “complications, side effects, and other health disorders as a result of vaccination”, “complications arising after vaccination”, “conditions that have emerged since the moment of vaccination” are used in the formation of relevant programs, which significantly complicates the understanding of insurance conditions by the insurance services' recipient and makes it difficult to compare the content of different programs in order to form optimal consumer preferences. Each insurance company fills the programs' content with its own meaning so that quite often the amount of insurance coverage does not correlate with the list of side effects that occur after immunization accepted in medicine. Violation of industry standards in terms of the volume of disclosed information is allowed, which casts doubt on the quality of the insurance services provided. The authors propose to unify the approach to determining the basic categories for this type of insurance in order to remove the existing multivariance allowed by insurers in the development and further commercialization of insurance programs.

Keywords: postvaccinal complications insurance, vaccination risk insurance, personal insurance, financial risks, coronavirus insurance, immunization insurance, assort-

ment of insurance market, social protection of vaccinated people, insurance market, financial support for immunization

For citation: Stepanova, M.N. & Morozova, M.S. (2022) Insurance as a tool to reduce financial risks associated with postvaccinal complications. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 145–161 (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/10

Введение

Вопросы, связанные с иммунопрофилактикой, находятся на пике своей популярности – активного обсуждения на бытовом уровне и повышенного исследовательского интереса в научных кругах, опосредованного ситуацией с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19). Одним из важнейших моментов, имеющих значение для каждого из реальных и потенциальных участников процесса вакцинации, является не только существование определенных правовых, морально-нравственных, физических и психологических аспектов [1, 2], но и вопрос финансового обеспечения, опосредованного как фактом осуществления иммунопрофилактики, так и ее последствиями. В той мере, в которой научные изыскания могут быть полезны с позиций финансовой науки, соответствующие вопросы раскрываются либо в контексте реализации прав граждан на компенсацию вреда, причиненного их жизни или здоровью в процессе иммунизации [3–6], либо оценки общей ответной реакции страхового рынка на последствия пандемии [7–9]. Авторы отмечают недостатки системы государственных финансовых гарантий для лиц, имеющих поствакцинальные осложнения [5, 6], и одновременно обращают внимание на то, что рынок коммерческого страхования, реагируя на запросы внешней среды, начал пополнять ассортимент «проковидными» продуктами, в том числе включающими в покрытие «риски вакцинации» [7, с. 17], справедливо объясняя это возросшим интересом населения к страхованию на фоне «обеспокоенности за свое здоровье и здоровье близких» в период пандемии [8]. Зарубежные коллеги в силу специфики страховой медицины и иных организационных подходов к покрытию соответствующих рисков делают акцент на иные аспекты: источники покрытия затрат на саму вакцинацию [9] и ее влияние, как значимого профилактического фактора, на андеррайтинговые решения в сфере личного страхования [10]. В силу новизны темы на отечественном научном пространстве в настоящее время нет системных работ, в которых вопросы финансового обеспечения граждан, столкнувшихся с проблемой неблагоприятных побочных проявлений иммунизации, рассматривался бы в привязке к современным возможностям страхового рынка. Между тем, при ограниченных объемах государственных гарантий, на фоне активной иммунопрофилактики новой коронавирусной инфекции и других заболеваний проблема снижения финансовых рисков граждан, связанных с поствакцинальными осложнениями, приобретает особую актуальность. Ее теоретическая и практическая значимость обусловлена необходимостью выработ-

ки оптимальной стратегии создания системы материальной защиты лиц, для которых финансовое обременение, связанное с иммунопрофилактикой, может быть значимым и (или) предопределяющим целесообразность финансового планирования доходов и расходов домохозяйства с корректировкой на финансовые риски, связанные с иммунизацией. С одной стороны, это может способствовать повышению «качества управления личными финансами» [11, с. 7], с другой – скорректировать вектор развития страховых услуг в соответствующем сегменте.

Методология

Формирование целей статьи. Цель исследования – выявить основные виды финансовых рисков граждан, связанных с вакцинацией, проводимой в рамках иммунопрофилактики инфекционных болезней, раскрыть роль страхования как инструмента снижения финансовых рисков, связанных с поствакцинальными осложнениями.

Постановка задания. В задачи исследования входило: выявить источники финансового обеспечения граждан, связанного с иммунопрофилактикой инфекционных заболеваний; установить основные виды финансовых рисков граждан, связанных с вакцинацией и ее последствиями, и возможность их минимизации посредством обращения к институту страхования.

Используемые в исследовании методы, методики и технологии. Авторами осуществлялся контент-анализ официальных сайтов страховых компаний, представленных на российском рынке личного рискованного страхования на предмет выявления страховых программ, предусматривающих страховое покрытие рисков, связанных с поствакцинальными осложнениями и реакциями, осуществлялся анализ условий, на которых оно предоставляется с последующим сопоставлением их между собой и с условиями возникновения права граждан на социальное обеспечение в рамках системы государственных гарантий. Кроме того, в рамках исследования проводился социологический опрос, направленный на выявление степени информированности населения о возможности страхования «поствакцинальных осложнений» и основных ожиданий от него. Выборочную совокупность, сформированную на принципах randomness, составили 100 человек, из которых 76% женщин и 24% мужчин, 71% опрошенных относятся к возрастной группе «от 18 до 25 лет», 9% – «от 26 до 35 лет», 11% – «от 36 до 45 лет», остальные – от 45 лет и выше. Половозрастное соотношение участников не устанавливалось, а определялось входными характеристиками структуры участвовавших в опросе граждан.

Результаты

В настоящее время вопрос финансового обеспечения, опосредованного как фактом осуществления иммунопрофилактики, так и ее последствиями, решается следующим образом:

– финансовое обеспечение противоэпидемических мероприятий, а также проведение профилактических прививок признается расходным обязательством

Российской Федерации (ст. 6 Федерального закона от 17.09.1998 № 157-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»;

- финансовое обеспечение на случай возникновения поствакцинальных осложнений в части выплаты государственных единовременных пособий и ежемесячных денежных компенсаций признается расходным обязательством Российской Федерации, в части выплаты пособий по временной нетрудоспособности осуществляется за счет средств бюджета Фонда социального страхования Российской Федерации, а также за счет средств страхователя;

- финансовое обеспечение на случай реализации финансовых рисков, связанных с вакцинацией и ее последствиями, признается личной ответственностью гражданина и остается на его собственном удержании (с возможностью дальнейшего частичного перераспределения).

Таким образом, для граждан основной зоной возникновения финансового обременения, связанного с иммунопрофилактикой, являются последствия отказа от профилактических прививок и последствия развития поствакцинальных осложнений – их можно расценивать в качестве основных факторов финансовых рисков, связанных с вакцинацией и ее последствиями.

Финансовые последствия отказа от вакцинации, составляющие содержание соответствующих финансовых рисков, опосредованы ограничениями, накладываемыми на граждан в соответствии с п. 2 ст. 5 «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» и могут, в частности, выражаться:

- в утрате источника дохода домохозяйства ввиду отказа в приеме на работу или отстранения от отдельных видов работ;

- в бремени расходов, понесенных в связи с невозможностью выезда в страны, пребывание в которых требует конкретных профилактических прививок, а также в упущенной выгоде, если такие поездки предполагали осуществление деятельности, направленной на извлечение дохода;

- в возникновении дополнительных расходов, вызванных отказом в приеме в образовательные организации и оздоровительные учреждения в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний или при угрозе возникновения эпидемий.

Финансовые риски данного обстоятельства (отказа от вакцинации) либо полностью остаются на собственном удержании гражданина до момента их реализации или нивелирования, либо частично передаются на страхование в том объеме, в котором это может обеспечить соответствующая программа страховой защиты, формируемая в рамках страхования финансовых рисков физических лиц.

В свою очередь, финансовые риски, обусловленные неблагоприятными последствиями вакцинации, определяются:

- возникновением у гражданина или домохозяйства дополнительных расходов, связанных с нивелированием последствий поствакцинальных осложнений;

- невозможностью получить гарантируемое государством финансовое обеспечение на случай возникновения поствакцинальных осложнений (по разным причинам);

– несоответствием между объемом предоставляемых государством гарантий социальной помощи и реальной потребностью в финансовом обеспечении на случай возникновения поствакцинальных осложнений.

Проблема несоответствия объема оказываемой гражданам государственной социальной поддержки возможным материальным последствиям, связываемым вакцинированным лицом или его бенефициарами с поствакцинальными осложнениями, очевидна. В современных условиях она обостряется еще больше, ставя под сомнения действенность системы социальной защиты, более соответствующей признакам декларативности, чем полноценному обеспечению. «Отсутствие адекватной материальной поддержки со стороны государства» исследователи относят к одной из важнейших причин «неоднозначного отношения россиян к вакцинации» [3, с. 19]. «Размер социальных выплат, предоставляемых государством, до неприличия скромнен» [3] – справедливость данного весьма корректного замечания подтверждает обращение к соответствующим нормам закона (табл. 1).

Таблица 1. Формы социального обеспечения, гарантируемые государством в случае поствакцинальных осложнений, и их базовый размер

Реализованный риск	Форма обеспечения	Базовый размер обеспечения	Получатели обеспечения
Возникновение поствакцинального осложнения	Единовременное пособие	10 тыс. руб.	Сам гражданин
Смерть гражданина, наступившая вследствие поствакцинального осложнения	Единовременное пособие	30 тыс. руб.	Члены семьи гражданина
Инвалидность вследствие поствакцинального осложнения	Ежемесячная денежная компенсация	1 тыс. руб.	Сам гражданин
Болезнь ребенка в возрасте до 18 лет, связанная с поствакцинальным осложнением	Пособие по временной нетрудоспособности	Определяется в соответствии со ст. 7 ФЗ РФ от 29.12.2006 № 255-ФЗ	Один из родителей или иной член семьи

Источник: составлено авторами.

Параметры социальной поддержки лиц с поствакцинальными осложнениями имеют также следующие нюансы:

1) само понятие «поствакцинальные осложнения» связывается исключительно с тяжелыми и (или) стойкими нарушениями состояния здоровья вследствие профилактических прививок;

2) право на получение государственного единовременного пособия возникает в отношении не любого осложнения, а только тех, которые поименованы в специальном перечне, утвержденном Постановлением Правительства РФ от 02.08.1999 № 885, – их список крайне ограничен;

3) индексация базового размера предоставляемых обеспечений предусмотрена только в отношении ежемесячной денежной компенсации на случай инвалидности, но даже она не решает существующей проблемы, поскольку сама база изначально имеет крайне ограниченный уровень;

4) право на пособие по временной нетрудоспособности имеют только лица, подлежащие обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, т.е. в основном работающие по трудовым договорам, и некоторые иные категории, установленные ст. 2 ФЗ РФ от 29.12.2006 № 255-ФЗ.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в современных условиях финансовые риски населения, связанные с развитием поствакцинальных осложнений, фактически можно признать личными рисками, задача компенсации которых находится преимущественно в зоне ответственности самих граждан. Вероятностный характер последствий вакцинации и их возможное неблагоприятное влияние на финансовое состояние домохозяйства определяют допустимость трансферта части ответственности за риск специализированным институциональным субъектам, готовым предоставить страховую защиту на данный случай. Роль страхования в минимизации финансовых рисков, связанных с неблагоприятными последствиями вакцинации, определяется функциональными возможностями страховых организаций, объемом и качеством предлагаемого страхового покрытия, его доступностью для потенциальных получателей страховых услуг. Главным образом она реализуется в сегменте рисков личного страхования, демонстрируя способность рекомбинации возможности минимизировать финансовый риск через обращение к страхованию риска причинения вреда жизни и здоровью. Привлекательность данной трансформации в большей мере обеспечивается страхованием от несчастных случаев и болезней. Именно оно за счет допущения свободного распоряжения, полученного выгодоприобретателем страхового обеспечения на цели, приоритетность которых определяет он сам, дает возможность покрытия любых расходов, что делает данное направление более гибким и проще, чем другие (в том числе страхование финансовых рисков граждан), адаптируемым под нужды клиентов.

В настоящее время на рынке рисков личного страхования представлены предложения 7 компаний, готовых осуществлять страхование на случай поствакцинальных осложнений в рамках специальных программ (табл. 2), одна из которых дополнительно распространяет свое действие на риск первичной травмы головы и первичного инсульта («Росгосстрах Жизнь»). Еще 2 компании анонсировали разработку соответствующего продукта, но не представили его условия, другие 2 за время подготовки материала покинули указанный сегмент.

Как видно из данных табл. 2, в настоящее время страховая защита предоставляется посредством реализации двух видов страхования: страхования от несчастных случаев и болезней и добровольного медицинского страхования или их комбинации в рамках одного полиса.

При этом, как показали данные проведенного авторами социологического опроса, степень информированности населения о таком функционале страхового рынка еще крайне мала: о возможности быть застрахованным от риска неблагоприятных последствий иммунизации на момент исследо-

вания было известно менее чем трети респондентов (28 %), при этом самый низкий уровень осведомленности продемонстрировали представители возрастных групп «от 26 до 35 лет» и «45+» (по 11 %), самый высокий – молодые люди группы «от 18 до 25 лет» (30 %), что можно связать с их большей «интернет-мобильностью».

Таблица 2. Основные характеристики программ, предусматривающих страховое покрытие на случай возникновения поствакцинальных осложнений

Название компании/продукта	Основные параметры продукта	Страховые риски*	Виды обеспечения и их размер (базовое покрытие)
«Росгосстрах» «Иммунитет без риска»	Возраст**: от 18 до 65 лет. Территория покрытия: РФ. Страховая сумма: 1 млн руб. и 1,4 млн руб. Временная франшиза: нет	Реабилитация после лечения осложнений. Госпитализация. Уход из жизни	Выплата при стационарном лечении (2000 руб. в день, но не более 30 дней). Единовременная выплата в случае ухода из жизни (500 тыс. руб.; 700 тыс. руб.)
«АльфаСтрахование» «АльфаВАКЦИНА»	Возраст: от 18 до 60 лет. Территория покрытия: РФ. Страховая сумма: 500 тыс. руб. Временная франшиза: нет	Госпитализация в результате болезни. Критическое заболевание. Смерть	Выплата в случае госпитализации (2000 руб. в день, но не более 10, 15 и 20% от страховой суммы в зависимости от подпрограммы). Единовременная выплата по факту осложнения (2, 5, 10% от страховой суммы). Единовременная выплата в случае смерти (500 тыс. руб.).
«Югория-Жизнь» «Ю-Иммуно»	Возраст: от 18 до 55 лет. Территория покрытия: РФ. Страховая сумма: 1 млн руб. Временная франшиза: нет	Госпитализация. Инвалидность 1, 2 группы. Смерть	Компенсация за каждый день госпитализации (3000 руб., но не более 90 тыс. руб.). Единовременная выплата на случай инвалидности (1 млн руб.). Единовременная выплата в случае смерти (1 млн руб.)
«Уралсиб Страхование» «В порядке»	Возраст: от 1 года до 54 лет. Территория покрытия: РФ. Страховая сумма: 1 млн руб. Временная франшиза: 2 дня	Госпитализация. Инвалидность 1-й, 2-й группы. Уход из жизни (для взрослых). Обращение за медицинской помощью с применением телемедицинских технологий	Компенсация за каждый день госпитализации (3000 руб. в пределах 30 дней). Единовременная выплата на случай инвалидности (1 млн руб.). Единовременная выплата на случай смерти (1 млн руб.)
«ВСК страховой дом» «Прививка без риска»	Возраст: от 0 до 65 лет. Территория покрытия: РФ. Страховая сумма: 50 тыс. руб.; 100 тыс. руб.	Организация и оказание медицинской помощи	Оплата расходов на медицинскую помощь в случае поствакцинальных осложнений

Название компании/продукта	Основные параметры продукта	Страховые риски*	Виды обеспечения и их размер (базовое покрытие)
«КАПИТАЛ LIFE» «Здоровая прививка»	Возраст: до 65 лет. Территория покрытия: РФ. Страховая сумма: 50 тыс. руб., 100 тыс. руб., 200 тыс. руб. Временная франшиза: 4 дня	Оказание первичной медико-санитарной помощи в неотложной форме	Оплата расходов на медицинскую помощь при осложнениях, которые могут возникнуть после вакцинации любой зарегистрированной в РФ вакциной
«Росгосстрах Жизнь» «Восстанови здоровье»	Возраст: от 18 до 60 лет. Территория покрытия: РФ. Страховая сумма: 750 тыс. руб.	Первичное или повторное заболевание COVID-19, в т.ч. в результате вакцинации	Оплата расходов на медицинскую помощь в связи с возникновением поствакцинальных осложнений

Источник: составлено авторами.

* Во всех случаях, представленных в данной таблице, соответствующий риск связывается с развитием поствакцинальных осложнений.

** Здесь и далее под формулировкой «возраст» указаны требования к возрасту застрахованного лица.

Между тем 61,6 % опрошенных высказали готовность приобретения полисов с покрытием риска развития поствакцинальных осложнений – таким образом, их можно рассматривать в качестве потенциальной страховой совокупности, способной сформировать текущий спрос на данном сегменте в ближайшее время. По мнению исследователей, высокий уровень спроса на соответствующие продукты может быть предопределен актуальностью ситуации с иммунопрофилактикой на случай заражения новой коронавирусной инфекцией: как неуверенностью населения в безопасности вакцин, применяемых для вакцинации против COVID-19, так и невозможностью отказаться от вакцинации вследствие осуществления определенных видов профессиональной деятельности и других объективных причин [2].

По данным, полученным нами в ходе исследования, более половины опрошенных уверены в способности профилактических прививок против COVID-19 нанести серьезный вред здоровью. Уверенность высказали 58 % женщин и 62,5 % мужчин; с учетом возрастной структуры и образования – это:

- 51 % респондентов в возрасте 18–25 лет, имеющих преимущественно незаконченное высшее образование;
- 89 % респондентов в возрасте 26–35 лет, имеющих преимущественно среднее специальное образование или незаконченное высшее;
- 82 % респондентов в возрасте 36–45 лет, имеющих преимущественно высшее образование;
- 33 % респондентов в возрасте старше 45 лет, имеющих преимущественно высшее образование.

Как видно из анализа условий страхования, предусматривающих соответствующее страховое покрытие, именно риск возникновения тяжелых

осложнений и является ядром страховых программ, поскольку страховые случаи связываются страховщиками с госпитализацией, инвалидизацией или смертью застрахованного лица как следствием поствакцинальных осложнений. Однако возникает вопрос о смыслах, вкладываемых страховыми организациями в базовое для программ страховой защиты понятие «поствакцинальные осложнения», и соответствии причинно-следственных связей между симптомами, отвечающими признакам поствакцинальных осложнений, и вакцинацией.

Исследовательский интерес авторов в числе прочего связывался как раз с тем, чтобы определить, совпадают ли методические подходы к определению содержания категории «поствакцинальные осложнения» с дефинитивными нормами. Как нами было отмечено ранее, понятие «поствакцинальные осложнения» в соответствии с нормами Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» определяется как «тяжелые и (или) стойкие нарушения состояния здоровья вследствие профилактических прививок», перечень которых установлен Постановлением Правительства РФ от 02.08.1999 № 885, и связывается при этом исключительно с правом гражданина на социальное обеспечение. Вместе с тем, например, «Порядок проведения вакцинации взрослого населения против COVID-19», утвержденный Письмом Министерства здравоохранения РФ от 29 июня 2021 г. № 30-4/И/2-9825, оперирует одновременно такими понятиями, как «поствакцинальные осложнения» и «реакции на прививку», в отдельных случаях смешивая их между собой (см. п.п. 6 п. 1 и п.п. 2 п. 5 раздела 7). Наиболее выверенным с методической точки зрения документом, понятийный аппарат которого имеет смысл порекомендовать к использованию страховым организациям при формировании соответствующих страховых продуктов, служат Методические рекомендации по выявлению, расследованию и профилактике побочных проявлений после иммунизации (утв. Министерством здравоохранения РФ 12 апреля 2019 г.). Использование термина «побочное проявление после иммунизации», которое раскрывается в нем как «любое неблагоприятное с медицинской точки зрения проявление, возникшее после иммунизации» [12, с. 7], могло бы снять все несоответствия, существующую многовариативность понятий и трактовок, допускаемых в настоящее время страховщиками при разработке и дальнейшей коммерциализации программ страхования. Данный подход удобен тем, что не просто обеспечивает получателям страховых услуг единство понимания содержательных границ конкретного направления страховой защиты, но и позволяет страховщикам при решении вопроса о принимаемой ответственности использовать введенное рекомендациями деление побочных проявлений на «серьезные» реакции [12, с. 8] и «несерьезные (незначительные) или обычные (нормальные)» вакцинальные реакции [12, с. 7].

Между тем в настоящее время в отечественной страховой практике при формировании соответствующих программ используются одновременно такие формулировки, как «серьезные осложнения», «поствакцинальные реакции и осложнения», «осложнения, побочные действия и иное рас-

стройство здоровья в результате вакцинации», «осложнения, возникшие после проведенной вакцинации», «состояния, возникшие с момента вакцинации» и т.п., что заметно осложняет понимание потенциальным получателем страховых услуг условий страхования и затрудняет сопоставление содержания разных программ с целью формирования оптимального потребительского предпочтения.

Более того, каждая страховая компания наполняет их содержание своим смыслом так, что достаточно часто объем страхового покрытия не коррелируется с принятым в медицине перечнем побочных проявлений, возникающих после иммунизации, — он может быть как меньше (что отмечается чаще всего), так и больше его, а также выходит за рамки обеспечиваемых системой государственных финанс

овых гарантий, о которой говорилось выше (табл. 3).

Таблица 3. Сравнение видов поствакцинальных осложнений, покрываемых программами страхования, с включенными в перечень дающих право на получение государственных единовременных пособий*

Осложнения, включенные в перечень покрываемых защитой	Югория-Жизнь	ВСК	Капитал Life	Альфа Страхов.	Уралсиб Страхование	Правительственный перечень осложнений
Анафилактический шок	+	+	+	+	+	+
Отек Квинке	+	+	+	+	+	+
Постинъекционный энцефалит	+	+	+	+		+
Полиомиелит	+	+	+	+		+
Нагноение места вакцинации	+	+	+		+	
Афебрильные судороги	+	+	+			Судорожный синдром
Геморрагический васкулит	+	+	+			
Кровотечение	+	+	+			
Полирадикулоневрит	+	+	+			
Синдром Гийена-Барре	+	+	+	+		
Менингит	+	+				Серозный менингит
Диссеминированная БЦЖ-инфекция	+	+				Остеит, остит, остеомиелит, вызванные вакциной БЦЖ
Синдром сывороточной болезни				+		+
Синдром Лайелла				+	+	+
Синдром Стивенса-Джонсона				+	+	+
Острый стеноз гортани				+		

Осложнения, включенные в перечень покрываемых защитой	Югория-Жизнь	ВСК	Капитал Life	Альфа Страхов.	Уралсиб Страхование	Правительственный перечень осложнений
Неврит плечевого нерва						
Неврит					+	Неврит/ полиневрит
Острый миокардит					+	
Агранулоцитоз					+	
Коллапс					+	
Гипопластическая анемия					+	
Лимфаденит					+	
Коллагенозы					+	
Иное						Артрит хронический

* Составлено авторами в том объеме, в котором данная информация раскрывалась страховщиками.

Обращает на себя внимание тот факт, что не все страховые организации, представляя условия программ на официальном сайте, раскрывают перечень осложнений, при наступлении которых у застрахованных лиц возникает право на социальное обеспечение, а взаимодействие с представителями компании, вопреки требованиям отраслевых стандартов в части объема раскрываемой информации, не дает возможность получить ответ на соответствующий вопрос, что ставит под сомнение качество оказываемых страховых услуг, а в некоторых случаях и уровень клиентского обслуживания [13].

Обсуждение

Мы сравнили содержание представленных на рынке программ, направленных на покрытие неблагоприятных последствий вакцинации, с высказанными потенциальными получателями услуг опасениями и ожиданиями и пришли к выводу об очевидности существующего несоответствия между ними. Так, среди респондентов, участвовавших в проведенном авторами опросе, опасения по поводу того, что вакцинация может нанести непоправимый ущерб здоровью, не исключая установления инвалидности, выразили 21% опрошенных. 24% опрошенных считают, что вакцинация способна спровоцировать настолько сильное ослабление организма, что это увеличит риск заражения новой коронавирусной инфекцией. 4% респондентов ожидают умеренной реакции организма на вакцину в виде незначительного «обычного ответа», по 2% – неблагоприятного влияния на протекающую беременность и обострения хронических заболеваний. По мнению большинства (43% опрошенных), в качестве наиболее вероятных побочных проявлений вакцинации стоит ожидать аллергические реакции (заметим, что большинство страховщиков покрывают только ее тяжелые формы).

70% опрошенных ожидают от страховых компаний покрытия любых расходов, связанных с неблагоприятными последствиями иммунизации, при этом, по мнению 89% респондентов, подобное страхование должно быть доступно каждому. Однако страховые организации устанавливают ряд ограничений, заметно снижающих доступность соответствующих программ для тех, кто в них заинтересован в большей степени. По мнению аналитиков, страховщики при их формировании «не попали в аудиторию» [14], поскольку вывели из зоны страхового покрытия пожилых (исключение – «АльфаСтрахование»), лиц с ограниченными возможностями и лиц с отягощенным медицинским анамнезом, т.е. группу потенциальных получателей страховых услуг.

Только две компании в настоящее время принимают на страхование лиц моложе 18 лет, хотя национальный календарь прививок в большей мере ориентирован именно на эту возрастную категорию, а сами страховщики распространяют действие своих программ на достаточно широкий спектр профилактических вакцинаций (табл. 4).

Таблица 4. Виды вакцинаций, неблагоприятные последствия которых покрываются страховыми программами

Название компании	Название продукта	Виды вакцинаций, предусмотренные программой
Росгосстрах	«Иммунитет без риска»	Против кори, столбняка, гриппа, коронавирусной инфекции и других заболеваний
Югория-Жизнь	«Ю-Иммуно»	Против гриппа, коронавирусной инфекции
АльфаСтрахование	«АльфаВАКЦИНА»	«Любые виды прививок: COVID-19, грипп, дифтерия, столбняк и многие другие»
Уралсиб Страхование	«В порядке»	Против гриппа, коронавирусной инфекции
ВСК страховой дом	«Прививка без риска»	«Все виды вакцин, в том числе против коронавируса»
КАПИТАЛ LIFE	«Здоровая прививка»	Предусмотренные национальным календарем профилактических прививок и календарем профилактических прививок по эпидемическим показаниям
Росгосстрах Жизнь	«Восстанови здоровье»	Только против коронавирусной инфекции

Источник: составлено авторами.

Кроме того, программы имеют ограничения по сроку страховой защиты: в большинстве случаев страховщики берут на себя ответственность за период, не превышающий 30–45 дней с момента вакцинации, хотя имеют место быть еще более сжатые рамки – 24 часа на случай возникновения анафилактического шока и 15 суток на случай возникновения других осложнений (пример компании «АльфаСтрахование»). Таким образом, латентные претензии фактически не обеспечиваются страховой защитой, хотя являются высоко вероятностными. Также страхование не распространяется на побочные проявления иммунизации, обусловленные нарушением качества вакцины, ошибками проведения иммунизации и на случайные заболевания или обострение фоновой патологии.

Выводы

Таким образом, для граждан основной зоной возникновения неблагоприятных финансовых последствий, связываемых с иммунопрофилактикой, являются последствия отказа от профилактических прививок и последствия развития поствакцинальных осложнений – их можно расценивать в качестве основных факторов финансовых рисков, связанных с вакцинацией и ее последствиями.

Финансовые риски отказа от вакцинации полностью остаются на собственном удержании гражданина до момента их реализации или нивелирования либо могут частично передаваться на страхование в том объеме, в котором это может обеспечить соответствующая программа страховой защиты, формируемая в рамках страхования финансовых рисков физических лиц. Финансовые риски, связанные с неблагоприятными последствиями вакцинации, частично покрываются государством, а в оставшейся части – это ответственность самого гражданина.

Проведенное исследование дало возможность заключить, что страхование может рассматриваться в качестве инструмента снижения финансовых рисков, связанных с неблагоприятными последствиями вакцинации, на том основании, что данные риски относятся к категории страхуемых, рынок имеет соответствующие предложения в сегменте личного страхования, программы (если они сформированы в рамках страхования от несчастных случаев и болезней) предлагают *объем финансового покрытия* больший по размеру, чем это предусмотрено государственными гарантиями социального обеспечения вакцинированных. Однако имеющиеся на рынке предложения по страхованию обладают рядом серьезных ограничений, препятствующих возможности получить заинтересованным в нем лицам тот объем страховой защиты, который соответствовал бы их ожиданиям.

Нами не обсуждается вопрос об объеме страховой совокупности, для которой страхование на случай поствакцинальных осложнений актуально ввиду действительной возможности реализации соответствующего риска. Тем более что статистика осложнений в рамках проводимой иммунопрофилактики новой коронавирусной инфекции (которая и спровоцировала развитие сектора страхования от поствакцинальных проявлений и осложнений) пока только нарабатывается. Речь идет о возможностях страхового рынка для тех, кто *считает нужным* иметь страховую защиту, т.е. о способности рынка удовлетворить спрос.

В настоящее время данным страхованием занимается не более 4 % страховых организаций. Выбор программ крайне ограничен и не отменяет вопроса о качестве предлагаемого страхового покрытия, уровне клиентского обслуживания, особенно в части информирования потенциальных получателей страховых услуг об особенностях страхового продукта и смыслах, вкладываемых в базовое для этого вида понятие «осложнение» (АльфаСтрахование, Росгосстрах).

Перспективы дальнейших изысканий связываются нами с исследованием особенностей предоставления страхового обеспечения в рамках страхо-

вания на случай поствакцинальных проявлений и осложнений, проблем урегулирования страховых претензий и повышения качества страховой защиты вакцинируемых с тем, чтобы она стала достойным, действенным дополнением системы государственных гарантий.

Список источников

1. *Присяжнюк Ю.П., Сперанская Ю.С.* Права граждан на иммунопрофилактику в период пандемии COVID-19 (в контексте рекомендаций Всемирной организации здравоохранения) // Российский правовой журнал. 2020. № 4 (5). С. 44–48.
2. *Масляков В.В., Портенко Н.Н., Павлова О.Н.* Вакцинация от коронавируса: правовые вопросы // Административное право и практика администрирования. 2020. № 3. С. 28–34.
3. *Брикман А.А., Погоняйлова В.В.* Компенсация вреда жертвам поствакцинальных осложнений: мировой опыт и перспективы в России // Медицинское право: теория и практика. 2021. Т. 7, № 1 (13). С. 18–24.
4. *Данилов С.* На какие выплаты можно рассчитывать в случае осложнений после вакцинации // Практическая бухгалтерия. 2021. № 8. С. 57–60.
5. *Скотский А.А.* Проблемы выплат пособий по поствакцинальным осложнениям в РФ // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 527–539.
6. *Воротынцева А.А.* Проблемы реализации права на компенсационные выплаты гражданам, пострадавшим от вакцинации: российская и зарубежная практика // Современные тенденции развития юриспруденции, экономики и управления : сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции с международным участием. СПб., 2017. С. 239–242.
7. *Суслякова О.Н.* Роль страхования в противодействии последствий пандемии // Калужский экономический вестник. 2021. № 1. С. 16–19.
8. *Русакова О.И., Головань С.А.* Развитие инвестиционного страхования жизни в России // Известия Байкальского государственного университета. 2020. Т. 30, № 3. С. 402–411. doi: 10.17150/2500-2759.2020.30(3).402-411
9. *Norris L.* Will My Health Insurance Cover a COVID-19 Vaccine? (29.08.2021). URL: <https://www.verywellhealth.com/how-will-my-health-insurance-cover-a-covid-19-vaccine-5090168> (дата обращения: 21.11.2021).
10. *Leonhardt M.* Will the unvaccinated still be able to get life insurance? (23.07.21). URL: <https://fortune.com/2021/07/23/covid-unvaccinated-life-insurance/> (дата обращения: 21.11.2021).
11. *Кислицына Л.В., Унтанов А.Б.* Теоретические аспекты финансов домашних хозяйств // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 2. С. 1–8.
12. *Методические рекомендации по выявлению, расследованию и профилактике побочных проявлений после иммунизации* (утв. Министерством здравоохранения РФ от 12 апреля 2019 г.), 43 с. URL: <http://base.garant.ru/72792046/> (дата обращения: 10.11.2021).
13. *Кондрацкая Т.А., Хоавило Д.С.* Клиентский сервис в страховых компаниях // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 2. doi: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).28
14. *Егизарян П.* Создана страховка от осложнений при вакцинации. Но людям из групп риска она не положена. URL: <https://www.vbr.ru/banki/novosti/2021/05/27/ppk-strahovka/> (дата обращения: 10.11.2021).

References

1. Prisyazhnyuk, Yu.P. & Speranskaya, Yu.S. (2020) Prava grazhdan na immunoprofilaktiku v period pandemii COVID-19 (v kontekste rekomendatsiy vseмирной organizatsii zdravookhraneniya) [The rights of citizens to immunoprophylaxis during the COVID-19 pandemic (in the context of the recommendations of the World Health Organization)]. *Rossiyskiy pravovoy zhurnal – Russian Legal Journal*. 4 (5). pp. 44–48.
2. Maslyakov, V.V., Portenko, N.N. & Pavlova, O.N. (2020) Vaccination against coronavirus: legal issues. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya*. 3. pp. 28–34. (In Russian). DOI: 10.7256/2306-9945.2020.3.33965
3. Brikman, A.A. & Pogonyaylova, V.V. (2021) Compensation for vaccine-related injury: global experience and perspectives in Russia. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika – Medical Law: Theory and Practice*. 1 (13). pp. 18–24. (In Russian).
4. Danilov, S. (2021) Na kakie vyplaty mozno rasschityvat' v sluchae oslozhneniy posle vaktsinatsii [What payments can be counted on in case of complications after vaccination]. *Prakticheskaya bukhgalteriya*. 8. pp. 57–60.
5. Skotskiy, A.A. (2021) [Problems of payment of benefits for post-accinal complications in the Russian federation]. *Pravozashchitnaya deyatel'nost' v sovremennoy Rossii: problemy i ikh reshenie* [Human Rights Activity in Modern Russia: Problems and their solution]. Proceedings of the 7th International Conference. Saint Petersburg. 20 May 2021. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Economics, Culture and Business Administration. pp. 527–539. (In Russian).
6. Vorotyntsev, A.A. (2017) Problemy realizatsii prava na kompensatsionnye vyplaty grazhdanam, postradavshim ot vaktsinatsii: rossiyskaya i zarubezhnaya praktika [Problems of realization of the right to compensation payments to citizens affected by vaccination: Russian and foreign practice]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya yurisprudentsii, ekonomiki i upravleniya* [Modern Trends in the Development of Jurisprudence, Economics and Management]. Saint Petersburg: [s.n.]. pp. 239–242.
7. Suslyakova, O.N. (2021) The role of insurance in countering the effects of the pandemic. *Kaluzhskiy ekonomicheskoy vestnik*. 1. pp. 16–19. (In Russian).
8. Rusakova, O.I. & Golovan', S.A. (2020) Development of investment life insurance in Russia. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Baikal State University*. 3 (30). pp. 402–411. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(3).402-411.
9. Norris, L. (2021) Will My Health Insurance Cover a COVID-19 Vaccine? *Verywell Health*. [Online] Available from: <https://www.verywellhealth.com/how-will-my-health-insurance-cover-a-covid-19-vaccine-5090168> (Accessed: 21.11.2021).
10. Leonhardt, M. (2021) Will the unvaccinated still be able to get life insurance? *Fortune*. 23 July. [Online] Available from: <https://fortune.com/2021/07/23/covid-unvaccinated-life-insurance> (Accessed: 21.11.2021).
11. Kislitsyna, L.V. & Untanov, A.B. (2015) Theoretical aspects of household finance. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. 2 (6). pp. 1–8. (In Russian). DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2).7
12. Garant. (2019) *Methodological recommendations for the detection, investigation and prevention of adverse events after immunization (approved by the Ministry of Health of the Russian Federation on April 12, 2019)*. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/72792046> (Accessed: 10.11.2021). (In Russian).
13. Kondratskaya, T.A. & Khoavilo, D.S. (2017) Customer service in insurance companies. *Baikal Research Journal*. 2 (8). DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).28
14. Egiazyar, P. (2021) Sozdana strakhovka ot oslozhneniy pri vaktsinatsii. No lyudyam iz grupp riska ona ne polozhena [Insurance against complications during vaccination has been created. But people from risk groups are not allowed it]. [Online] Available from: <https://www.vbr.ru/banki/novosti/2021/05/27/ppk-strahovka> (Accessed: 10.11.2021).

Сведения об авторах:

Степанова М.Н. – кандидат экономических наук, Байкальский государственный университет (Иркутск, Россия). E-mail: emarina77@list.ru

Морозова М.С. – студент, Байкальский государственный университет (Иркутск, Россия). E-mail: valkirya282000@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.N. Stepanova, Cand. Sci. (Economics), Baikal State University, Irkutsk, Russia. E-mail: emarina77@list.ru

M.S. Morozova, Baikal State University, Irkutsk, Russia. E-mail: valkirya282000@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Менеджмент

Научная статья
УДК 331.108
doi: 10.17223/19988648/57/11

Квиз в практике прелиминаринга в организациях малого бизнеса: исследование на примере кадровых агентств

Марина Ильинична Казакова¹, Татьяна Викторовна Шурмина²

^{1, 2} *Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

¹ *kazakova-berater@mail.ru*

² *tatiana.shurmina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме найма молодых сотрудников в организациях, относящихся к категории малого бизнеса. В контексте данного вопроса авторы предлагают рассмотреть прелиминаринг в качестве метода привлечения к работе в компанию перспективных молодых специалистов из числа студентов и выпускников учебных заведений посредством их участия в производственной практике и (или) стажировке. В рамках статьи проанализировано состояние сферы малого предпринимательства в нашей стране, изложены ключевые статистические показатели. В результате опроса, проведенного среди работодателей, авторами представлен опыт и особенности привлечения представителей поколения Z в компании рынка кадровых услуг. Итоги анкетирования студентов нескольких вузов Уральского региона позволили определить наиболее приоритетные форматы взаимодействия компаний и студенческой среды. На основе эмпирического исследования авторами была предложена разработка студенческого квиза в качестве мероприятия, которое может использоваться в практике прелиминаринга любого кадрового агентства, заинтересованного в привлечении молодых и талантливых студентов с целью дальнейшего трудоустройства в штат компании.

Ключевые слова: малый бизнес, студенты, стажировка, молодёжь, поколение Z

Для цитирования: Казакова М.И., Шурмина Т.В. Квиз в практике прелиминаринга в организациях малого бизнеса: исследование на примере кадровых агентств // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 162–174. doi: 10.17223/19988648/57/11

Management

Original article

The quiz in the practice of preliminary training in small business organizations: A study on the example of recruitment agencies

Marina I. Kazakova¹, Tatiana V. Shurmina²

^{1,2} Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

¹ kazakova-berater@mail.ru

² tatiana.shurmina@mail.ru

Abstract. This article explores the problem of hiring young employees in organizations that belong to the category of small businesses. In the context of this issue, the authors propose to consider preliminary training as a method of attracting promising young specialists from among students and graduates of educational institutions to work in the company through their participation in industrial practice and (or) internship. The authors analyze the state of the small business sector in our country, sets out key statistical indicators. As a result of a survey conducted among employers, the authors present the experience and features of attracting representatives of Generation Z in companies of the HR services market. The results of a survey of students of several universities in the Ural region showed the top-priority formats of interaction between companies and students. Based on an empirical study, the authors propose the development of a student quiz as an event that can be used in the practice of preliminary training of any recruitment agency interested in attracting young and talented students for further employment in the company.

Keywords: small business, students, internships, youth, Generation Z

For citation: Kazakova, M.I. & Shurmina, T.V. (2022) The quiz in the practice of preliminary training in small business organizations: A study on the example of recruitment agencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 162–174. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/11

Актуальность. Очевидно, что сегодня одним из приоритетных трендов рынка труда является фокус работодателей на поиск и привлечение талантливой молодежи – представителей так называемого поколения Z. Согласно данным Росстата, в 2020 г. к выпуску из вузов готовились более 930 000 студентов [1] (бакалавры, магистранты и специалисты), вопросами найма и удержания которых задались hr-департаменты отечественных и зарубежных организаций. Вместе с тем проблемы найма молодых перспективных сотрудников всегда были актуальны и для сферы малого бизнеса, остро ощущающего конкурентную борьбу за юные умы наряду с крупными компаниями и корпорациями. Ввиду пандемии коронавируса на фоне локдауна всё большую значимость для выживания малых фирм приобрета-

ет кадровый аспект. В рамках настоящей статьи представлены результаты 2 исследований авторов, посвященных практике взаимодействия малого бизнеса с молодежным рынком труда: с одной стороны, особый интерес представляет изучение мотивов и факторов, которыми руководствуются современные студенты при выборе компании для трудоустройства. С другой стороны, целесообразно исследовать точку зрения работодателей на имеющуюся практику поиска и привлечения молодых соискателей. Эмпирической базой исследования послужили кадровые агентства, входящие в Ассоциацию рекрутинговых агентств Урала.

Современное состояние малого бизнеса в России: динамика показателей. Л.Е. Гудашова справедливо отмечает, что «малые и средние предприятия являются традиционной и важной частью экономики практически всех стран, в том числе индустриально развитых» [2]. Именно они вносят весомый вклад в показатели ВВП и обеспечивают население рабочими местами, во многом определяя социально-экономическое положение страны в целом и её регионов в частности. В этом контексте интересны результаты исследования Института экономики роста имени П.А. Столыпина [3], основанные на статистических данных ОЭСР, ООН и ФНС РФ. Согласно показателям, представленным на рис. 1, в нашей стране сегмент малого бизнеса находится на стадии становления, в то время как в ряде экономически развитых стран доля МСП в ВВП составляет в среднем более 50%.

Рис. 1. Доля малых и средних предприятий в ВВП стран

Представленные данные демонстрируют, с одной стороны, весомую роль, отводимую МСП в экономиках других стран, а с другой – низкий уровень и большой потенциал развития МСП в России. По оценкам специалистов АО «Сбербанк» [4], в России количество активных компаний в рассматриваемом сегменте составляет около 27 единиц на 1 000 человек населения, в то время как среднее значение по миру равно 32 (рис. 2).

Вместе с тем ситуация с развитием субъектов МСП в 2020 г. была осложнена пандемией коронавируса: на фоне локдауна эксперты ФНС за-

фиксируют снижение количества субъектов малого и среднего предпринимательства на 246 800 единиц по сравнению с показателями 2019 г. [5].

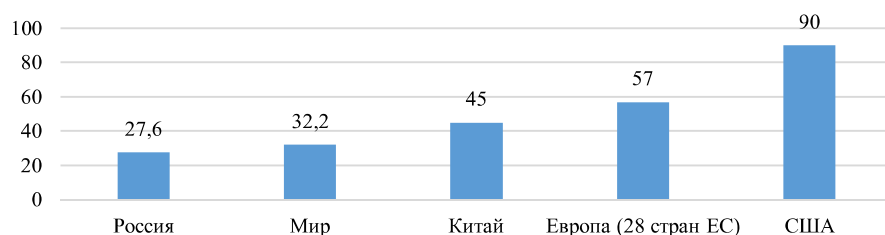

Рис. 2. Количество предприятий МСП на 1 000 человек в России и других странах

Таким образом, можно утверждать, что сегодня в России в отношении малого бизнеса сложилась двойственная ситуация. С одной стороны, в развитии данного сектора до пандемии наблюдалась прогрессивная динамика, на государственном уровне принимаются определенные меры, ориентированные на развитие малых предприятий: в частности, Федеральный закон № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [6], определяющий ключевые цели государственной политики в области совершенствования данной сферы, ряд государственных и региональных программ, направленных на финансовую, имущественную, информационную, консультационную поддержку малого бизнеса. С другой стороны, нельзя не согласиться с мнением, отраженным в статье Ю.В. Быковской, Л.Н. Ивановой и Е.А. Сафониной: «...однако приходится признать, что на сегодняшний день предпринимаемые меры поддержки малого и среднего предпринимательства недостаточно эффективны для того, чтобы данные субъекты хозяйствования стали действительно конкурентоспособными на рынке, чтобы у российских граждан были желание, возможности и реальные перспективы работать в сегменте малого бизнеса, у функционирующих предприятий малого и среднего бизнеса и индивидуальных предпринимателей – развиваться, у крупных коммерческих организаций и государственных (муниципальных) учреждений – сотрудничать с малым бизнесом» [7].

По оценкам экспертов, не были достигнуты целевые индикаторы, обозначенные в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. [8]:

- количество субъектов малого и среднего предпринимательства (в том числе ИП) на 1 000 человек населения. Согласно документу к 2018 г. данный показатель должен составлять 42 единицы на 1 000 человек населения, в то время как фактическое количество организаций в рассматриваемом сегменте составило чуть больше 27 единиц;

- доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей), занятых у субъектов МСП, в общей численности занятого населения. По плану к 2018 г. данный индикатор должен находиться на уровне 27,3%. Однако в действительности данный показатель находился на уровне 22,4%, или на 4,9% ниже запланированного.

Очевидно, что последующее ежегодное отставание плановых показателей от фактических приведет к тому, что обозначенная в Стратегии цель окажется недостижимой. Это позволяет говорить о том, что уже сегодня необходимо сфокусироваться на решении вопросов, позволяющих максимизировать вклад малого бизнеса в социально-экономическую сферу страны. Одним из таких вопросов является кадровое обеспечение малых организаций молодыми специалистами. В рамках настоящей статьи особое внимание предлагается уделить прелиминарингу как методу привлечения к работе в компанию перспективных молодых специалистов из числа студентов и выпускников учебных заведений посредством их участия в производственной практике и (или) стажировке. На сегодняшний день тема прелиминаринга затрагивается в работах таких авторов, как М.Н. Агеев и А.П. Семина [9], Т.Н. Лустина и А.Г. Панова [10], Е. Шинкоревич [11], Е.С. Козина и В.С. Фадейкина [12].

Результаты опроса студентов «Исследование портрета идеальной компании для стажировки и трудоустройства». Исследование проведено среди учащихся 2–4-х курсов бакалавриата высших учебных заведений Екатеринбурга. Количественно-качественная характеристика респондентов произведена по параметрам, представленным в табл. 1. Численность выборки составила 137 участников.

Таблица 1. Сведения о респондентах опроса

№ п/п	Общее число респондентов – 137 человек	Число респондентов
<i>Гендерный состав выборки</i>		
1	Мужчины	32 (23,3%)
	Женщины	105 (76,6%)
<i>Возрастная структура</i>		
2	19 лет	37 (27%)
	20 лет	7 (5%)
	21 год	58 (42%)
	22 года	26 (19%)
	23 года	9 (7%)
<i>Вуз</i>		
3	УрФУ	111 (81%)
	УрГЭУ	21 (15%)
	УрГУПС	5 (4%)
<i>Курс обучения</i>		
4	2 курс	39 (28%)
	3 курс	31 (22%)
	4 курс	67 (50%)
<i>Опыт работы</i>		
5	Нет опыта	55 (40%)
	Трудоустроен в настоящий момент	35 (25%)
	Ранее работал	47 (35%)

Выяснилось, что большинство респондентов (74% от их общего числа) на момент опроса были заинтересованы в прохождении стажировки или

практики вне зависимости от того, предусмотрена она образовательной программой или нет.

Примечателен тот факт, что абсолютное большинство студентов готовы рассмотреть в качестве базы для прохождения стажировки компанию, не обладающую «громким именем» и мировой славой международных корпораций. Этот тезис подтверждают ответы респондентов на вопрос об их готовности пройти практики / стажировки в небольшой по численности компании, данные представлены в табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Готовы ли Вы рассмотреть в качестве места прохождения практики / стажировки небольшую компанию (кадровое агентство, туристическая фирма и т.д.)?»

Вариант ответа	Количество ответов
Да, конечно!	44 (32%)
Да, если она удовлетворяет критериям выбора	93 (68%)
Нет, ни при каких условиях	0

В рейтинг топ-5 факторов, важных для студентов при выборе работодателя, вошли: размер будущей заработной платы; благоприятные отношения в коллективе, социально-психологический климат; возможности карьерного роста; удобный режим и график работы в компании, а также её забота о жизни и здоровье сотрудников; возможность обучения и развития (внутренние и внешние тренинги, митапы, конференции и т.д.). Соответственно, на выбор потенциального места для стажировки и трудоустройства молодыми соискателями будет влиять совокупность мотивационных и гигиенических факторов, включающих в себя материальные и нематериальные аспекты.

Одна из целей опроса – определить, какие формы сотрудничества с работодателями интересны студентам в перспективе. Удалось узнать, что в фокусе интересов студентов оплачиваемые стажировки (99,2%) и непосредственное оформление трудовых отношений (такой формат взаимодействия актуален для 97% респондентов). В контексте мероприятий порядка 95% студентов отметили интерес к участию в мастер-классах от компаний, welcome days (83,2%) и информационные митапы с представителями компаний (81,7%).

Исследование практики привлечения молодых специалистов в малом бизнесе: опыт кадровых агентств. Цель исследования – получить информацию относительно того, каков портрет потенциального практиканта и ожидания от него у представителей малочисленных компаний? Какие форматы сотрудничества с молодежью использовались ранее, какие будут интересны и актуальны в будущем? В чём состоит достоинство малых организаций для студентов с точки зрения самих работодателей? В рамках исследования эмпирической базой послужили кадровые агентства, входящие в Ассоциацию рекрутинговых агентств Урала. Авто-рами был разработан опрос, в котором приняли участие 7 директоров ука-

занных компаний. Впоследствии результаты данного исследования были соотнесены с итогами опроса среди студентов.

Периодичность и цели привлечения молодых специалистов. Более половины директоров отметили, что прелиминаринг в их компании зачастую практикуется во время большой рабочей загруженности консультантов, двое респондентов поделились, что прибегают к нему ежегодно без как таковой периодичности. На одноименный вопрос открытого типа относительно целей были получены следующие ответы:

1. Поддержка основных бизнес-процессов кадрового агентства, знакомство студента с профессией и передача профессиональных знаний и навыков, дальнейшее трудоустройство лучших студентов в компанию.

2. Выявление способностей кандидата и возможного последующего трудоустройства.

3. Необходимость заполнить штатную единицу, при нехватке «свободных» рук.

4. Передача операционных (простых) функций.

5. Обучить «для себя, для компании».

6. Разгрузка ведущих специалистов.

7. Помощь при «прямом» поиске там, где требуется ручная проработка.

Источники привлечения стажеров. Можно сделать вывод, что кадровые агентства не сталкиваются с большим входящим потоком студентов, желающих пройти стажировку: 5 из 7 руководителей в качестве источника поиска молодых кадров отметили публикации в социальных сетях, 4 директора принимают на практики студентов по рекомендации от коллег, трое предпочитают размещать вакансии на стандартных job-источниках.

Польза прохождения стажировок в малом бизнесе для студентов с точки зрения директоров кадровых агентств. Более 85% опрошенных убеждены, что прохождение практики / стажировки в их компании дает возможность начинающим сотрудникам приобрести реальный практический опыт работы в рекрутинге. 4 из 7 директоров в качестве значимости прелиминаринга для студентов отмечают возможность трудоустроиться после окончания практики / стажировки.

Достоинства и ограничения прелиминаринга с точки зрения представителей кадровых агентств. Распределение ответов респондентов на одноименный вопрос представлено на рис. 3 (зелёным цветом обозначены варианты преимуществ прелиминаринга, красным – недостатки).

Ответы на ранее заданный вопрос про цели прелиминаринга напрямую коррелируют с предложенными вариантами ответа на вопрос о его достоинствах. Можно констатировать, что основную пользу использования прелиминаринга директора малых организаций видят в оперативной поддержке штатных консультантов при большой рабочей нагрузке, возможности «взращивания» готового специалиста внутри компании, обученного в соответствии со всеми корпоративными стандартами, а также в возможности увидеть потенциального будущего сотрудника «в деле». Ключевые ограничения прелиминаринга опрошенные видят в сложности подстроить ра-

бочий график под учебную деятельность, временные затраты на обучение и финансовые издержки на оплату труда (в случае, если речь идет о полноценной оплачиваемой стажировке).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие преимущества и недостатки прелиминаринга для Вашей компании Вы можете выделить?»

Также в ходе опроса директоров был определен *портрет потенциального практиканта кадрового агентства*. В соответствии с полученными данными образ потенциального практиканта в глазах представителей малого бизнеса — это студенты, выпускники вузов, получающие высшее образование на данный момент времени (в приоритете у большинства респондентов очная форма обучения, направление подготовки, как и пол стажера не имеет значения).

В будущих стажерах работодатель ценит в первую очередь интерес к профессии рекрутера, ответственный подход к задачам и ориентацию студентов на конечный результат.

Взаимодействие с целевой аудиторией: актуальные и перспективные форматы. Одна из задач исследования — определить, какие форматы взаимодействия со студентами использует компания на данный момент и в реализации каких заинтересована в будущем. Сводная информация с результатами представлена в табл. 3.

Можно сделать вывод, что иницилируемая активность во взаимодействии со студенческой аудиторией у кадровых агентств крайне низкая: зачастую компании предлагают пройти ребятам бесплатную вузовскую практику либо оплачиваемую стажировку, однако не принимают активного участия в event-мероприятиях для студентов. Вместе с тем более половины опрошенных проявили интерес к такому формату взаимодействия, как кейс-чемпионаты, тематические мастер-классы, и в будущем планируют их осуществление для целевой аудитории.

Квиз-чемпионат как метод привлечения молодых сотрудников: разработка сценария проведения для кадровых агентств. По итогам исследования определены форматы карьерных мероприятий, которые, с одной стороны, являются приоритетными для целевой аудитории студентов, а с другой – будут доступны для компаний сферы малого бизнеса: встречи с представителями компании, мастер-классы от представителей компании, welcome day в организации. В качестве основной практической рекомендации авторами был разработан план реализации студенческого квиз-чемпионата. К реализации данного квиза можно подойти гибко: использовать как самостоятельное мероприятие в форме встречи с представителями работодателя либо включить в содержание welcome day.

Таблица 3. Результаты ответов респондентов на вопрос: «Какие формы сотрудничества со студентами использует Ваша компания? В каких из них Вы планируете принять участие в будущем?»

Формат	Практикуем	Не практикуем, но планируем	Не практикуем и не планируем
Предлагаем пройти полноценную стажировку с оплатой труда	4	2	1
Проводим День открытых дверей	0	3	4
Организуем кейс-чемпионаты, деловые игры	0	5	2
Готовим тематические мастер-классы	1	4	2
Предоставляем возможность пройти неоплачиваемую практику в компании, предусмотренную программой обучения в вузе	4	2	1
Участвуем в карьерных мероприятиях (например, «Ночь карьеры» от УрФУ)	0	4	3
Свой вариант	–	–	–

Сущность: квиз – относительно новый популярный формат коммуникации с целевой аудиторией. Вопросы викторины, ограниченное время на ответ, соревновательный элемент и моментальный результат являются теми отличительными характеристиками, которые способны привлечь внимание представителей поколения Z. В период пандемии коронавируса особую актуальность приобрели квизы, организованные на онлайн-платформах.

Концепция: квиз состоит из 6 последовательных раундов, тематика вопросов каждого раунда сопряжена со сферой HR. Данный аспект носит функцию не только привлечения целевой аудитории, но и просвещения будущих профессионалов в области рекрутинга. Участие студентов предполагает индивидуальный характер в целях определения по итогам мероприятия победителей, которые получают брендированные подарки и возможность пройти стажировку в кадровом агентстве. В данном случае визуальный контент был оформлен в соответствии с фирменным корпоратив-

ным стилем кадрового агентства IBC Human Resources, скриншот слайда представлен на рис. 4.

Содержание квиза. Для реализации была предложена структура мероприятия, которая отражена в табл. 4.

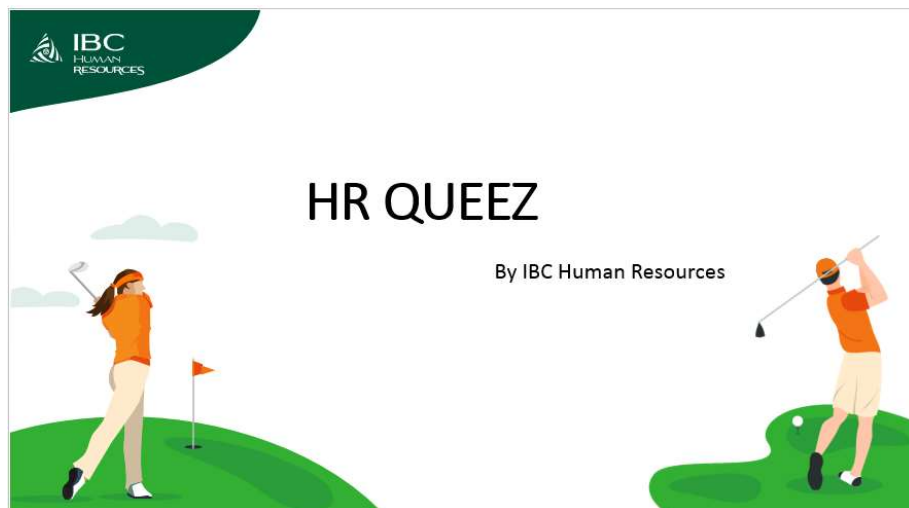

Рис. 4. Оформление онлайн-квиза в фирменном стиле IBC HR

Таблица 4. Содержание этапов проведения студенческого квиза

Вводная часть: приветствие, знакомство, общие факты о компании
Раунд 1. Разминка (блиц-тест)
Раунд 2. Сопоставление («Найди меня»)
Раунд 3. Музыкальный раунд («Музыка в сердцах hr»)
Перерыв
Раунд 4. HR-кейсы («Покейсим?»)
Раунд 5. Видеораунд («Видео в студию!»)
Раунд 6. Викторина по hr-новостям («По секрету всему свету»)
Заключительная часть: подсчет результатов, объявление победителей

Оценивание каждого раунда производится жюри в балльной системе (для процедур оценивания был разработан лист оценки участников). Завершает квиз серия видеороликов-визиток сотрудников кадрового агентства, во время которой осуществляется подсчет суммы баллов участников, формируется общий рейтинг. Ориентировочная продолжительность мероприятия – 120 минут. По итогам онлайн-квиза всем студентам по e-mail будут отправлены сертификаты участников, а победители (первые 5 в рейтинге) получают памятные призы от компании (фирменные ежедневники, кружки, ручки, блокноты, коврики под мышки – словом, всё то, что действительно пригодится студентам) и будут приглашены на стажировку в агентство.

Заключение. На сегодняшний день вопрос поиска и привлечения талантливой молодежи является актуальным не только для крупных компаний, но и для организаций малого бизнеса. В рамках настоящей статьи в качестве одного из путей решения данных проблем рассмотрен прелиминаринг как метод привлечения студентов и выпускников вузов посредством практики и стажировки с возможностью дальнейшего трудоустройства в компанию. На основе проведенных исследований авторы пришли к выводу, что интерес к данному взаимодействию является обоюдным: мы выяснили, что в возможностях трудоустройства в результате прохождения практики заинтересованы как работодатели, так и студенты. В качестве практического инструмента нами предложен интерактивный формат квиз-чемпионата, представляющий особый интерес для молодого поколения. В качестве планируемых результатов реализации квиза выделим:

1. Формирование пула студентов, готовых пройти стажировку в IBC HR.
2. Увеличение базы данных стажёров, которые в будущем смогут занять должность ассистента по подбору персонала в кадровом агентстве.
3. Укрепление HR-бренда компании малого бизнеса среди целевой аудитории.

В заключении стоит отметить долгосрочные перспективы организации квиза. Во-первых, данное мероприятие может служить отправной точкой для организации последующего взаимодействия со студентами на постоянной и системной основе. Например, логическим продолжением может стать серия мастер-классов от сотрудников кадровых агентств. Для того чтобы содержание мастер-класса коррелировало с потребностями целевой аудитории, целесообразно запустить онлайн-опросы для подписчиков на официальных страницах компании во Vkontakte и Instagram. Во-вторых, предложенную разработку можно легко адаптировать к использованию в других компаниях, тем самым масштабировав данный опыт в других кадровых агентствах, входящих в Ассоциацию рекрутинговых агентств Урала. В частности, каждое агентство имеет свой корпоративный стиль, в соответствии с которым можно оформить визуальную составляющую квиза. В-третьих, есть возможность гибко менять формат проведения предложенного мероприятия. В данном случае был предложен онлайн-формат реализации с учетом 2 факторов: эпидемиологической ситуации ввиду пандемии коронавируса и поколенческих особенностей мотивации целевой аудитории (поколение Z, питающее особый интерес к сфере digital-технологий). Исходя из этого, данная разработка позволит принять участие кадрового агентства во внешних карьерных мероприятиях, организуемых для студентов (on-line / off-line). Анализ статистики показал, что с каждым годом число карьерных мероприятий для студентов, выпускников и молодых специалистов планомерно увеличивается. Соответственно, увеличивается и число потенциальных площадок проведения данного квиза.

Список источников

1. Демидкина К. Зумеры на бирже труда: как пандемия лишила поколение 20-летних работы мечты // *www.forbes.ru*. URL: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/402171-zumery-na-birzhe-truda-kak-pandemiya-lishila-pokolenie-20-letnih-raboty>
2. Гудашова Л.Е. Предпринимательство в России: проблемы и особенности // *Современная конкуренция*. 2013. № 2 (38). С. 39–45.
3. Сектор малого предпринимательства: Россия и мир // Институт экономики роста им. П.А. Столыпина : сайт. URL: <http://stolypin.institute/novosti/sector-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir/>
4. Развитие малого и среднего бизнеса в России // АО «Сбербанк» : сайт. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/analytics/s_m_business_dev.pdf
5. Доля субъектов МСП в российском бизнесе в августе снизилась на 1% // *www.tass.ru*. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9172341>
6. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // *Российская газета*. 2007. 31 июля.
7. Быковская Ю.В., Иванова Л.Н., Сафохина Е.А. Малое и среднее предпринимательство в современной России: состояние, проблемы и направления развития // *Вестник Евразийской науки*. 2018. № 5. С. 1–6.
8. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/>
9. Агеев М.Н., Семина А.П. Анализ и совершенствование технологий рекрутмента лётного персонала авиакомпании // *Московский экономический журнал*. 2019. № 11. С. 797–806.
10. Лустина Т.Н., Панова А.Г. Использование современных персонал-технологий в индустрии гостеприимства (на примере гостиничных предприятий города Москвы) // *Сервис plus*. 2018. Т. 12, № 1. С. 33–45.
11. Шинкович Е. Прелиминаринг – тот ещё кадр // *Кадровик. Управление персоналом*. 2014. № 13. URL: <http://profmedia.by/pub/kadrovik/art/detail.php?ID=90237>
12. Козина Е.С., Фадейкина В.С. Прелиминаринг как инструмент обеспечения государственно-частного партнерства в сфере профессионального образования // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 1. С. 263–270.

References

1. Demidkina, K. (2020) Zumery na birzhe truda: kak pandemiya lishila pokolenie 20-letnikh raboty mechtty [Zoomers at the labor exchange: how the pandemic deprived a generation of 20-year-olds of a dream job]. *Forbes*. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/402171-zumery-na-birzhe-truda-kak-pandemiya-lishila-pokolenie-20-letnih-raboty>
2. Gudashova, L.E. (2013) Intrepreneurship in Russia: problems and peculiarities. *Sovremennaya konkurentsia – Journal of Modern Competition*. 2 (38). pp. 39–45. (In Russian).
3. Institute for the Economy of Growth, Stolypin P.A. (2018) *Sektor malogo predprinimatel'stva: Rossiya i mir* [Small business sector: Russia and the World]. [Online] Available from: <http://stolypin.institute/novosti/sector-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir>.
4. Sberbank. (2019) *Razvitie malogo i srednego biznesa v Rossii*. [Online] Available from: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/analytics/s_m_business_dev.pdf.
5. TASS.RU. (2020) *Dolya sub'ektov MSP v rossiyskom biznese v avguste snizilas' na 1%* [The share of SMEs in Russian business decreased by 1% in August]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/9172341>.

6. Rossiyskaya gazeta. (2007) *Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 2007 g. 209-FZ "O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2007 "On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation"]].
7. Bykovskaya, Yu.V., Ivanova, L.N. & Safokhina, E.A. (2018) Small and medium-sized business in modern Russia: the state, problems and directions of development. *Vestnik Evraziyskoy nauki – The Eurasian Scientific Journal*. 5. pp. 1–6. (In Russian).
8. Garant. (2018) *On the approval of the Strategy for the Development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1083-r of June 02, 2016 (edition of March 30, 2018)*. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202>. (In Russian).
9. Ageev, M.N. & Semina, A.P. (2019) Analysis and improvement of selection technologies of flight personnel in the aviacompany. *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal – Moscow Economic Journal*. 11. pp. 797–806. (In Russian). DOI: 10.24411/2413-046X-2019-10166
10. Lustina, T.N. & Panova, A.G. (2018) The use of modern staff technologies in the hospitality industry (by the example of Moscow hotels). *Servis plus – Service Plus*. 1 (12). pp. 33–45. (In Russian). DOI: 10.24411/2413-693X-2018-10104
11. Shinkorevich, E. (2014) Preliminaring – tot eshche kadr [Preliminaring is a piece of work]. *Kadrovik. Upravlenie personalom*. 13. [Online] Available from: <http://profmedia.by/pub/kadrovik/art/detail.php?ID=90237>.
12. Kozina, E.S. & Fadeykina, V.S. (2016) Preliminaring as the instrument of ensuring public-private partnership in the sphere of professional education. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, the Law and Sociology*. 1. pp. 263–270. (In Russian).

Сведения об авторах:

Казакова М.И. – кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: kazakova-berater@mail.ru

Шурмина Т.В. – магистрант кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: tatiana.shurmina@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.I. Kazakova, Cand. Sci. (Philosophy), Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. E-mail: kazakova-berater@mail.ru

T.V. Shurmina, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. E-mail: tatiana.shurmina@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Original article

UDC 336.1

doi: 10.17223/19988648/57/12

The efficiency of the healthcare sector: Evidence from Mongolia

Suvdaa Damiran¹, Odbileg Dorjdagva², Battulga Sukhbaatar³

^{1, 2, 3} National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

¹ d.suvdaa@num.edu.mn

² odbileg@num.edu.mn

³ battulga@mnums.edu.mn

Abstract. This research aims to investigate the efficiency level of Mongolia's healthcare sector using statistical analysis. Based on previous research, the following three hypotheses are made: (i) The financing of the healthcare sector has no strong impact on healthcare sector efficiency; (ii) There is a statistically significant relation between the general indicators of the healthcare system; (iii) Compared to the healthcare systems of other countries that are based on unity, the operations of financial revenue collector and allocation organizations of Mongolia's healthcare sector are inconsistent. In this research, the DEA method is used to determine the efficiency of Mongolia's healthcare sector. The research results show that the efficiency rate of Mongolia's healthcare sector is 94.55%, with the most influential factor being the number of doctors. The research determines the relation between 11 general indicators of the healthcare system. Total expenditure on healthcare as a percentage of GDP is not significantly related to the health sector's general indicators. The health sector's budget expenditure is insufficient. The analysis of the third hypothesis in the research shows no coherence in the activities of financial collector and allocation organizations of Mongolia's healthcare sector. There is no independent accumulative entity and there is no unified system for allocating the multiple sources of funding. However, a comparative study on the healthcare systems of two countries, Kazakhstan and Bangladesh, shows that financial allocation done by a single organization is fundamental for increasing the efficiency of the healthcare sector. Therefore, a single buyer system is advised for Mongolia.

Keywords: healthcare sector efficiency, health care financing, health insurance system, data envelopment analysis, life expectancy, number of doctors, hospital beds, HALE, infant mortality rate

For citation: Damiran, S., Dorjdagva, O. & Sukhbaatar, B. (2022) The efficiency of the healthcare sector: Evidence from Mongolia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 175–191. doi: 10.17223/19988648/57/12

Introduction

Many factors that determine a country's development, such as its level of development, economic strength, and living standards, are more or less related

to human capital, or the health of every citizen. Hence, many countries pay special attention to its health sector. At this current time, with the world facing the COVID-19 pandemic, the healthcare sector is becoming increasingly important for countries.

In this research, we have only considered financial sources such as the state budget, the Health Insurance Fund, the operational income of health organizations, and external financing to determine the efficiency of Mongolia's healthcare sector. As of 2020, about 70 percent of the healthcare sector is funded by the state budget, more than 26 percent is funded by the Health Insurance Fund, and the remaining 4 percent is funded by other sources.

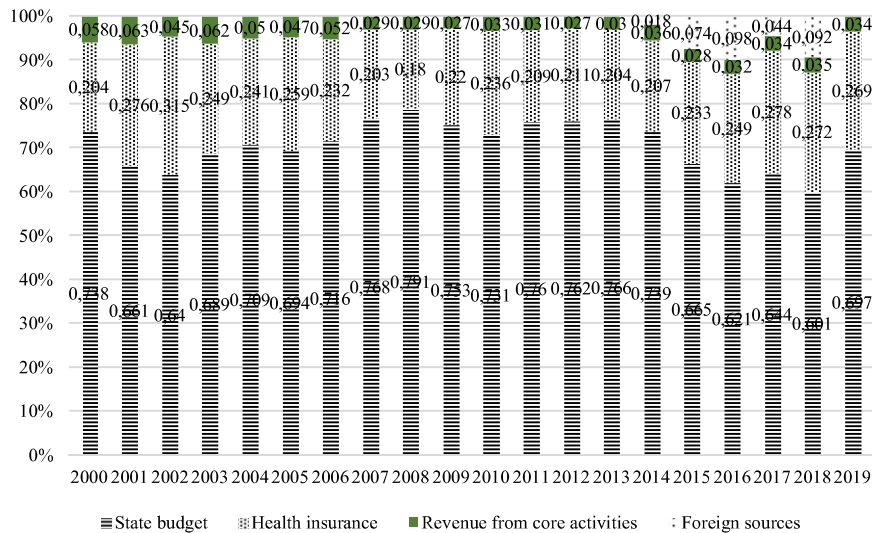

Fig. 1. Structure of healthcare sector expenditure funding sources (%) [1].

Therefore, we believe that the findings of a study of the financing system of Mongolia's healthcare sector and its efficiency will have an important impact on the further development of this sector.

Research hypotheses:

The research tries to investigate the following hypotheses:

- 1) The financing of the healthcare sector has no strong impact on efficiency;
- 2) There is a statistically significant relation between the general indicators of the healthcare system;
- 3) Compared to the healthcare systems of other countries that are based on unity, the operations of financial collector and allocation organizations of Mongolia's healthcare sector are inconsistent.

Research Objectives: The aim of this research is to determine the factors that affect the efficiency of Mongolia's healthcare sector and analyze its efficiency over the past 19 years.

Literature Review

Laura Asandului et al. [2] assessed the efficiency of Europe's healthcare sector using 2010 statistics from 30 European countries. The researchers selected life expectancy at birth, health adjusted life expectancy, and infant mortality rate for output variables and the number of doctors, the number of hospital beds, and public health expenditure as percentage of GDP for input variables. The results of their study showed that there were a number of developed and developing countries on the border of efficiency, and most of the countries included in the sample were inefficient.

Martine Audibert et al. [3] used the Data Envelopment Analysis (DEA) model to examine the efficiency of China's rural hospitals and provided recommendations for health insurance system reforms. The results of the study showed that technical efficiency of China's rural hospitals had decreased over the previous years and concluded that the amount of funding had no positive effect on increasing technical efficiency. Martine Audibert et al. [4] emphasized that the results of the DEA method can be used practically.

Rising costs have mainly hit the insurance sector, which now takes up a larger share of payments for health care than government. Government spending as a proportion of the total expenditure on health declined from 30 percent to 20 percent between 1980 and 1988; labour insurance comprised 32 percent, but the largest contribution (36 percent) came from self-financed, fee-for-service payments. The majority of these are made in rural areas where most people do not have health insurance [5].

Laurene Petitfour [6] evaluated the efficiency of Mongolia's healthcare sector from 1995 to 2014 in her research. She identified potential factors that could increase the efficiency of the healthcare sector in Ulaanbaatar, Mongolia, by about 30 percent. Nonparametric efficiency models and the introduction of environmental variables in efficiency analyses were used in the research.

R. A. Mozir Ahmetov [7] explored the healthcare information of Uzbekistan, a country which is nearly identical to Mongolia. The Soviet model of allocating state funds to public organizations is determined by a strict detailed budgeting process, with almost no flexibility to shift funds between different sectors, which leads to consistency. In 1999, Uzbekistan's government confirmed a new decree with major changes to the budgeting of public organizations. These changes aimed to improve the efficiency and effectiveness of budgetary allocations through increased organizational independence in management and decision-making. The new mechanism introduced a single budget line, with four subcategories.

Although researchers are studying the issues facing Mongolia's healthcare sector, there has yet to exist a significant study evaluating the sector's efficiency. Thus, our research will be the first to evaluate the efficiency of Mongolia's healthcare sector. We believe that this will be an important contribution to the further development of the sector.

Methodology

Data Envelopment Analysis (DEA) method

When it comes to the field of health economics, analysis of hospital efficiency is of utmost importance [8]. Currently, there are two methods to conduct this analysis: a parametric approach (stochastic frontier analysis) and a non-parametric approach (free disposal hull and data envelopment analysis). Farrell [9] was the first to utilize a frontier method that used the distance between the decision-making unit's observed level of outputs and inputs and the best practice production frontier to evaluate the decision-making unit's efficiency. This later on served as the basis of the DEA model, which uses linear programming to determine the best practice production frontier, first proposed by Charnes et al. [10].

The efficiency score is measured between 0 to 1, which represents 0 to 100 percent. Less than 100% indicates inefficiency compared to other units (packages). For each decision-making unit, the input and output are represented by the following variables:

$$Input = v_1x_{10} + \dots + v_mx_{m0}$$

$$Output = u_1y_{10} + \dots + u_sy_{s0}$$

In order to determine weight, the objective function below is maximized. This determined weight is unequal and will be different for each decision-making unit. As the data will be used to measure the efficiency of each decision-making unit, optimization will be done for each decision-making unit.

Objective function:

$$\frac{Output}{Input} = \frac{u_1y_{10} + \dots + u_sy_{s0}}{v_1x_{10} + \dots + v_mx_{m0}} \rightarrow \max \quad (1)$$

Constraints output:

$$\frac{u_1y_{1j} + \dots + u_sy_{sj}}{v_1x_{1j} + \dots + v_mx_{mj}} \leq 1 \quad (j = 1, \dots, n) \quad (2)$$

$$v_1, v_2, \dots, v_m \geq 0, u_1, u_2, \dots, u_s \geq 0 \quad (3)$$

We reduce that problem to next the general fractional linear constrained problem:

$$F(x) = \frac{u_1y_{10} + \dots + u_sy_{s0}}{v_1x_{10} + \dots + v_mx_{m0}} \rightarrow \max \quad (1')$$

Linearized constraints:

$$u_1y_{1j} + \dots + u_sy_{sj} - v_1x_{1j} - \dots - v_mx_{mj} \leq 0 \quad (j = 1, \dots, n) \quad (2')$$

$$v_1, v_2, \dots, v_m \geq 0, u_1, u_2, \dots, u_s \geq 0 \quad (3')$$

The fractional programming equation was solved using the 'fmincon' package of MatLab.

Results

Current state of Mongolia's healthcare system

Mongolia implements the Bismarck model, which is based on the principle of solidarity in health financing. The Bismarck model is also referred to as the social health insurance model.

In this research, the following indicators will be considered.

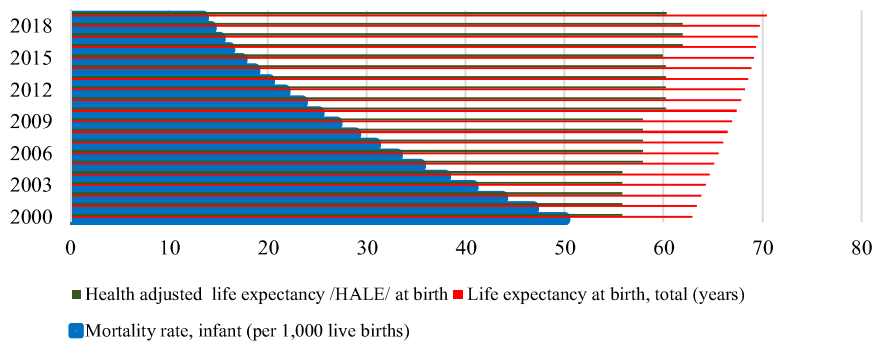

Fig. 2. Indicators of Mongolia's healthcare sector¹. Source: WHO. Retrieved from: <https://www.who.int/data/gho/indicator-metadata-registry/imr-details/66> (Accessed: 08.02.2021)

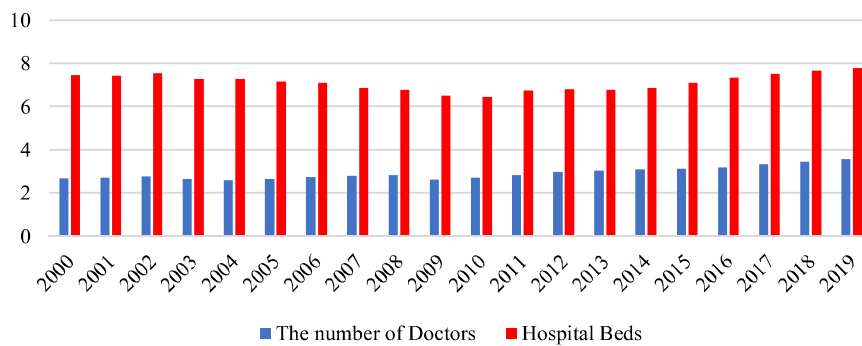

Fig. 3. Indicators of Mongolia's healthcare sector². Source: NSO of Mongolia. Retrieved from: https://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_2100_005V1 (Accessed: 05.02.2021)

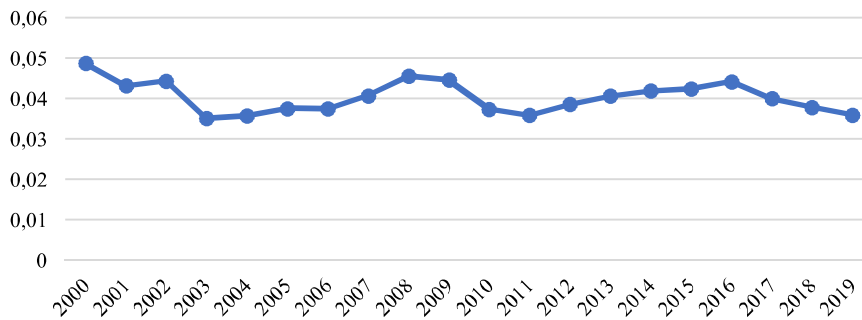

Fig. 4. Total expenditure on health as percentage of GDP. Source: World Bank. Retrieved from: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS?locations=MN> (Accessed: 12.02.2021)

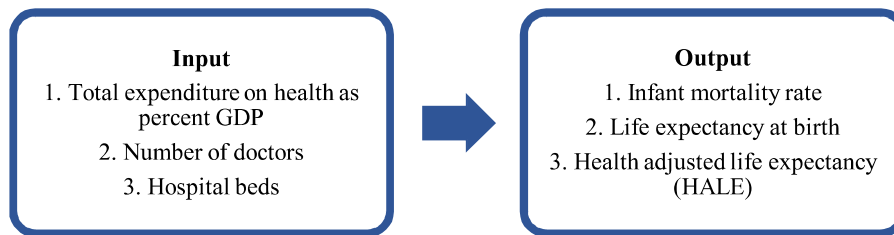
¹ Input variables.

² In both cases, statistical data are calculated for 10,000 inhabitants.

Our study of some important indicators of the healthcare sector showed that between 2000 and 2019, life expectancy increased by 1.1 times, infant mortality decreased by 3.5 times; the number of hospital beds and doctors increased from 2000 to 2019. These results can be considered as a sign of certain progress made in the healthcare sector between 2000–2019.

Data Envelopment Analysis

As mentioned in the methodology, when performing a DEA, the input and output variables of decision-making units are determined and the efficiency factor is derived. The efficiency factor value of less than 1 indicates that it is inefficient compared to other units. Using the DEA method, the following input and output variables were used to estimate Mongolia's healthcare sector efficiency.

The first input variable refers to *the percentage of GDP allotted to healthcare*. It consists of recurrent and capital spending from government (central and local) budgets, external borrowings and grants (including donations from international agencies and nongovernmental organizations), and social (or compulsory) health insurance funds.

The second input variable describes the human resource most valuable in healthcare system: *the number of doctors*. *Hospital Beds* are also included in the model as the third input variable. In both cases, statistical data are calculated for 1,000 inhabitants.

Health adjusted life expectancy (HALE) (also called disability-free life expectancy) measures the number of remaining years that a person of a certain age is supposed to live without disability. It is a solid indicator to monitor health as a productivity/economic factor.

Infant mortality rate represents the ratio of the number of deaths of children under one year of age during the year to the number of live births in the same year. The value is expressed per 1,000 live births.

The indicators above were based on data from 2000 to 2019, which were collected from the World Health Organization, the World Bank, the National Statistical Office of Mongolia, and healthcare sector statistics.

Numerical Results

Correlation tests of the input and output variables indicate that there is no significant relationship between the input variables. They also indicate that there is a significant correlation between life expectancy and health adjusted life ex-

pectancy (HALE). However, the tests show that infant mortality rate is inversely related to life expectancy and health adjusted life expectancy.

Table 1. Correlation between input and output variables

	y_1	y_2	y_3	x_1	x_2	x_3
y_1	1	-0.99486	-0.94182	0.2507	-0.79756	0.115375
y_2		1	0.942089	-0.22762	0.837324	-0.06193
y_3			1	-0.19189	0.778286	-0.07926
x_1				1	-0.10262	-0.0107
x_2					1	0.44602
x_3						1

Source: Authors' calculations.

The DEA method was used for the problem (1') - (3').

Linearized condition:

$$u_1 \cdot y_{1j} + u_2 \cdot y_{2j} + u_3 \cdot y_{3j} - v_1 \cdot x_{1j} - v_2 \cdot x_{2j} - v_3 \cdot x_{3j} \leq 0;$$

$$j = 1, 20; \text{ (2000-2019 years)}$$

Objective function:

$$F(x) = \frac{u_1 \cdot y_{10} + u_2 \cdot y_{20} + u_3 \cdot y_{30}}{v_1 \cdot x_{10} + v_2 \cdot x_{20} + v_3 \cdot x_{30}} \rightarrow \max;$$

where $y_{10}, y_{20}, y_{30}, x_{10}, x_{20}, x_{30}$ as the 20-year averages of the input and output variables.

The optimal solution of the fractional programming problem:

$$x = (y_{10}, y_{20}, y_{30}, x_{10}, x_{20}, x_{30}) = (0.018731782; 0.000421753; 0.036154706; 0.042588062; 0.013061740; 0.391389701) \text{ and } F_{\max} = 0.945516894.$$

The value of the objective function showed that the selected input variables had a 94.5 percent effect on the selected output variables, indicating that the input variables were efficient. It should be noted that the selected input variables had the greatest impact on HALE, as evidenced by the optimal solution.

Among the selected input variables, the number of doctors had the strongest impact on the output variables, while the number of hospital beds had the least. Additionally, the total expenditure on healthcare as a percentage of GDP had a moderate impact, confirming our first hypothesis – financing of the healthcare sector has no strong impact on efficiency.

In the case of Mongolia, infant mortality has declined over the last 10 years. In 2019, the death rate per 1,000 live births reached a record low of 13.3. As of 2019, 1,041 cases of infant mortality were registered, of which 841 cases or 80.8 percent were hospital deaths. Of the registered hospital deaths, 25.2 percent were deaths of infants with a hospital length of stay less than 24 hours. The average mortality rate of infants with a hospital length of stay less than 24 hours in the last 10 years was 28.6 percent. In 2019, this rate decreased by 3.4 percent from the 10-year average and by 0.1 percent from the previous year. Perinatal morbidity accounted for 71 percent of these deaths. Research shows that increasing the number of doctors is the most effective way to reduce infant mortality.

Similar to the research done by Agnieszka Bem et al. [11], the Pearson correlation coefficient methodology was used on Mongolia's healthcare sector data to test the relationship between the general indicators of the healthcare system.

For Mongolia's case, statistical data from 2000–2018 (for some indicators, there was no data for 2019) of the following variables were used to test the correlation between total healthcare expenditure and healthcare indicators. These include:

Table 2. Pearson's correlation coefficients matrix

	z ₁	z ₂	z ₃	z ₄	z ₅	z ₆	z ₇	z ₈	z ₉	z ₁₀	z ₁₁
z ₁	1	-0.03	0.00	-0.36	-0.06	-0.15	-0.11	-0.18	0.19	-0.37	-0.48
z ₂		1.00	0.99	0.81	0.99	0.95	0.96	0.93	-0.93	0.81	0.56
z ₃			1.00	0.75	0.96	0.95	0.96	0.94	-0.93	0.82	0.56
z ₄				1.00	0.88	0.79	0.79	0.79	-0.78	0.76	0.60
z ₅					1.00	0.92	0.93	0.90	-0.89	0.79	0.55
z ₆						1.00	1.00	1.00	-1.00	0.91	0.67
z ₇							1.00	0.99	-0.99	0.89	0.64
z ₈								1.00	-1.00	0.93	0.70
z ₉									1.00	-0.93	-0.71
z ₁₀										1.00	0.90
z ₁₁											1.00

Source: Authors' calculations.

According to Pearson's matrix (Table 2), there is no statistically significant relationship between total healthcare expenditure as percentage of GDP (z₁) and main healthcare sector indicators. This indicates that the budget for Mongolia's healthcare sector is too small and therefore insufficient.

However, z₂, z₃ are strongly correlated to the average life expectancy of the population, regardless of gender (z₆, z₇, z₈), and are inversely related to z₉, infant mortality rate per 1,000 births. Additionally, z₂ and z₃ are directly correlated to z₁₀ /potential years of life lost (PYLL), all causes, female population/. However, they are not correlated to z₁₁. The next interesting finding is that z₅ /out-of-pocket expenditure on health per capita, USD PPP/, although strongly correlated with average life expectancy of the population, is not related to z₁₀.

Discussion

Differences in healthcare sector financing mechanisms in developing countries and Mongolia

Although each country has a different healthcare financing system, the general financing mechanism has three main steps: revenue collection, accumulation, and distribution. On the basis of these steps, it is possible to provide medical services to the population through both the public and private sectors.

Figure 5 shows the benchmarks of the financing systems of developing countries. It illustrates that, although there are many sources of financing, such as taxes, fees, and mandates, they are all accumulated in a single fund and distributed within the framework of specific goals and directions.

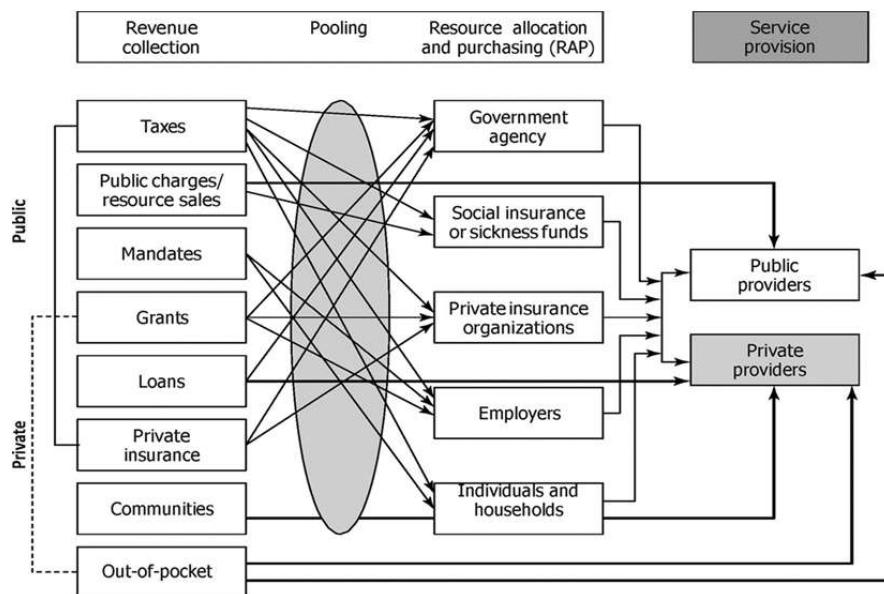

Fig. 5. Interactions among different sources of healthcare financing and service delivery.
Source: [12], Retrieved from: <https://bmjopen.bmj.com/content/4/12/e006806>
(Accessed: 01.03.2021)

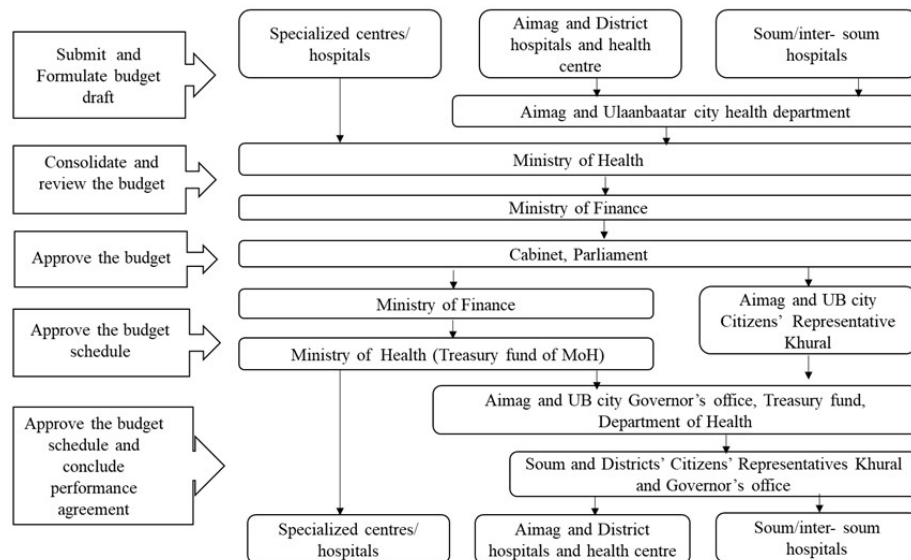

Fig. 6. Distribution/flow of the financing for Mongolia's healthcare sector
Source: [13], Retrieved from: <http://meh.mn/wp-content/uploads/2020/05/Strategic-purchasing-report-edited-WHO-comment-MN.pdf>, (Accessed:18.02.2021)

The benchmark shown in Figure 5 has a single accumulative body that combines the multiple sources of funding. Davidson R. Gwatkin [14] found that an indirect

approach to providing healthcare is inappropriate in cases where the World Bank's Corruption Perceptions Index is less than 50. As Mongolia's Corruption Perceptions Index (CPI) is 35 [15], a direct approach to providing healthcare is more appropriate. The direct approach to providing healthcare means one organization would be in charge of both financing healthcare and providing it to the population. Therefore, there should be one participating organization to combine revenue. However, Mongolia does not have a consolidation component and instead has many participants, which makes the management of healthcare financing different from those of other developing countries.

Under the previous centralized Semashko system model, Mongolia's health care delivery system was state-owned, hierarchically organized, and the health care providers are paid from the general tax fund as an economy-based income-based budget form. The Semashko model funding and service delivery system creates a number of inefficiencies at all levels of healthcare [16].

Comparative analysis

According to the World Bank classification, Mongolia is a below average income country. Two other countries in this category, Kazakhstan and Bangladesh, were selected in order to comparatively study how the difference in financing impacts the efficiency of the health sector.

Rationale for choosing Kazakhstan and Bangladesh:

1. In both Kazakhstan and Mongolia, prior to 1990, the government was solely responsible for financing the health sector and provided free healthcare to citizens. However, with the transition from a socialist to market economy, it was no longer possible for the state to finance healthcare provision on its own. Hence, Kazakhstan was chosen because the initial conditions for the transition to a health insurance system and the political situation at the time were similar.

2. There are many different policies that can be developed and implemented in the health sector, but they are limited by financing. Funds can be raised not only from the domestic market, but also from foreign loans and grants. However, loans and aid from other countries are closely linked to the country's economic situation. For example, in 2011, the number of healthcare projects implemented by the World Bank in Rwanda was four times more than those being implemented in Mongolia. The amount of funding from the domestic market also depends on the economic capacity of the country. For example, in 2015, Switzerland spent 12% of GDP on health, while low-income countries spent 5%. Therefore, in order to compare Mongolia to a country with similar income levels, Bangladesh was chosen.

Kazakhstan has the largest territory, Bangladesh has the largest population and the highest average life expectancy, and Mongolia has the fastest population growth. Let us compare the main healthcare sector indicators of these countries.

For the selected countries, some healthcare sector variables for 2003 and 2019 are shown in Table 4.

Table 3. General comparison of the chosen countries

Country name	Mongolia	Bangladesh	Kazakhstan
Territory	1564116 km ²	148460 km ²	2724900 km ²
Population	3,296,866	157,826,578	18,556,698
Life expectancy	70.4	74.4	73.1
GDP per capita	4295\$	4200\$	9731\$

Source: Trading economics, 2019.

Table 4. Comparison of main healthcare sector indicators

Indicators		Mongolia	Bangladesh	Kazakhstan
Life expectancy	2003	64.2	58.4	68.3
	2019	70.4	74.5	73.1
Infant mortality (per 1,000 children)	2003	40.7	99.7	44.4
	2019	13.4	28.2	10.1
Spending (Percentage of GDP)	2003	3.5	2.7	4.2
	2019	3.6	2.6	3.9
Number of doctors (per 1,000 people)	2003	2.6	0.3	13.7
	2019	3.6	0.8	6.8
Number of beds (1,000 people)	2003	7.3	0.2	4
	2019	7.8	0.5	3.6

Source: World Bank, 2020.

Average life expectancy in these three countries increased faster than that of developed countries. Bangladesh had the highest increase in average life expectancy since 2003. Infant mortality decreased 3 times in Mongolia, 3 times in Bangladesh and 4 times in Kazakhstan. Healthcare expenditure as a percentage of GDP had a relatively less change in Mongolia and Bangladesh, however, Kazakhstan had high expenditures in 2003 due to political influence. While the number of doctors and hospital beds (per 1,000 people) increased during the mentioned period in both Mongolia and Bangladesh, it decreased in Kazakhstan.

Table 5. Healthcare financing in Mongolia, Bangladesh, and Kazakhstan

	Mongolia	Bangladesh	Kazakhstan
Source of income	Government employee, 2%; employer, 2%	Other countries, out-of-pocket payments, government	Government, 60%; out-of-pocket employee, 1%; employer, 2%
Accumulation	Health insurance fund	Insurance fund Ministry of Finance	Ministry of Finance, Ministry of Health, Planning organization
Distribution	Ministry of Finance, Social Insurance Fund	Fund	Planning organization
Implementer	Public, 80%; private, 20%	Public, 70%; private, 30%	Public, 70%; private, 30%

Source: WHO, 2020.

Features of Mongolia's healthcare sector

Prior to 1990, the Mongolian government solely financed citizens' social security matters, specifically those relating to public health. After its transition to a market economy, three participants – the government, the employer, and the insured – started participating and deciding cooperatively. In other words, the social insurance system has been in place since 1995 and is still being implemented.

Mongolia introduced its Budget Expenditure Reform in 2002 for the second time since the transition to a market economy in 1990. Within the framework of this reform, the Law on Public Sector Management and Finance was re-approved and a system of product and service or performance-based financing of all budgetary entities was implemented for a period of 10 years from 2003 to 2012 [17].

In order to implement this reform, the Mongolian government received financial and technical assistance from international financial institutions. An example of this was the Public Sector Management and Financing Reform project jointly implemented by ADB and the GOM. "Defining a public entity's product and service is important in planning which products to supply and the budget and resources required to meet the objectives set for the planning period" [18]. The model template is used to determine how it relates to products and services at the local and sectoral levels.

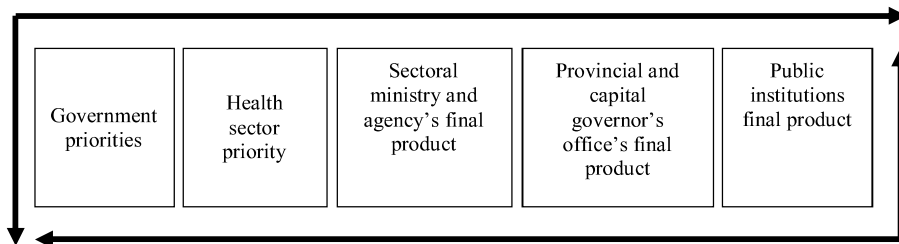

Fig. 7. The model template to determine public products and services. Source: [19]

This budget expenditure reform was implemented unsuccessfully. Since 2012, program-based budgeting has been implemented. In 2016–2020, the Government of Mongolia aims to reform the health insurance system, to fully cover citizens with health insurance, to create an environment for every insured person to receive high-quality healthcare services regardless of their income state, without any financial difficulties, and to double the health sector financing step by step¹.

Although some new steps have been taken at the policy and system level in the field of health insurance, risks to health of the citizens still have not been covered.

The health sector financing and the health insurance system face the following challenges.

¹ Action Plan of the Government of Mongolia for 2016–2020.

Payment share of citizens for healthcare service is increasing. Mongolia's health sector financing system is mixed. It consists of: (1) state budget financing, (2) Health Insurance Fund, (3) individual payments. Currently, 40% of health financing is provided by the state budget, 20% by the Health Insurance Fund, and the remaining up to 40% is provided by citizens. According to the World Health Organization, if the healthcare financing amount paid by an individual exceeds 25 percent, poverty and income-related inequality will increase.

Both state financing for healthcare service and government contributions as a fee to the Health Insurance Fund are too low.

a) The World Health Organization reckons that it is appropriate when developing countries spend 5 to 6 percent of GDP on the health sector, but Mongolia spends an average of 4.0 percent (see Figure 4) and it has a tendency to decrease in recent years.

b) Health insurance fee paid by citizens whose insurance is covered by the government is set too low. According to the 2019 budget revenue structure, income from fee paid by employed insured people is 65.5%, and income from fee paid by the insured whose insurance is paid by the government is 20.6%. Government is in charge of fee of 58.8% of all insured people.

The Health Insurance Fund does not cover health risks.

Although health insurance is based on the principle of solidarity, it must also share the risk when an insured person faces health risk. But there is a smaller opportunity to get the health insurance service when citizens who pay a 4 percent fee (2% from the employer, 2% from the employee), especially young people and middle-aged people face risk. On the one hand, the healthcare service package does not fully cover the healthcare service which meets the needs and requirements of the insured; therefore, if it is not included in the specified healthcare service list, insured people make payments from their own pockets. On the other hand, due to the limited availability of the healthcare service and the high workload, queues in public hospitals, they do not receive the public hospital service but face an option in which they will have to pay for service in private hospitals, which do not have service with insurance.

The health insurance system depends on one ministry and the participation and control of the insured are low.

Although the first step towards an independent system was made by separating the Health Insurance Fund from social insurance and establishing the General Authority for Health Insurance in 2017 with the status of an implementing agency, it did not become a perfect restructuring. Also, management of the fund was directly dependent on government and especially on the Ministry of Health that receives certain amount of financing from the fund.

According to many researchers, developing the health sector based on the principle of solidarity is the right choice, but how to function with effective management still remains a concern. The payment method for financing health care providers to deliver a package of services related to the system is an important strategic procurement tool that can balance revenues and expenditures by providing incentives to service providers to increase quality and efficiency. This ultimately allows coverage to be expanded within existing resources [20].

In case of Mongolia, there are two functioning organizations: the buyer of the healthcare service (the Health Insurance Fund) and the service deliverer (the Ministry of Health). Therefore, it is recommended to separate the activities of these two organizations and transfer the right to control the service provider to the insured.

S.D. Erdene [21] cited that a reform to increase the responsibility of the state, business entities, and individuals, and to create an appropriate financial and economic structure is needed to ensure an equal and effective health care service for the health of the population. The following actions must be taken: to update civilian health insurance for market relationships; to create an integrated health data system; to concentrate the united health or service funding in uniform funds. It is important that Mongolia transforms the current system of two health care service buyers, the health sector budget administrator and the health insurance fund administrator, into a single buyer health care provider system. This means that the procurement of services will be separated from the provision of services and the Health Care Fund will be centralized to a single administrator. With one combined fund and a single customer, health funds will be concentrated in one fund to improve resource allocation, reduce inefficient spending, eliminate fragmented financing, increase the financial power and capital resources of one buyer, and eliminate bureaucracy thus it will be possible to create a performance-based incentive system.

Features of Bangladesh's healthcare sector

According to Islam Anwar [22], although the Ministry of Finance and the Health Insurance Fund are accumulating organizations for Bangladesh's health sector financing, distribution is done by the Health Insurance Fund alone. As compared to other countries, the income comes from multiple sources, which means it receives significant amount of loan and aid from other countries and international organizations. There is also a lot of private financing of citizens.

In 2012, the total health sector financing consisted of 23% of government funding, 8% of other countries' funding, 5% of voluntary healthcare fee, and 65% of individual financing (out-of-pocket money). Most of the out-of-pocket money (65%) was spent on medicine bills, and 11% of it was spent on general outpatient care and services. There is a lot of inequality in health financing in this country, though the richest 20% of the population contribute 43% of the total cost of healthcare service, but the services they receive are lower than the rest. The poorest 20% of the population contribute 9 to 13% of total financing and receive 30 to 40% of the services. As per service level, out of total financing, 40% is spent on the primary level, 38% on the secondary level, and 22% on the tertiary level. Due to the large number of poor people, it is almost impossible to make everyone have health insurance, and the government contributes to the insurance on behalf of those 20% of the poor people [23].

Features of Kazakhstan's healthcare sector

In 1995–1999, Kazakhstan had a vertical structure which accumulated the health sector financing by implementing a compulsory health insurance system.

At that time, the Ministry of Health was in charge of accumulation and procurement. In 1999–2004, a decentralization process was carried out using a horizontal accumulation structure. It reduced regional equity, as each region was too small to establish a separate risk fund. In 2005, a single payer model was brought into use. The government contributes for 60% of total health sector expenditures, and the private sector for 40% [24].

Researchers reckon that Kazakhstan's transition to a single-pay system by doing a health sector reform was a step towards further development [1, 25].

Although each selected country has a different healthcare system and financing sources, there is a single buyer which means one organization is solely in charge of distribution in both Bangladesh and Kazakhstan.

Conclusion

According to the DEA, the efficiency of Mongolia's health sector is 94.5%, which is efficient. It also means first hypothesis of our study is supported. Correlation between important indicators of the health sector was calculated using Person's correlation matrix and from there it could be seen that the amount of financing is not relevant to most of the sector's indicators. If results of these two analyses are combined, the amount of financing for the health sector does not have a significant impact on the efficiency of the sector.

The comparative analysis of Kazakhstan and Bangladesh was conducted in order to determine correspondence, accordance of the sector's financing accumulator and distributor organization's functioning, which is a third hypothesis. Although the revenue of these two countries for financing the healthcare service comes from multiple sources, the distribution is made by one organization, which has become the basis for integrating those sources and putting them into efficient use. Therefore, we conclude that it is appropriate for Mongolia to introduce a single buyer system rather than having a system with multiple participants.

In a developing country, the financing mechanism of the healthcare system is in the order of collecting, accumulating, distributing, and delivering service. It is reckoned that Mongolia's having no independent accumulating organization but having many other types of participants is one of the issues that shall be reformed.

Recommendations

1. The number of doctors per 1,000 people, the number of beds, and the amount of financing are sufficient for the entire population of Mongolia currently. However, as we can see from the results of the research, the number of doctors has the greatest impact on the efficiency of the sector, so it is important to focus on increasing the number of doctors in order to increase efficiency in the future. The number of beds per 1,000 people can currently be considered sufficient.

2. Budget financing is being insufficient as seen from not having a correlation with key indicators of the sector.

3. In order for the population to have health insurance as fully as possible, while keeping the principle of solidarity or equalization, it is reckoned that it would be appropriate to continue implementing the principle in which both the insured and the employer equally pay the fee, and the government pays for the insurance fee for vulnerable groups of society such as children and elderly people.

4. It seems expedient to implement a visionary and consistent policy based on non-multiple participants but a single buyer system in the health financing system. By doing so, division of healthcare package will be eliminated.

5. Having an independent organization responsible for the integrated accumulation of revenues from multiple sources is the basis for the efficient spending of funds in line with long-term goals. Therefore, this type of accumulative organization is needed.

References

1. Health Development Center. (2019) *Health indicators*. Ulaanbaatar: Health Development Center. (In Mongolian).
2. Asandului, L. et al. (2014) The Efficiency of Healthcare Systems in Europe: A Data Envelopment Analysis Approach. *Procedia Economics and Finance*. 10. pp. 261–268. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00301-3
3. Audibert, M. et al. (2013) Health Insurance Reform and Efficiency of Township Hospitals in Rural China: An Analysis from Survey Data. *China Economic Review*. 27. pp. 326–338. DOI: 10.1016/j.chieco.2013.01.004
4. Audibert, M. et al. (2012) *Health Insurance Reform and Efficiency of Township Hospitals in Rural China: An Analysis from Survey Data*. 27 Apr. 2012. [Online] Available from: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00587799> (Accessed: 15.01.2021).
5. Henderson, G. et al. (1995) Distribution of Medical Insurance in China. *Social Science & Medicine*. 41 (8). pp. 1119–1130. DOI: 10.1016/0277-9536(94)00420-X
6. Petitfour, L. (2017) *Potential for Improvement of Efficiency in Health Systems : Three Empirical Studies*. Université Clermont Auvergne, 26 Sept. 2017. [Online] Available from: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02081620> (Accessed: 20.01.2021).
7. Mozir Ahmetov, R.A. (2014) *Uzbekistan health system review*. UN: WHO Regional Office for Europe.
8. Keith, J. & Prior, D. (2014) Scale and Scope Economies in Mexican Private Medical Units. *Salud Pública de México*. 56 (4). pp. 348–354.
9. Farrell, M.J. (1957) The Measurement of Productive Efficiency. *Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General)*. 120 (3). pp. 253–290. DOI: 10.2307/2343100
10. Charnes, A. et al. (1978) Measuring the Efficiency of Decision Making Units. *European Journal of Operational Research*. 2 (6). pp. 429–444. DOI: 10.1016/0377-2217(78)90138-8
11. Bem, A. et al. (2014) Measurement of Health Care System Efficiency. *Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development*. 36 (1). pp. 25–33. DOI: 10.15544/mts.2014.003
12. Asante, A.D. et al. (2014) Assessment of Equity in Healthcare Financing in Fiji and Timor-Leste: A Study Protocol. *BMJ Open*. 4 (12). p. e006806. DOI: 10.1136/bmjopen-2014-006806
13. Chimeddagva, D.B.C. (2017) *Allocation and procurement of financial resources in the health sector*. Ulaanbaatar: World Health Organization, Ministry of Health of Mongolia.

[Online] Available from: <http://meh.mn/wp-content/uploads/2020/05/Strategic-purchasing-report-edited-WHO-comment-MN.pdf> (Accessed: 15.02.2021). (In Mongolian).

14. Gwatkin, D.R. et al. (eds) (2005) *Reaching the Poor with Health, Nutrition, and Population Services: What Works, What Doesn't, and Why*. The World Bank.

15. Tradingeconomics.com. (2021) *Mongolia Corruption Index | 1999–2020 Data | 2021–2023 Forecast | Historical | Chart*. [Online] Available from: <https://tradingeconomics.com/mongolia/corruption-index> (Accessed: 01.03.2021).

16. Kutzin, J. et al. (2010) Lessons from Health Financing Reform in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. *Health Economics, Policy and Law*. 5 (2). pp. 135–147. Cambridge University Press. DOI: 10.1017/S1744133110000010

17. Ministry of Finance. (2015) *Government financial report*. Ulaanbaatar: Ministry of Finance. [Online] Available from: <https://s3.amazonaws.com/rgi-documents/752d6d35baee7dd516dcd2311597ccb53ae2bafc.pdf> (Accessed: 16.02.2021). (In Mongolian).

18. Suvdaa, D. (2019) Budget expenditure reform in Mongolia: Case in Health sector. *Money&Finance*. 2019. pp. 15–22. (In Mongolian).

19. Mongolia, G.O. (2005) *Public Sector Strategic Management*. Ulaanbaatar: ADB, MOF. (In Mongolian).

20. Langenbrunner, J. et al. (eds) (2009) *Designing and Implementing Health Care Provider Payment Systems: How-to Manuals*. World Bank. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/10986/13806> (Accessed: 18.02.2021).

21. Erdene, S.D. (2007) *Social insurance economics and reform issues*. Ulaanbaatar: Admon. (In Mongolian).

22. Anwar, I. (2014) Health System in Bangladesh: Challenges and Opportunities. *American Journal of Health Research*. 2 (6). pp. 366–374. DOI: 10.11648/j.ajhr.20140206.18

23. Azaher Ali, M. & Chunhui Chi. (2017) Who Pays for Healthcare in Bangladesh? An Analysis of Progressivity in Health Systems Financing. *International Journal for Equity in Health*. 16 (1). DOI: 10.1186/s12939-017-0654-3

24. Akhmetov, A. (2017) *Testing the Presence of the Dutch Disease in Kazakhstan*. 27 March 2017. [Online] Available from: <https://mpira.ub.uni-muenchen.de/77936/> (Accessed: 24.02.2021).

25. World Health Organization Regional Office for Europe et al. (2012) *Kazakhstan: Health System Review*. [Online] Available from: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/330319> (Accessed: 24.02.2021).

Information about the authors:

Suvdaa Damiran, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: d.suvdaa@num.edu.mn

Odbileg Dorjdagva, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: odbileg@num.edu.mn

Battulga Sukhbaatar, Mongolian National University of Medical Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia. E-mail: battulga@mnums.edu.mn

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Original article

UDC 331.1

doi: 10.17223/19988648/57/13

The role of leadership in workplace diversity management

Onyeabor Chuks Nwani¹, Ugo Chuks Okolie²

^{1,2} Dennis Osadebay University, Asaba, Delta State, Nigeria

¹ cijenwani@gmail.com

² ugookolie3@gmail.com, orcid.org/0000-0002-0448-2938

Abstract. Although the issue of workplace diversity management has attracted the attention of many researchers and practitioners, studies on the role of leadership in workplace diversity management are still limited especially in developing nations, Nigeria inclusive. The objective of this paper is to examine the role of leadership in workplace diversity management and to contribute to the field of cross-cultural management. The paper utilizes the method of qualitative analysis and synthesis of scientific literature as it relies on secondary data collected from documentations through published and unpublished books, journal articles, and conference proceedings. It also relies on the standpoint theory that a group's experiences create a general and permanent perspective of an immense situation, but without personal experiences one's standpoint cannot become truly comprehensible. The paper therefore concludes that diversity management skills are required by every organization in order to harness the resources that the employees have brought to an organization. It is the active and conscious development of strategic management processes of accepting and using differences and similarities as means of adding value to an organization.

Keywords: workplace diversity, management, leadership role, benefits, challenges

For citation: Nwani, O.Ch. & Okolie, U.Ch. (2022) The role of leadership in workplace diversity management. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 192–201. doi: 10.17223/19988648/57/13

Introduction

The study of workplace diversity in recent times is important because homogeneity is very rare in all aspects of life including physical, economic, and social lives. Animals and plants have diverse species depending on their environments. The different languages we speak as well as the different mode of dressing point to the diverse nature of our existence. Diversity is therefore a common phenomenon in the family, workplace, society, and internationally.

Diversity refers to variety along many dimensions such as race, ethnicity, gender, religious beliefs, marriage systems, physical features, socio-economic status, and political ideologies. Such diversity has to be managed through understanding, acceptance, and respect for each other's beliefs and behavior. Workplace diversity according to Preeti, Poonam, and Ekanshi, is “basically con-

cerned with the similarities and differences in such characteristics as age, gender, ethnic, heritage physical abilities and disabilities, race and sexual orientation among the employees of organization” [1, p. 102]. Workplace diversity management is a strategy that is intended to foster and maintain a positive and conducive workplace environment. Thus, developing a deep understanding of workplace diversity and its management is specifically essential in cross-cultural settings where employees of different cultural backgrounds come together and leaders are confronted with the challenge of managing employees of diverse values and interests [2].

Today, a growing number of progressive organizations are realizing the need for valuing diversity in the workplace, so as to ensure strategic utilization of employees for the achievement of strategic goals and objectives. Effective workplace diversity management, according to Okoro [3], is a key global business success. This is because workforces are becoming progressively multicultural, and the need to understand diversity is extremely important to operate as effectively as possible. Thus, it is essential that organizations develop an effective way to manage diversity to gain a competitive leverage since it is seen as a factor of success [3–4]. The aim of workplace diversity management is to foster unity in diversity by ensuring respect for individual differences among employees. Leadership plays an important role in unifying diverse groups with differing perspectives and interests in the workplace. Hence, adequately managing a multicultural workplace within an organization in recent times is of increasing concerns of organizational leaders. Thus, the objectives of this paper are to examine the role of leadership in workplace diversity management and to contribute to the current feed of cross-cultural management.

Methodology

The paper utilizes the method of qualitative analysis and synthesis of scientific literature as it relies on secondary data collected from documentations in published and unpublished books, journal articles, and conference proceedings, and were content-analyzed in relation to the scope of the paper. A systemic review of literature on the role of leadership in workplace diversity management is made.

Conceptual Clarification

Leadership

Leadership is particularly of huge importance in groups, societies, management, and organizations because of its far-reaching effects on the attainment of goals and objectives. In fact, the success or failure of an organization is often attributed to effective or poor leadership [5]; this is because of the widely held belief that resourceful leaders do make a positive difference and a significant impact on the work performance of individuals, groups, organizations, and the overall achievement of set

goals and objectives. For instance, Bolman and Deal opined that leadership is “universally offered as a panacea for almost any social problem. Around the world, middle managers say their enterprises would thrive if only senior management provided real leadership. A widely accepted Canon holds that leadership is a very good thing that we need more of, at least, more of the right kind” [6, p. 294]. Similarly, it is affirmed that “an organization can have the environmental advantages in the world, strong financial resources, available market position and state-of-the-art technology and still fail in the absence of leadership. Without it, environmental advantages melt away and the organization, like a driverless car, runs downhill” [5]. Therefore, the assumption by most scholars that without leadership no organization can accomplish its policy goals or vision can be considered generally valid. What then is leadership?

The term “leadership” appears to have come from an Anglo-Saxon noun “lad” that means a course, a way and a path which is to lead, or mark, a sense of direction. From the foregoing, leadership may be defined as someone who shows others the way. According to Deretomode, leadership is “an art or process by which a member of a group or organization persuades, inspires influence the attitude, behaviour and actions of others and directs their activities so that the group or organizational members work willingly, cooperatively and enthusiastically towards the accomplishment of set goals and the new and improved position” [5]. In a similar vein, Morphet, Johns, and Reller posit that leadership is “the influencing of the actions, behaviors, beliefs and goals of one actor in a social system by another actor with the willing cooperation of the actor been influenced” [6, p. 97]. In Stogdill’s opinion, leadership is “the process of influencing the activities of an organized group towards goal settings and goal achievement” [7, p. 4]. In the context of this paper, we define leadership as a process whereby an individual influences orders or followers so as to accomplish set goals or objectives.

According to Abah, leadership is “an important aspect of managing group” [8, p. 88]. Managers must exercise all the elements of their roles in order to combine the human and material resources in the appropriate proportion to achieve the desired group objectives. Management activities such as planning, organizing and decision-making are dormant cocoons until the leader triggers the power of motivation in people and guides them towards goals. Thus, leadership transforms potential into reality, it is the ultimate art which brings to success all of the potentials that is in an organization and its people. Therefore, without leadership, the link between the individual and organizational goals may become tenuous. The absence of leadership has the potential of leading to sub-optimization in which individuals work to achieve their own goals while the overall organization becomes inefficient in achieving its objectives.

Workplace Diversity Management

Workplace diversity focuses on the difference that people bring to an organization. It includes the dimensions of influence and perspectives that employees bring into an organization. Diversity as reflected in cases like this is about learning from others who are not the same and who may not have the same perspec-

tive. This type of situations requires respect for the fundamental human rights of everyone, respect for dignity, and willingness to learn from diverse perspectives. Diversity management, according to Cornelius, Gooch, and Todd (2010, cited in [9]), is “an organizational initiative whereby organization focused on valuing differences in addition to non-discrimination and concerns on respecting every individual in the workplace regardless of their race and gender among other valuables” [9, p. 2]. Effective diversity management requires a culture which is inclusive of a work environment that nurtures teamwork, participation and cohesiveness [10]. Similarly, Back (1998, cited in [11]) posits that inclusive behavior is the foundation on which a diverse workforce can work as a single unit. Diversity management policies and programs are designed to create conducive organizational environment.

Tatlic and Ozibilgion [12] propose three approaches towards workplace diversity management. These are the liberal change model, radical change, and transformational change. These approaches emanated from the belief that managing diversity goes far beyond equal employment opportunity and affirmative action. Other management approaches need to be used as complementary means of managing diversity. The aim of the liberal change model is to have a fair labor market from which the best person is chosen on the basis of performance. The human resource management department and top management should approve rules and regulations that are aimed at encouraging fairness and non-discrimination. The liberal change model approach centers on law, compliance, and legal penalties for non-compliance. However, Cox [13] posits that former rules cannot cover every aspect of work life as there are informal aspects to work such as affinity groups and alternative informal communication channels.

In contrast to the liberal approach, radical change seeks to intervene directly in workplace practices in order to achieve a balanced workplace (in regard to all diversity dimension), as well as a fair distribution of rewards among employees. The radical approach is thus focused more on the outcome than on the forming of the rules to ensure equal treatment. One major tool of radical change is quotas which are set by business organizations or national institutions with the aim of regulating diversity in the workplace. However, the quota system has been critically discussed concerning their effectiveness. Arguments for and against the quota system in business organizations or public institutions include ideas such as quota compensation for actual barriers that prevent marginalized members from attaining their fair share of managerial positions to quotas, are against equal opportunity for all and imply that marginalized members only get positions to fill the quota [14]. Sweden’s quota system for parliamentary positions is a positive case for radical change through quota setting. A quota system was introduced in the Swedish parliament with the aim of ensuring that women constitute at least a critical minority of 30 or 40 percent of all parliament seats. Since the introduction of the system in the 1970s, woman representation in the parliament has risen dramatically even above the defined quota. Today, more than 48.5 percent of the parliamentary representatives are women, the number which stands out compared to the global average of 21%.

Transformational change covers an equal opportunity agenda for both the immediate need as well as long-term solution [15]. For the short term, it implements new measures to minimize bias in procedures such as recruitment or promotion. The long term, however, is seen as a project of transformation for an organization. This approach acknowledges the existence of power systems and seeks to challenge the existing hegemony through implementation of equality values. An example of transformational change is aging management; younger employees are seen as more innovative and flexible, while older employees are associated with higher costs of salary, benefits, and health care needs. Therefore, organizations may prefer young workers to older staff. The application of the transformational change concept as an immediate intervention provides need relief, which is why a long-term cultural shift occurs [16]. Therefore, for the short term, an organization can set up legislation preventing discrimination based on age. However, for the long-term solution, negative stereotypes of older employees need to be replaced with the positive realization that younger employees can add value to the workplace through innovation and flexibility that comes with youth. Through transformation change, the short-term solution affords the organization the time necessary to enact deep-rooted culture changes leading to a more inclusive environment.

Benefits of Workplace Diversity Management

Workplace diversity management is beneficial to the organization and its members. Effective workplace diversity management brings substantial potential benefits such as better decision-making and improved problem-solving, greater creativity and innovation, which leads to enhanced product development and more successful marketing of two different types of customers (Cox [13]). Diversity management provides the organization with the ability to compete in global markets. Also, simply recognizing diversity allows employees with talents to feel needed and have a sense of belonging, which in turn increases their commitment to the organization and allows each of them to contribute to the success of the organization in a unique way. Similarly, Kreitz (2008, cited in [1]) affirms that “the advantages of workplace diversity management include increased productivity, increase creativity and problem solving, attracting and retaining talent, help to build communication in teams and it increases market share and number of diverse customers” [1, p. 31]. In addition, Downey, Van Der-Werff, Thomas, and Plant [17] note that the benefits of workplace diversity management in recent time include increase in creativity and productivity, new attributes, new language skills, global understanding, new processes and new solutions to difficult problems, greater ability, better markets insight, stronger customer and community loyalty, innovation, and improved recruitment and retention. To Preeti, Poonam, and Ekanshi [1], the benefits of workplace diversity management include high level of productivity, exchange of varieties of ideas and teamwork, learning and growth, effective communication, and diverse experience.

Challenges of Workplace Diversity Management

One of the greatest challenges that an organization faces when trying to adopt a more inclusive environment is assimilation for any member outside of the dominant group. Simons and Vazquez [18] studied the interplay between power, ideology, and discursive acts which serve to reinforce the hegemonic structure of an organization. In fact, everything (organizational symbols, rituals, and stories) serves to maintain the position of power held by the dominant group. Extending this concept to diversity inclusion where organizations seek to hire or promote individuals that are not part of this dominant group into management positions, a difficult tension develops between the socially constructed organizational norm and the acceptance of cultural diversity. Often times, these individuals are mentored and coached to adopt the necessary traits for inclusion into the privileged group as opposed to being embraced for their differences. Such assimilated people are often denied the opportunities to be themselves. This may eventually decrease organizational performance.

Another challenge faced by organizations striving to foster a more diverse workforce is the management of a diverse population. Managing diversity is more than simply acknowledging differences in people. Sharma [9] contends that workforce that is highly diverse can be difficult to motivate and manage for a variety of reasons. A major challenge is miscommunication within an organization. There are competencies, however, which help to develop effective communication in diverse organizational environments. These skills include self-monitoring, empathy, and strategic decision-making. Self-monitoring refers to a communication awareness of one's behavior and how it affects another person along with one's willingness to modify this behavior based on knowledge of its impact. Strategic decision-making implies that communication sources and channels used to reach organization members as well as substances of messages conveyed are mindfully selected. However, each individual interprets messages differently and discerns meaning based on their unique standpoint and without a willingness to accept a differing standpoint, and an environment is created where marginalized groups have no voice.

Maintaining a culture which supports the idea of employee voice especially for marginalized group members is yet another challenge that a diverse organization faces in recent times. When the organizational environment is not supportive of dissenting viewpoints, employees may choose to remain silent for fear of repercussions or they may seek alternative safe avenues to express their concerns and frustrations such as online forums and affinity group meetings. By finding opportunities such as these to express dissent, individuals can begin to gather collective support and generate collective sense-making which create a voice for marginalized group members so that they can have a collective strength to trigger changes [19].

Theoretical Framework

While there are several theories which might prove appropriate for a discourse of this nature, the standpoint theory presents us with a heuristic tool for interrogating the central issue of the study. This theory reinforces the point that a marginalized group brings a different perspective to an organization that challenges the status quo since their socially constructed worldview will differ from that of the dominant group. Although the standpoint of the dominant group will often carry more weight, a transformational leader will encourage conflicting standpoints to coexist within an organization which will create a forum for a sanctioned conflict to ensue [20]. From the foregoing, the standpoint theory can be summarized to mean a set of theoretical and epistemological propositions designed to produce alternative knowledge. Such alternative is necessary because it destabilizes dominant andocentric knowledge production that excludes unprivileged groups. Thus, the standpoint theory's most important concept is that an individual's own perspectives are shaped by his/her social and political experiences. A group's experiences create a general and permanent perspective of an immense situation but without personal experiences one's standpoint cannot become truly comprehensible.

Conflict stems from challenging the way things have always been done, and/or ideas and problems that have not been explored from multiple perspectives. The standpoint theory gives a voice to those in a position to see the pattern of behavior that those immersed in the culture have difficulty acknowledging. These unique and varying standpoints help to eradicate groupthink which can develop within a homogeneous group. Mathematical modeling research of teamwork by Page [21] reflects this view. His models demonstrate that heterogeneous teams consistently out-performed homogeneous teams on a variety of tasks. He points out, however, that diversity in teamwork is not always simple and that there are many challenges to fostering an inclusive environment in the workplace for diversity, and thought, and ideas. In the final analysis, the relevance of the standpoint theory to this paper is based on its ability to justify how conflicting standpoints co-exist within an organization which further creates a forum for sanctioned conflicts to ensue and help to eradicate groupthink which often develops within a homogeneous group.

The Role of Leadership in Workplace Diversity Management

A study of success in a multicultural organization can be understood by applying theories of leadership which have evolved over time. Among these theories are trait, transformational, and discursive leadership. The trait leadership theory suggests that leadership is dependent on physical and social attributes of the individual. The Great Man Theory of leadership was popular in the 19th century. In supporting the trait leadership theory, the myth of the Great Man Theory was that some famous world leaders such as Julius Caesar, Mahatman Ghandi, Abraham Lincoln, and Alexander the Great were born leaders, and not made.

This theory is largely related to the personality dimension which is core to diversity. Other leadership theorists posit that leaders are made and not born, and may therefore come from diverse origin [22]. This supports the assertion of Kotter [19] who posits that successful organizations seek out people with leadership potential and then expose them to developmental experiences to bring out their potential.

Eisenberg, Goodall, and Trethewey [22] explain that transformational and discursive leadership are very relevant to multicultural organizations. Transformational leadership focuses on making changes using available human resources. Discursive leadership focuses on a leader's ability to shape communication within an organization to achieve results. Thus, effective communication cannot be achieved without a thorough knowledge and understanding of the cultural values, languages, perception, and other relevant bio-data of employees. This agrees with the definition of diversity by Wakk [23], as negotiating interaction across culturally diverse groups and contriving to get along in an environment characterized by cultural diversity. Therefore, transformational and discursive leadership approaches create an organizational culture that allows and encourages managers and top management to use diversity as an influential resource in organizational effectiveness. In addition, styles of leadership that deal with power and authority are autocratic, democratic, and laissez-fair. These styles focus on the distribution and sharing of power between the managers and the subordinates. Managers also use the situational style of Hersey and Blanch [24] in managing diverse employees. These styles are exhibited based on their own experiences, personality, and education among others.

According to Kreitz [25], successful management of diversity needs the HR professionals to have skills in organizational development, communication, psychology, assessment, and leadership. The main role of leadership in workplace diversity management is to develop a strategic plan that illustrates the organization's philosophy on diversity [9]. Also, Shen, Chanda, D'Netto, and Monga [26] affirm that the leader's job is to encourage and help their organizations to incorporate diverse perspectives which facilitate creative collaboration. Creativity is the heart of the business, and has to be managed by the organizational leader because ignoring diversity issues by leadership "costs money, time and efficiency. Some of the consequences can include unhealthy tensions, loss of productivity as a result of increased conflict, inability to attract and retain talented people of all kinds, complaints and legal actions, inability to retain valuable employees resulting in loss investments in recruitment and training and discrimination" [1].

Conclusion

Diversity is an ever present phenomenon in an organization. Due to globalization, the majority of organizations are nowadays expanding their businesses abroad to gain a competitive leverage. In conclusion, diversity management skills are required by every organization in order to harness the resources that

employees have brought to an organization. It is the active and conscious development of strategic management processes of accepting and using differences and similarities as means of adding value to an organization. Diversity rests on fairness and equity, but fairness and equity cannot be enforced without the commitment of leadership and all employees to the idea of unity in diversity. Managers need to understand the effects of the external environment such as culture, religion, affiliations among others on the performance of their employees. Thus, workplace diversity management is aimed at fostering and maintaining a positive and conducive environment that ensures respect for individual differences, and leadership plays a crucial role in the implementation of diversity management strategies. However, there are many challenges to workplace diversity management, one of these is that work teams which are highly diverse can be difficult to motivate and manage for a variety of reasons, but diversity management is not without benefits. Some of these are that it brings better decision-making and improved problem solving, greater creativity and innovation which can enhance and improve service delivery.

References

1. Preeti, B., Poonam, L. & Ekanshi, G. (2014) Workforce diversity management: Biggest challenge or opportunity for 21st century organizations. *IOSR Journal of Business and Management*. 16 (4). pp. 102–107.
2. Benteh-Rahman, U.H.F. (2019) Diversity management and the role of leader. *Open Economics*. 2. pp. 30–39.
3. Okoro, E. (2012) Cross-cultural etiquette and communication in global business: Toward a strategic framework for managing corporate expansion. *International Journal of Business and Management*. 7 (16). pp. 130–139.
4. Stevens, R.H. & Ogunji, E. (2011) Preparing business students for multi-cultural work environment of the future: A teaching agenda. *International Journal of Management*. 28 (2). pp. 528–544.
5. Deretomode, V.F. (2012) *Leadership: Principles and theoretical perspective*. Lagos: Onosomogbowho Ogbinaka Publishers.
6. Johns, R.L., Reller, T.L. & Morphet, E.L. (1982) *Educational organization and administration: Concepts, practices and issues*. Prentice-Hall.
7. Stogdill, R.M. (1950) Leadership, membership and organization. *Psychological Bulletin*. 47. pp. 1–14.
8. Abah, E.O. (2017) *Administrative and management principles, theories and practice*. Paper submitted to the Department of political and Administrative Studies. Kampala International University, Uganda.
9. Sharma, A. (2016) Managing diversity and equality in the workplace. *Cogent Business & Management*. 3. pp. 1–14.
10. Carnevale, A.P. & Stone, S.C. (1994) Diversity beyond the golden rule. *Training and Development*. 48. pp. 22–39.
11. Rahman, U.H.F.B. (2019) Diversity management and the role of leader. *Open Economics*. 2 (1). pp. 30–39.
12. Tatlic, A.M. & Ozibilgion, S. (2002) Understand diversity: Manager's role in organizational change. *Canadian Journal of Administrative Science*. 26. pp. 44–58.
13. Cox, T. (1991) *The multicultural organization diversity*. New Jersey: Pearson Education.

14. Allen, P. (2001) A Complex systems approach to learning in adaptive network. *International Journal of Innovation Management*. 5. pp. 149–180.
15. Cockburn, C. (1989) Equal opportunities: The short and long agenda. *Industrial Relations*. 20 (3). pp. 213–225.
16. Brooke, L. (2003) Human resource Costs and benefits maintaining a mature age workforce. *International Journal of Manpower*. 24 (3). pp. 260–283.
17. Downey, S.N. et al. (2015) The role of diversity practices and inclusion in promoting trust and employee engagement. *Journal of Applied Social Psychology*. 45 (1). pp. 35–44.
18. Simons, G.F. & Vazquez, C.I. (1993) *Transcultural leadership: Empowering the diverse workforce*. London: Routledge.
19. Kotter, J. (1990) *A force of change: How leaders differ from management*. New York: The Free Press.
20. Hekman, D.R. et al. (2017) Does diversity-valuing behavior result in diminished performance ratings for non-white and female leaders? *Academy of Management Journal*. 60 (2). pp. 771–797.
21. Frankel, A. et al. (2007) Using the communication and teamwork skills (CATS) assessment to measure health care team performance. *The Joint Commission Journal on Quality and Patient Safety*. 33(9). pp. 549–558.
22. Eisenberg, E.M., Goodall, H.I. & Trethewey, A. (2010) *Organizational communication*. St. Martins: Bedford Publication.
23. Wakk, C.I. (1995) Diverse approaches to managing diversity. *Journal Applied Behavioural Science*. 31. pp. 68–77.
24. Hersey, P. & Blanchard, O. (1977) *Management of organizational communication*. St. Martins: Bedford Publication.
25. Kreitz, P.A. (2008) Best practices for managing organizational diversity. *Journal of Academic Librarianship*. 34(2). pp. 101–120.
26. Shen, J., Chanda, A., D’Netto, B., & Monga M. (2009) Managing diversity through human resource management: An international perspective and conceptual framework. *The International Journal of Human Resource Management*. 20 (2). pp. 235–251.

Information about the authors:

Onyeabor Chuks Nwani, Dr. Sci., Dennis Osadebay University, Asaba, Delta State, Nigeria. E-mail: cijenwani@gmail.com

Ugo Chuks Okolie, Dennis Osadebay University, Asaba, Delta State, Nigeria. E-mail: ugookolie3@gmail.com, orcid.org/0000-0002-0448-2938

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Мировая экономика

Научная статья
УДК 911.3
doi: 10.17223/19988648/57/14

Институциональное развитие Северного морского пути в рамках модернизации экономики России

Никита Сергеевич Степанов

*Институт экономики Российской академии наук,
Москва, Россия, stepanov720@inecon.ru*

Аннотация. Северный морской путь (СМП), имеющий фундаментальное значение для национальной экономики, является одним из важнейших компонентов системы точечной инфраструктуры страны. Эффективное функционирование и, в частности, стремление повысить конкурентоспособность северных морских портов как в российской, так и в глобальной системе требует хорошо организованной институциональной структуры, направленной на улучшение параметров портовой инфраструктуры и инфраструктуры для обеспечения эффективной перевозки грузов. В статье обобщены основные аспекты институционального обеспечения транспортной инфраструктуры Северного морского пути, учитывающие интеграционную направленность. Предложены направления и принципы модернизационных преобразований СМП. Определено, что основой национального законодательства в сфере модернизации СМП должно стать создание интегрированной транспортной системы на основе институциональных, структурных, технико-технологических изменений на базе интеграции, технологизации и устойчивого экобезопасного развития через применение комбинированной транспортной политики. Отмечено, что для эффективного управления морской транспортной инфраструктурой в первую очередь следует привести в соответствие институциональное обеспечение требованиям международных стандартов, а также обеспечить его сбалансированность на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях.

Ключевые слова: Азия, Европа, Китай, международно-правовые стандарты, морские порты, национальное законодательство, перевозки грузов, ресурсы, Россия, транспортная инфраструктура

Для цитирования: Степанов Н.С. Институциональное развитие Северного морского пути в рамках модернизации экономики России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 00–00. doi: 10.17223/19988648/57/14

World Economy

Original article

Institutional development of the Northern Sea Route within the framework of Russian economy modernization

Nikita S. Stepanov

*Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow,
stepanov720@inecon.ru*

Abstract. The Northern Sea Route, which is of fundamental importance for the national economy, is one of the most important components of the country's point infrastructure system. Effective functioning and, in particular, the desire to increase the competitiveness of northern seaports, both in the Russian and global systems, requires a well-organized institutional structure aimed at improving the parameters of port infrastructure and infrastructure to ensure efficient transportation of goods. The article examines the theoretical and practical aspects of the development of the Northern Sea Route, the modernization of the Russian economy. For the study, methods within the framework of a systematic approach were used. The article summarizes the main aspects of the institutional support of the transport infrastructure of the Northern Sea Route, taking into account the integration orientation. The directions and principles of modernization transformations of the Northern Sea Route are proposed. It is determined that the basis of national legislation in the field of the Northern Sea Route modernization should be international conventions and standards. The laws in the field of maritime transport infrastructure and the Northern Sea Route are briefly reflected on, and it is also established that the current legislation in the field of maritime transport infrastructure fully meets public needs and international legal standards. It is noted that for the effective management of the maritime transport infrastructure, first of all, institutional support should be brought in line with the requirements of international standards, and its balance should be ensured at the mega-, macro-, meso-, and micro-levels.

Keywords: Asia, Europe, China, international legal standards, seaports, national legislation, cargo transportation, resources, Russia, transport infrastructure

For citation: Stepanov, N.S. (2022) Institutional development of the Northern Sea Route within the framework of Russian economy modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 00–00. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/14

Введение

Северный морской путь (далее – СМП), имеющий фундаментальное значение для национальной экономики, является одним из самых важных составляющих системы транспортной инфраструктуры страны. Он также является основным элементом построения систем транспортной сети и транспортных коридоров в Арктике, соединяющим российскую транспортную систему с европейской и азиатскими системами, а значит, и глобальной си-

стемой в качестве элемента мультимодальных транспортных цепочек море – суша. Эффективное функционирование и, в частности, стремление к повышению конкурентности СМП требует капиталоемких инвестиционных мероприятий, направленных на улучшение состояния технического оборудования, особенно северных портов и инфраструктуры [1].

Низкая транспортная доступность Арктики является результатом периферийного расположения, а также слабости существующих транспортных связей. Россия видит необходимость развития коммуникационной инфраструктуры СМП, которая благодаря своему транзитному расположению, может играть очень важную роль в обслуживании международных перевозок между Европой и Азией, включая Китай [2].

Можно согласиться с исследователями, считающими, что развитие СМП, с одной стороны, зависит от темпов модернизации, а с другой – само выступает поставщиком экономического роста [3–6]. Развитие СМП зависит от специфики отраслей и регионов в Арктике и осуществляется в соответствии с изменениями в производственной сфере. Структура производства в современных условиях характеризуется растущей ориентацией не на отраслевую, а на региональную систему хозяйствования. В современных условиях в России возникла острая необходимость ускорить решение проблем развития составляющих СМП, что является одним из самых главных и необходимых условий для модернизационных преобразований экономических отношений в стране.

Материалы и методы

Исследование показало, что СМП занимает ключевое место в развитии российской экономики, поскольку его существование связано с состоянием производительных сил и территориальным разделением труда в Арктике, а также эффективностью функционирования сферы материального производства, прежде всего в сфере освоения природных ресурсов. В процессе исследования были применены методы в рамках системного подхода и анализ научной литературы.

Результаты

Необходимость освоения арктических ресурсов позволила крупнейшим северным морским портам получить значительную финансовую поддержку для реализации ключевых инфраструктурных инвестиционных проектов. Дальнейшая конкурентоспособность СМП во многом будет зависеть от реализации последовательной политики развития отдельных элементов его инфраструктуры [7].

Наиболее важные инвестиции в инфраструктуру морских портов СМП будут сосредоточены в двух основных областях, во-первых, в корректировке параметров портовой инфраструктуры для приема более крупных (с точки зрения их вместимости и грузоподъемности) судов, чем те, которые обслуживались до сих пор. Конкретные действия в этой области будут

включать среди прочего углубление каналов и портовых бассейнов, реконструкцию существующих причалов до новых параметров, строительство новых причалов с необходимой технической инфраструктурой (инженерными коммуникациями), автомобильной и железнодорожной инфраструктурой, связывающей их с резервными объектами, а также подготовку территорий [8–10].

Во-вторых, помимо вышеупомянутой деятельности, больше внимания будет уделяться проектам, направленным на адаптацию инфраструктуры порта к изменяющейся структуре грузов (например, газовый порт). Конкретные действия в этой области будут включать в том числе строительство портовых терминалов вместе с причалом, автомобильной и железнодорожной инфраструктурой, складскими площадками и стоянками, строительство портовых причалов со строительством необходимой технической и коммуникационной инфраструктуры, подъездных путей к этим пристаням, реконструкцию / модернизацию существующих причалов, но не адаптированных к текущим потребностям рынка, выгрузку неиспользуемых портовых бассейнов, что позволит расширить причальную линию. Развитие инфраструктуры СМП также должно быть тесно связано с инвестициями в инфраструктуру для доступа к портам с моря и суши [11–13].

Направления модернизации СМП представлены на рис. 1.

Рис. 1. Направления модернизации СМП. Источник: составлено автором

В основу модернизационных преобразований СМП, по нашему мнению, необходимо положить общеуниверсальные принципы, традиционно выделяемые в модели модернизации общества и сгруппированные по следующим признакам: первая группа – это принципы функциональных изменений (революционность, синергичность, прогрессивность), вторая – это принципы всеобъемлющего процесса модернизации (комплексность, масштабность, универсализация) и третья группа – это принципы временного лага (длительность, стадийность, необратимость) модернизационных процессов. Описание принципов представлено в таблице.

Описание принципов модернизационных процессов СМП

Название	Описание
<i>Принципы функциональных изменений</i>	
1. Принцип революционности преобразований	Переход от «традиционности» к «настоящему» сопровождается радикальными всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и хозяйственной деятельности, в том числе и в транспортном секторе
2. Принцип синергии	Изменения в одной из сфер деятельности отражаются и в других сферах, а общий прогресс оценивается на основе синергетического сочетания модернизации каждой составляющей хозяйства
3. Принцип прогрессивности (эволюционности)	Модернизированные общества имеют гораздо большие возможности по сравнению с традиционными. Материальное и культурное благополучие современного общества по сравнению с традиционным значительно выше
<i>Принципы всеобъемлющего процесса модернизации</i>	
4. Принцип комплексности	Процесс, который нельзя свести к какому-либо одному фактору, аспекту, измерению. Модернизация должна включать такие процессы, как индустриализация, урбанизация, дифференциация, секуляризация, грамотность и образование, рост политической активности и т.д.
5. Принцип масштабности преобразований	Модернизация – процесс глобальный, это общемировое явление, обусловленное диффузией современных идей и технологий из центра в периферию мирового хозяйства, с одной стороны, и с другой – эндогенным развитием других сообществ
6. Принцип универсализации	Существует много типов традиционных обществ, коренным образом отличающихся друг от друга, и общее для них только одно – несовременность. Модернизированные общества, напротив, имеют много общих черт. Модернизация, таким образом, стимулирует тенденции к конвергенции сообществ
<i>Принципы временного лага</i>	
7. Принцип продолжительности	Модернизация – длительный, а не одномоментный процесс, который носит динамический характер при масштабности изменений, но при этом он эволюционен по скорости их осуществления
8. Принцип стадийности	Процесс, в котором возможно выделение уровней или фаз зрелости, по которым должно пройти общество. Общества можно сравнивать между собой и ранжировать в соответствии со степенью их продвижения путем от «традиционности» до «современности»
9. Принцип необратимости	Начав, этот процесс нельзя остановить. Он может сильно варьировать по отношению к разным странам по степени изменений, но не по самому направлению этих изменений

Источник: составлено автором по данным [14–16].

По нашему мнению, в основу модернизации транспортных систем и их инфраструктуры должны закладываться принципы, объединяющие техническую, технологическую и институционально-управленческую составляющие этих изменений. С технологической точки зрения важны также необходимость соблюдения рациональности движения и эффективность взаимодействия всех участников транспортного процесса в условиях модернизационных преобразований. Институциональные изменения в целом отражают изменения в структуре собственности отрасли, структуре управления, организационной структуре, участии частных компаний в выполнении контрактов, отделении инфраструктуры от потенциально конкурирующих предприятий, формировании независимого регулирующего органа, прозрачности регулирования, доступе к инфраструктуре частных компаний и т.д.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о роли государства в институционализации отношений и ресурсном обеспечении модернизации транспортной системы СМП.

Обсуждение

Основная цель модернизации экономики России и транспортных систем страны – создание интегрированной транспортной системы на базе институциональных, структурных, технико-технологических изменений на основе интеграции, технологизации и устойчивого экобезопасного развития через применение комбинированной транспортной политики, что предполагает сочетание рационализма и либерализации, являющейся первейшей задачей для органов государственного управления и, соответственно, осуществление корректировки и уточнения основной миссии с обязательным переходом от кукоотраслевого к функциональному подходу [17].

На новом этапе государственная транспортная стратегия России должна выражать активную позицию государства по совершенствованию транспортной системы, это касается прежде всего снижения совокупных расходов общества, зависящих от транспорта, повышения конкурентоспособности отечественной транспортной системы, усиления инновационной, социальной и экологической направленности развития транспортной отрасли [18].

Таким образом, в рамках определения институциональных основ развития СМП в условиях модернизации было проанализировано нормативно-правовое регулирование морской транспортной инфраструктуры, что позволяет сделать выводы о том, что отечественное законодательство в данной сфере находится на этапе интенсивного развития. Стремление России к евразийской интеграции обеспечивает процесс согласования национального законодательства с международными требованиями. Для достижения эффективности модернизации необходимо провести унификацию административных и правовых норм. Именно это будет способствовать избеганию препятствий по привлечению инвестиций в морскую транспортную инфраструктуру, что, в свою очередь, обеспечит повышение конкурентоспособ-

ности СМП и его востребованность в качестве основного транспортного канала между Европой и Азией.

Заключение

По результатам проведенного исследования сформулирована важнейшая цель модернизации СМП – создание интегрированной транспортной системы на базе институциональных, структурных, технико-технологических изменений на основе интеграции, технологизации и устойчивого экобезопасного развития через применение комбинированной транспортной политики и либерализации. Показано, что институциональная основа развития СМП в рамках модернизации, в свою очередь, базируется на рациональном применении механизма государственно-частного партнерства с целью оптимального ресурсного обеспечения модернизации и дальнейшего инновационного развития транспортных систем по принципу стимулирования инвестиционного, инновационного и кадрового обеспечения.

В результате можно обеспечить создание эффективного СМП, интегрированного в мировую транспортную сеть, его безопасное функционирование, достижение Россией статуса регионального транспортного хаба, удовлетворение потребностей бизнеса в перевозках и улучшение условий ведения бизнеса, чтобы достичь конкурентоспособности и эффективности национальной экономики.

Список источников

1. Степанов Н.С. Институциональные механизмы развития Арктики и влияние других стран на модернизацию экономики Северного морского пути // *Modern Economy Success*. 2021. № 1. С. 44–52.
2. Киенко Е.В. Правовые основы сотрудничества Китайской Народной Республики с арктическими государствами в освоении недр Арктики // *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)*. 2021. № 3-1. С. 199–213.
3. Степанов Н.С., Соколовская Е.А. Развитие Северного морского пути как фактор ускорения экономического роста // *Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс : сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции / под ред. В.М. Бондаренко*. 2020. С. 423–430.
4. Гаврилова К.А. Северный морской путь в официальном российском дискурсе: стратегии определения функциональных и географических границ // *Сибирские исторические исследования*. 2020. № 3. С. 62–75.
5. Тибилов Д.П., Домахина Ю.А. Специфика российских инфраструктурных компетенций в развитии экспортно-ориентированных компаний минерально-сырьевого комплекса // *Уголь*. 2020. № 9 (1134). С. 18–23.
6. Дробаденко В.П., Малухин Г.Н., Луконина О.А., Салахов И.Н. Современное состояние проблем освоения твердых минеральных ресурсов дна морей и океанов // *Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал)*. 2021. № 3-1. С. 99–109.
7. Журавель В.П. Председательство в Арктическом совете: от Финляндии к Исландии // *Современная Европа*. 2019. № 4 (89). С. 97–108.
8. Степанов Н.С. Модернизация портовой инфраструктуры Северного морского пути // *Федерализм*. 2020. Т. 25, № 3 (99). С. 52–65.

9. Копылов А.С., Карасёв Г.А., Кожиев Х.Х., Кондратьев Ю.И. Разработка золото-содержащих наносов на шельфе Чукотского моря // ГИАБ. 2020. № 11-1. С. 158–168.
10. Zysk K. Russia Turns North, Again: Interests, Policies, and the Search for Coherence // Handbook of the Politics of the Arctic / ed. L.C. Jensen, G. Hønneland. Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2015. P. 437–461.
11. Цветков В.А., Дудин М.Н., Юрьева А.А. Стратегическое развитие арктического региона в условиях больших вызовов и угроз // Экономика региона. 2020. № 3. С. 680–695.
12. Åtland K. Russia's Northern Fleet and the Oil Industry-Rivals or Partners? Petroleum, Security, and Civil-Military Relations in the Post-Cold War European Arctic // Armed Forces & Society. 2009. Vol. 35, № 2. P. 362–384.
13. Прищепа О.М., Боровиков И.С., Грохотов Е.И. Нефтегазоносность малоизученной части северо-запада Тимано-печорской нефтегазоносной провинции по результатам бассейнового моделирования // Записки Горного института. 2021. С. 66–81.
14. Носов М.Г. Россия в контексте китайского проекта «Один пояс – один путь». Статья первая // Современная Европа. 2020. № 5. С. 33–45.
15. Pierre C., Olivier F. Relevance of the Northern Sea Route (NSR) for bulk shipping. Transportation Research Part A // Policy and Practice. 2015. № 78 (10). P. 337–346.
16. Воронов К.В. Северные страны и Россия: «неприкосновенный запас» прочности двусторонних отношений // Современная Европа. 2021. № 1. С. 33–40.
17. Мачерет Д.А. Транспортный фактор формирования эпохи современного экономического роста // Экономическая политика. 2019. № 1. С. 154–179.
18. Вуоренняя Марья-Леена. Северное измерение: взаимовыгодное сотрудничество сегодня и в будущем // Современная Европа. 2019. № 3 (88). С. 36–41.

References

1. Stepanov, N.S. (2021) Institutional mechanisms for the development of the Arctic, and the influence of other countries on the modernization of the economy of the Northern Sea Route. *Modern Economy Success*. 1. pp. 44–52. (In Russian).
2. Kienko, E.V. (2021) Legal framework for the arctic subsoil management cooperation between the People's Republic of China and Arctic states. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' – Mining Informational and Analytical Bulletin*. 3-1. pp. 199–213. (In Russian). DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_199
3. Stepanov, N.S. & Sokolovskaya, E.A. (2020) [Development of the Northern Sea Route as a factor of accelerating economic growth]. *Vozmozhnye stsennarii budushchego Rossii i mira: mezhdistsiplinarynyy diskurs* [Possible Scenarios of the Future of Russia and the World: Interdisciplinary discourse]. Proceedings of the 11th International Kondrat'ev Conference. Moscow. 20–21 October 2021. Moscow: Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya sodeystviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'eva. pp. 423–430. (In Russian).
4. Gavrilova, K.A. (2020) The northern sea route in Russian official discourse: strategies for determining functional and geographical boundaries. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 3. pp. 62–75. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/29/5
5. Tibilov, D.P. & Domakhina, Yu.A. (2020) Specificity of Russian infrastructure competencies in the development of export-oriented companies of the mineral resource complex. *Ugol'*. 9 (1134). pp. 18–23. (In Russian). DOI: 10.18796/0041-5790-2020-9-18-23
6. Drobadenko, V.P. et al. (2021) Solid marine mineral mining: current situation. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' – Mining Informational and Analytical Bulletin*. 3-1. pp. 99–109. (In Russian). DOI: 10.25018/0236_1493_2021_31_0_99
7. Zhuravel', V.P. (2019) The chairmanship in the Arctic Council: from Finland to Iceland. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 4 (89). pp. 97–108. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope4201997107

8. Stepanov, N.S. (2020) Modernization of the port infrastructure of the Northern Sea Route. *Federalizm*. 3 (99). pp. 52–65. (In Russian). DOI: 10.21686/2073-1051-2020-3-52-65
9. Kopylov, A.S. et al. (2020) Development of gold-containing nanosensors on the shelf of the Chukot sea. *Gornyy informatsionno-analiticheskiy byulleten' – Mining Informational and Analytical Bulletin*. 11-1. pp. 158–168. (In Russian). DOI: 10.25018/0236-1493-2020-111-0-158-168
10. Zysk, K. (2015) Russia Turns North, Again: Interests, Policies, and the Search for Coherence. In: Jensen, Ch. & Hønneland, G. (eds) *Handbook of the Politics of the Arctic*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, pp. 437–461.
11. Tsvetkov, V.A., Dudin, M.N. & Yur'eva, A.A. (2020) Strategic development of the Arctic region in the context of great challenges and threats. *Ekonomika regiona – Economy of Region*. 3. pp. 680–695. (In Russian). DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-1
12. Åtland, K. (2009) Russia's Northern Fleet and the Oil Industry-Rivals or Partners? Petroleum, Security, and Civil-Military Relations in the Post-Cold War European Arctic. *Armed Forces & Society*. 2 (35). pp. 362–84. DOI: 10.1177/0095327X08316151
13. Prishchepa, O.M., Borovikov, I.S. & Grokhotov, E.I. (2021) Oil and gas content of the understudied part in the northwest of the Timan-Pechora oil and gas province according to the results of basin modeling *Zapiski Gornogo instituta – Journal of Mining Institute*. pp. 66–81. (In Russian). DOI: 10.31897/PMI.2021.1.8
14. Nosov, M.G. (2020) Russia in the context of the Chinese “Belt and Road Initiative” project. Article one. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 5. pp. 33–45. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope520203345
15. Pierre, C. & Olivier, F. (2015) Relevance of the Northern Sea Route (NSR) for bulk shipping. *Transportation Research Part A. Policy and Practice*. 78 (10). pp. 337–346. DOI: 10.1016/j.tra.2015.05.020
16. Voronov, K.V. (2021) The nordic countries and Russia: an untouchable reserve of strength to maintain bilateral relations. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 1. pp. 33–40. (In Russian).
17. Macheret, D.A. (2019) The Transport Factor of Formation of the Era of Modern Economic Growth. *Ekonomicheskaya politika – Economic Policy*. 1. pp. 154–179. (In Russian).
18. Vuorenpyaya, M.-L. (2019) The northern dimension: mutual beneficial cooperation. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 3(88). pp. 36–41. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope320193641

Сведения об авторе:

Степанов Н.С. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития, Институт экономики Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: stepanov720@inecon.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.S. Stepanov, Cand. Sci. (Economics), Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: stepanov720@inecon.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Дискуссионная площадка

Научная статья
УДК 33
doi: 10.17223/19988648/57/15

Опыт формирования территориального бренда и границы метода

Михаил Семенович Каз^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, misk3@mail.ru*

² *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники,
Томск, Россия*

Аннотация. Множественность территориальных брендов – это проблема многих крупных и небольших городов, регионов, историко-культурных и природных территорий. Однако она продолжает оставаться малоисследованной. Вместе с тем понимание причин, по которым мы вновь и вновь вынуждены наблюдать это явление на той или иной территории, абсолютно необходимо для успешного решения задач их стратегического развития. С другой стороны, анализ указанного феномена позволяет провести исследование концептуальных предпосылок, обуславливающих возникновение ситуации множественности брендов территории, и открывает возможность на практике проверить справедливость некоторых теоретических концепций. Для достижения данных целей была проанализирована, на примере г. Томска и Томской области, история и логика формирования территориального бренда, роль городской и региональной администраций на разных этапах его становления и развития. В работе также раскрыты концептуальные установки участников процесса формирования бренда территории, которыми они вольно или невольно руководствуются, принимая решения в данной области. Результаты исследования показали, что принципы когнитивного релятивизма оказывают существенное влияние на принятие решений лиц, вовлеченных в деятельность по формированию и управлению территориальным брендом, а также позволили установить границы применимости указанной выше методологической установки.

Ключевые слова: стратегическое развитие территории, когнитивный подход, субъективное пространство, формирование бренда города

Для цитирования: Каз М.С. Опыт формирования территориального бренда и границы метода // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 211–228. doi: 10.17223/19988648/57/15

Discussions

Original article

Experience in the formation of a territorial brand and the boundaries of the method

Mikhail S. Kaz^{1,2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, misk3@mail.ru

² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia

Abstract. The plurality of territorial brands is a problem of many large and small cities, regions, as well as historical, cultural, and natural territories; however, it continues to be under-researched. At the same time, understanding the reasons why we again and again have to observe this phenomenon in a particular territory is absolutely necessary for the successful solution of the tasks of their strategic development. The analysis of this phenomenon makes it possible to study the conceptual prerequisites that determine the emergence of a situation of a plurality of territorial brands and opens up the possibility of testing the validity of some theoretical concepts in practice. To achieve these objectives, using the example of the city of Tomsk and Tomsk Oblast, I analyze the history and logic of the formation of a territorial brand, the role of city and regional administrations at different stages of its formation and development. I also reveal the conceptual attitudes of the participants in the process of forming the territorial brand, which they voluntarily or involuntarily follow when making decisions in this area. The results of the study show that the principles of cognitive relativism have a significant impact on the decision-making of persons involved in the formation and management of a territorial brand, and also make it possible to establish the limits of applicability of the above methodological setting.

Keywords: strategic development of territory, cognitive approach, subjective space, city brand formation

For citation: Kaz, M.S. (2022) Experience in the formation of a territorial brand and the boundaries of the method. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 211–228. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/15

Я отстаиваю... экономику, которая использует и математику, и статистику, и эксперименты, но использует также и... историю, биографии, лингвистику, философию, теологию и литературоведение.

Д. Макклоски

Введение

В своем знаменитом труде «Общая теория занятости, процента и денег» Джон Мейнард Кейнс писал: «...идеи экономистов и политических мыслителей – и тогда, когда они правы, и тогда, когда они ошибаются, – более могущественны, чем обычно думают... Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно

являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого» [2, с. 370]. Данный тезис справедлив и в отношении более широкого круга установок методологического свойства, которые, часто подспудно, лежат в основе действий, предпринимаемых как государственными деятелями, так и административными руководителями различных уровней управления. Это предоставляет прекрасную возможность проверить на практике справедливость некоторых теоретических заявлений, а значит, установить границы применимости соответствующих концептуальных построений.

По данным К. Вуигниер, основная масса статей, опубликованных по теме «брендинг места» может быть отнесена к категории «государственное управление» [3]. Работы, посвященные влиянию концептуальных установок участников процесса формирования и управления брендом территории, отсутствуют. Вместе с тем очевидно, что их явные или чаще неявные, но всегда существующие концептуальные предпочтения формируют поле и логику принятия решений, а следовательно оказывают значительное влияние на их результативность.

В данной статье проанализированы границы применимости базовых положений постмодернизма, методологического анархизма и когнитивной концепции в практике формирования территориального бренда.

Как известно, постмодернизм, пытаясь уловить фрагментарность и раздробленность опыта современного человека, выдвигает в число ведущих понятия многовариантности, равноценности, фрагментарности. Касаясь его истоков, один из идеологов постмодернизма Вольфганг Вельш заявлял, что «в эпоху телекоммуникаций разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом; однородность разновременного стала новым естеством. Общая ситуация взаимопроникновения различных концепций и точек зрения более чем реальна» [4].

Идейным предшественником данного течения явилась концепция методологического анархизма, введенная в научный оборот Полом Фейерабендом. Предложенный им в отношении научных исследований принцип «допустимо все» [5, с. 47] получил дальнейшее признание в теории постмодерна и особенно широкое распространение в тех областях знания, где нет «наивного соответствия теории и поля наблюдения» [6, с. 12]. К ним, несомненно, относится и деятельность в области формирования и управления брендом.

Стратегии и бренды

«Брендинг города, – пишет В. Дубейковский, – абсолютно бессмыслен, если вы не знаете, чем ваш город будет заниматься через 10 лет. Как можно строить бренд, не понимая, в какой конкретно отрасли и с какой аудиторией он будет работать? – такова логика тех, кто ратует за первоочередность стратегии развития над разработкой бренда города» [7]. Другие исследователи замечают: «Продвижение территории имеет смысл только в том случае, если сформулирована ключевая идея освоения территориаль-

ных ресурсов (добыча энергоресурсов, промышленное производство, логистика, централизация и т. д.)» [7; 8, с. 112]. Эти высказывания проясняют роль, которая Администрацией Томской области, в рамках программы формирования региональных брендов, возлагалась на стратегический анализ, «проведённый с участием более 300 региональных, отраслевых и международных экспертов» [9].

Что же касается областного центра, то в нем, с опорой на результаты указанного анализа, была разработана «Стратегия развития города Томска до 2020 года». В ней в качестве одной из основных поставлена задача: «Формирование имиджа столицы межгородского общения, столицы местного самоуправления... Поиск путей ее реализации должен был быть гармонизирован с “золотым проектом” Губернатора Томской области “Томск – город форум”» [10, с. 7].

Помогло ли нормативное закрепление целей стратегического развития области и регионального центра в формировании эффективно работающего бренда территории?

Анализ показывает, что некоторый монизм в брендообразовании, сложившийся до принятия стратегии, сменился господством множественности, концептуальной базой которой выступает методологический анархизм.

Действительно, «Томск» как понятие, относящееся к географическому пространству, в пространстве гуманитарном на многие десятилетия был накрепко связан с метафорой «Сибирские Афины». «Сибирские Афины, – пишет А. Соколова, – неофициальное название Томска, которое часто употребляется в отношении к его особому цивилизационному положению в Сибири, сравнимому с настоящими Афинами – столицей Греции. Неофициальное название появилось в конце XIX века после открытия в Томске первого в Сибири университета. Таким образом, Томск стал образовательным центром всей азиатской части России. Название широко используется в местных СМИ, а также в качестве названий: в частности, издаётся литературный альманах “Сибирские Афины”, проводится одноимённый конкурс, выпускается минеральная вода, есть шахматная команда» [11].

Начало современной (послеперестроечной) истории формирования бренда г. Томска относится к концу 1990-х гг., когда в Томске состоялся Инновационный форум (1998 г.), а вскоре был принят региональный закон «Об инновационной деятельности» (1999 г.) [12]. Он предусматривал: «концентрацию выделяемых на инновационную деятельность ресурсов на приоритетных направлениях социально-экономического развития Томской области» [12] и «формирование среды, привлекательной для инвестиций» [12]. С этого времени Томская область в целом и г. Томск в частности начинают позиционироваться как «инновационный регион», где «источником новостей выступают различные вузы, компании, научные институты» [13].

В руководстве региона и города в этот период кратно растёт число сторонников ребрендинга территории. Новостной ресурс VTOMSKE.RU приводит мнение, высказанное по этому поводу одним из высокопоставлен-

ных сотрудников городской администрации: «Мы слишком долго доказывали сами себе, что мы особенные и великие. Бренд “Сибирские Афины”... стал штампом и существует только для внутреннего пользования» [11].

Открывая «ящик Пандоры»

Альфред Маршалл утверждал, что экономическая теория искажает «ощущение пропорций», так как выделяет лишь те элементы, которые поддаются исследованию аналитическими методами. Однако, подлинное ощущение пропорциональности, по его мнению, дают только исторические знания [14, с. 13].

Уже в 2000 г. начинается формирование Томска как «Умного города». Тогда А.С. Макаров, бывший в то время мэром города, выиграл свои вторые выборы на эту должность под лозунгом: «Умному городу – чистые выборы» [15]. В 2019 г. новый мэр Иван Кляйн в рамках нацпроекта «Жилье и городская среда» «поручил собрать предложения... по реализации проекта “Умный город”» [16]. Так, в непрекращающихся поисках единой метафоры, наиболее емко определяющей, с учетом меняющегося исторического контекста, что такое Томск и кто такие томичи, с помощью понятия «Умный город» была предпринята попытка создать альтернативу давно сложившимся представлениям о Томске как о «Сибирских Афинах» (князь К.Н. Вяземский, 1891 г.), «Сибирском Ленинграде» (времена строительства социализма). Вспомним: «Если Новосибирск – это сибирская Москва, то Томск – это сибирский Ленинград». А были еще и «сибирский Оксфорд» (профессор И.Н. Бутаков), и «Снежные Афины» (драматург Н. Эрдман), и «сибирское Сколково» («Российская газета»).

Однако по мере продвижения проекта «Томск – умный город» как внутри страны, так и за ее пределами неудовлетворенность результатами ренейминга, как способа осовременивания бренда [17], сохранялась. А. Севостьянов (заместитель мэра по информационной политике), сокрушаясь по поводу того, что в утвержденном списке городов, университеты которых получили статус «федеральный», Томск не значится, отмечал: «Мы должны продвигать наш имидж, нашу репутацию за пределами Томска ... формирование имиджа города в данный момент актуально как никогда. Причина в том, что города России стали конкурировать друг с другом за привлечение государственных и частных инвестиций, за ключевые места в рейтингах» [11].

Не менее амбициозным стал проект по закреплению за Томском статуса «Студенческая столица России». Вот что об этом писало информационное агентство «СибНовости Томск» в марте 2013 г.: «Возможно, Томск получит право называться студенческой столицей страны. ... Соответствующий пакет документов мэрия подготовила в Роспатент. Напомним, Томск считается одним из ведущих образовательных центров России. В городе находятся шесть государственных университетов – педагогический, политехнический, госуниверситет, систем управления и радиоэлектроники, меди-

цинский и архитектурно-строительный. В вузах обучаются 72,2 тысячи человек. Каждый восьмой житель Томска – студент» [18]. А в 2015 г. уже общенациональная «Российская газета» сообщала: «...это даст новый импульс развитию Томска как научно-образовательного центра с общероссийским и мировым признанием, – сообщили в томской мэрии... Его правообладателем является администрация города Томска. Соответствующая запись в государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания появилась 19 ноября 2015 года. Срок действия регистрации истекает 13 мая 2024 года» [19]. Тот же чиновник в интервью, упоминавшемся выше, следующим образом комментирует эту и подобные ей инициативы: «Более активное позиционирование Томска как студенческого города также актуально, поскольку в стране происходит смена модели образования – создание федеральных университетов» [11].

«Чем я обязан Томску? – писал известный российский детский писатель Александр Волков, автор книги “Волшебник Изумрудного города”, в автобиографическом очерке “Невозвратное”. – Начну с категорического утверждения: всем, чего я достиг в жизни, и, быть может, даже и самим своим долголетием я обязан тому, что в глубине Сибири, на берегу быстрой Томи, стоит город Томск» [20].

«В 2014 году идею одной из выдвигавшихся на конкурс альтернативных концепций бренда (по мотивам сказочной повести “Волшебник Изумрудного город”) взяли на вооружение томские предприниматели, – писала в журнале “Эксперт” исследователь К.С. Полунина. – В городе построили и открыли крупный торговый центр «Изумрудный город». Рядом с ним поставили монумент персонажам произведения Александра Волкова. А в 2015 году состоялось открытие туристского информационного центра, главной задачей которого является продвижение нового туристического бренда. Он сопряжен с легендой о том, что Томск стал прообразом знаменитого Изумрудного города в сказках Александра Волкова. В 2001 году выяснилось, что автор Александр Волков был связан с Томском своей студенческой молодостью. Принимая во внимание то, что в то время в городе было огромное количество замечательных образцов деревянного зодчества, можно предположить, что Волков через несколько десятков лет сделал Томск прототипом своего произведения» [21].

Итак, в результате усилий, предпринятых в последние годы администрацией области и города Томска, появилась целая плеяда новых, часто отличающихся разноречивой направленностью брендов: «Умный город» (2000 г.); «Томск – город форум» (2006 г.); «Студенческая столица России» (2013 г.); «Изумрудный город» (2014 г.); «Это по-сибирски» (2015 г.).

Проблему выбора усугубляли:

– общая особенность любого социального знания: невозможность, как правило, провести контролируемый эксперимент. В этих условиях предъявление с помощью эксперимента, решающего доказательства превосходства одного концептуального построения над другим, опирающееся на четкие критерии их оценки, подменяется «риторическим методом» науч-

ного спора, полагающимся на критерии “относительной убедительной силы”» [22, с. 30]. Заметим, кстати, что некоторые авторы считают: даже эмпирические экономические расчеты следует относить к категории «риторические приемы», поскольку их основной целью является убеждение, а не доказательство. Как иначе, сокрушался, например, лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Коуз, могла бы сложиться ситуация, когда в Чикагском университете указанные расчеты вновь и вновь подтверждают превосходство монетарной политики, в то время как в Йельском университете – фискальной [23];

– осмысление в социально-гуманитарном знании роли и принципов когнитивного подхода [24, 25]. Данный подход развивает концепцию многообразия, сформулированную в рамках методологического анархизма, а значит, укрепляет позиции его фундаментального принципа «допустимо все». Это позволило не просто приоткрыть, а широко распахнуть «ящик Пандоры» в брендообразовании региона.

Действительно, когнитивный подход утверждает: невозможно отыскать двух абсолютно одинаковых индивидов, а потому образу среды, формирующемуся в сознании каждого индивида, присущи черты его индивидуальности.

Результаты эксперимента, проведенного К. Линчем, являются прекрасной иллюстрацией данного принципа. В работе «Образ города» он пишет, что предложил испытуемым нарисовать одну и ту же часть им всем хорошо знакомой городской территории. Однако рисунки, полученные в ходе эксперимента, имели мало общего. К. Линч объяснил это тем, что на них получили отражение индивидуальные ментальные представления участников исследования об организации внешнего пространства. Э. Толмен обозначил комбинации повторяющихся от рисунка к рисунку элементов (пути, узлы, ориентиры и т.д.) термином «когнитивная карта» [26, с. 172].

Зримым, в прямом смысле, примером реализации ментальных представлений является также индекс лучших брендов городов (индекс Анхольта). Для его расчета используются результаты опросов населения, проживающего на территории 40 стран. В процессе регулярно проводимых исследований (выборка составляет 20–25 тыс. человек) респонденты делятся своими представлениями о самых известных городах нашей планеты. «Уникальность этого рейтинга, – пишет Д.В. Визгалов, – в том, что опрошиваемые не оценивают реальное положение дел в городах – во многих им даже не приходилось бывать – они демонстрируют свое представление о них. Таким образом, при всех сомнениях относительно методологии индекса Анхольта – это попытка измерения и оценки именно городских брендов... Забавно, например, что, оценивая чистоту улиц в Лондоне, участники опроса поставили его на 11-е место в рейтинге, в то время как по действительному уровню чистоты столица Великобритании занимает 102-е место из 215 в соответствующем рейтинге, проводимом компанией Mercer Human Resources (<http://www.mercer.com>). «Незаслуженное» 11-е место свидетельствует о силе лондонского бренда» [17, с. 77].

Приведенные примеры показывают, что элементы окружающей среды избирательно интегрируются в субъективное пространство личности. Питирим Сорокин замечал по поводу этой его особенности: «Значения... создают ощутимую причинную взаимозависимость... там, где на базе биофизических свойств такая взаимосвязь не существует; напротив, они исключают причинную зависимость там, где в противном случае она бы существовала» [27, с. 204–205]. Пройдя через механизм восприятия, окружающая среда предстает не столько как физическая, сколько как социальная реальность благодаря тому, что оказывается «социально нагруженной» установками и эмоциональными реакциями индивида, а также его представлениями и мнениями, а значит, состоит скорее из концептов, чем из понятий.

Развитие вышеуказанного базового принципа когнитивного подхода позволило ряду авторов в рамках вновь возникших дисциплин географической направленности предложить в качестве предмета исследования следующие ранее малоизвестные феномены: географический образ, культурный ландшафт, геокультуру и т.д. Ввести, с другой стороны, в достаточно устоявшуюся, хотя и далекую от этого круга явлений дисциплину «экономика труда» новый предмет исследования «мир труда» [28–30].

Итак, когнитивный подход вскрывает механизмы формирования образа, в том числе и территории, но не дает ответа на вопрос о желательном направлении его формирования. Если проблема «формирования образа» отражает дескриптивный взгляд на исследуемое явление (истинно ли то, что мы утверждаем), то проблема «желательности» – нормативный (хорошо ли то, что мы наблюдаем).

Нормативизация, являющаяся неизбежным этапом стратегического планирования, выполняет в том числе функцию «защиты от разнообразия». Насколько полно ее удалось реализовать в отношении формирования бренда территориального образования город Томск?

О чем говорят исследования

Действия и высказывания сотрудников администраций различного уровня, ответственных за формирование образа территории, представленные выше, свидетельствуют: тренд на многообразие, формирующий дух эпохи постмодерна, преодолел ориентацию на единообразие, диктуемую всякой концепцией планирования (в том числе и стратегического развития региона). Однако основная масса жителей города, как показывают результаты проведенных прикладных исследований, осталась верна исторически сложившимся представлениям о нем и регионе в целом.

Так, исследователи из Томского государственного педагогического университета провели анализ медиаобраза инновационного Томска. С этой целью они проанализировали частоту появления в СМИ материалов, формирующих инновационный образ города [31]. Их вывод: несмотря на предпринимаемые усилия по конструированию образа Томска в традици-

онных СМИ и электронном пространстве, у него сохраняется «излишне традиционный имидж» [31, с. 169].

Другой проект – сравнительное исследование осведомленности о бренде города населения и гостей Томска и Иркутска. Его авторы А.В. Скрипник и Д.Д.-Н. Корнилова пишут: «Чтобы определить уровень осведомленности жителей г. Томска и приезжих об имидже города... нами было организовано анкетирование студентов и сотрудников учреждений среднего профессионального и высшего профессионального образования г. Томска. ...Общее количество респондентов – 200 человек (100 %), из них женщин – 81 %, мужчин – 19 %. Большинство опрошенных – томичи (72 %)». На вопрос «Знаете ли Вы, что такое бренд города? Сформулируйте свое определение бренда» 59 % ответили отрицательно и не смогли сформулировать определение бренда. Отметим, что в каждой возрастной группе большую часть составляют именно неосведомленные респонденты. Больше всего таких в группе 45 лет и более, что вполне объяснимо, поскольку бренд – понятие относительно новое, а потому неизвестное людям, работающим не в сфере маркетинга и рекламы.

Остальные респонденты под брендом города понимают следующее:

- 1) «лицо» города, образ города в глазах населения – 3 %;
- 2) визитная карточка города – 5 %;
- 3) герб – 2 %;
- 4) символ, знак – 8 %;
- 5) торговая марка – 9 %;
- 6) престиж, репутация – 2 %;
- 7) уникальность города – 8 %;
- 8) другое (то, что модно, историческое зодчество и т.п.) – 4 %.

На вопрос «Нужен ли Томску бренд?» лишь 22 % ответили, что нужен, а на вопрос «Знаете ли Вы, что у Томска есть бренд?» – «да» ответили и того меньше – 8 % опрошенных [32, с. 93–94].

Далее авторы исследования отмечают: «...большинство (76 %) респондентов (как томичей, так и приезжих) не знают о том, что у Томска есть бренд. Те немногие, кто все же что-то слышал о бренде или уверен в том, что у Томска есть бренд, предложили следующие его варианты: архитектура; зодчество; город студентов; конь; герб; Сибирские Афины; университетский город; старинный, но молодёжный, деревянный, но современный; конфеты “Птичье молоко”; футбольная команда “Томь”; Томский государственный университет» [32, с. 94].

Что касается ответа на вопрос: «Какой имидж нужен Томску?», то 40 % принявших участие в анкетировании томичей заявили, что научно-образовательный, 12 % – инновационный, 7 % – культурный. Лишь 1 % – туристический. Остальные выбрали несколько вариантов [32, с. 95].

А.В. Скрипник и Д.Д.-Н. Корнилова приходят к следующему заключению: «Результаты опроса позволяют сделать вывод о том, что Томск по-прежнему воспринимается жителями, прежде всего, как Сибирские Афины в силу наличия большого числа высших учебных заведений. Попытки изменить имидж города (например, последние несколько лет Томск позициони-

руется исключительно как инновационный город) пока не увенчались успехом, возможно, из-за того, что сложно за несколько лет разрушить традицию, сложившуюся веками, возможно, из-за того, что жители не видят в городе никаких инноваций, возможно, в силу других причин» [32, с. 95].

Завершая проведенное сравнительное исследование, его авторы отмечают: «Сопоставляя восприятие респондентами имиджей двух сибирских городов, отметим, что при явном различии объединяет их общая неосведомленность жителей (хотя в Иркутске процент неосведомленных меньше). Продвижение имиджа и бренда города чаще всего осуществляется спонтанно и носит хаотичный, непродуманный характер. Для достижения эффекта работа по продвижению желаемого имиджа должна вестись постоянно и на всех уровнях социальной иерархии, быть четко продуманной и организованной. Только в этом случае через несколько лет, возможно, будет виден ее результат» [32, с. 97].

16 июля 2015 г. «Фондом содействия развитию территорий» был объявлен конкурс на лучшую концепцию территориального бренда. Его цель – «...выбор лучшей концепции бренда, призванной отражать особенности территории, выделять её на фоне других субъектов Российской Федерации, способствовать повышению её узнаваемости и конкурентоспособности» [33].

Как сообщало «Агентство новостей ТВ-2»: «По итогам интернет-голосования лидером среди проектов на звание бренда – стал проект “Это по-сибирски”... За проект, ставший лидером, проголосовали 1 079 человек. ...авторы этого проекта обыграли особенности региона с помощью шуток о сибиряках. Второе и третье места в голосовании заняли проекты с акцентом на экономическую специфику региона и деревянное зодчество Томска. Проект, занявший второе место, набрал 1 064 голоса. В нем отражена концепция “Наше будущее в наших руках!”. На третьем месте с 1041 голосом проект “Область открытий”, в основе визуального образа которого буква “Т”, стилизованная под “деревянное кружево”. Далее расположились проекты “Многогранный город” (1234), “Область с умом! Город с умом!” (1105)» [34].

Содержание многих из представленных на конкурс проектов исследователи из Томского государственного педагогического университета характеризовали как «не выдерживающие никакой критики», «стиль концепций – вульгарно разговорный», «визуальный образ большинства концепций не отличается друг от друга» и делали общий вывод: «Безусловно, разработка и продвижение имиджа города – необходимый и очень важный процесс, который не может быть основан на... абсурдных концепциях» [32, с. 92–93].

Таким образом, идея многообразия, активно пропагандировавшаяся П. Фейерабендом и другими сторонниками «когнитивного релятивизма», не всегда используется даже на стадии разработки бренда. Об этом свидетельствует и вывод, к которому пришли П.Ю. Макаров и А.Е. Илларионов по результатам анализа опыта 10 российских регионов: «Некоторые регионы пытаются создать бренд путем конкуренции среди жителей... но это не

удалось... Существует потребность в более сложной процедуре, чем простая открытая конкуренция» [35].

Как было показано И.Н. Ефимовой, имидж университета важен для 67% абитуриентов [36]. Вместе с тем согласно концепции «суммарного эффекта», предложенной в 1989 г. С. Ханом [37], позитивное или негативное отношение потребителей к конкретной продукции или компании из другой страны с большой вероятностью обуславливает аналогичное восприятие ими и самой данной страны. Продолжив эту полезную аналогию, можно заключить, что имидж вузов Томска, безусловно, в какой-то мере оказывает влияние на восприятие России в мире, но в значительно большей степени – на имидж Томска.

Расчеты, проведенные Ю.О. Ивановой на основе разработанной автором статистической модели, позволили ей прийти к следующему заключению: «Наибольшее число ведущих российских вузов попадает в группу неэффективно использующих свои имиджевые преимущества – 45 % из Топ-100 вузов России. 35 %... оценивается нами как достаточно эффективное использование имиджа. Всего 20 % из сотни ведущих вузов максимально эффективно используют имидж» [38, с. 135]. Что касается томских университетов, то почти все они, согласно результатам исследования, относятся к группе «неэффективно использующих имиджевые характеристики». Введенный автором так называемый «коэффициент использования имиджевых преимуществ» (КИИП) составляет у томских университетов: ТПУ (+0,001); ТГУ (–0,502); ТУСУР (–0,503); СГМУ (–0,629) ТГПУ (–0,805) [23, с. 195–198]. Это косвенно подтверждает ранее сделанный рядом исследователей вывод: в Томской области и городе Томске, несмотря на предпринятые многочисленные попытки и немалые усилия, отсутствует единая долгосрочная политика по формированию бренда.

Обсуждение и выводы

Ситуация с брендообразованием, сложившаяся в Томске, с теоретической точки зрения полностью корреспондирует с вышеупомянутым принципом методологического анархизма: «допустимо все», сформулированным Полом Фейерабендом в отношении научных исследований.

Пролиферация (размножение) – термин, введенный знаменитым философом для обоснования научной деятельности как процесса производства научных теорий, конкурирующих между собой, казалось бы неявно оправдывает сложившуюся в Томске ситуацию многообразия брендов территории. Действительно, она кажется неизбежной, поскольку особенность территориального брендинга (в отличие от товарного, корпоративного или персонального), как отмечает Г.Л. Тульчинский, состоит в следующем: «...у него не может быть одного собственника, некоего единственного субъекта, юридического или физического лица. Власть не может в одиночку разработать эффективный бренд города или региона – потому что у бизнеса, общественных организаций могут быть свои брендбуки» [39, с. 66]. Однако мысль П. Фейерабенда о том, что «пролиферация теорий благотворительна

для науки, в то время как их единообразие ослабляет ее критическую силу» [5, с. 53], в полной мере может быть отнесена лишь к процессу разработки бренда, но не к процессу его практического применения. К сожалению, именно это мы в настоящее время наблюдаем в практике формирования образа Томска. Не случайно исследователи территориального бренда в первую очередь бьют тревогу по поводу указанной «разноголосицы» (от «Изумрудного города» до «Студенческой столицы России»).

Сложившийся в Томской области подход к практике «эксплуатации» бренда опирается на теоретический фундамент «когнитивного релятивизма», лежащий в основе как методологического анархизма, так и все шире распространяющегося постмодернизма. Вместе с тем неудовлетворительные результаты, о которых сообщают исследователи практики формирования образа этой сибирской территории, демонстрируют несостоятельность идеи тотального применения данной концепции, по крайней мере, в указанной частной сфере деятельности.

В области брендинга «когнитивный релятивизм» полезен на этапе разработки бренда. Его принципы также чрезвычайно важно учитывать в той части организации процесса коммуникаций с потребителями, которая относится к формированию в их сознании концептуальных обобщений повседневных впечатлений от предметов и явлений (так называемых «ключевых понятий»). Последнее обусловлено тем, что в современном обществе «ключевые понятия» (а бренд территории входит в их число), по меткому замечанию А. Моля, человек вырабатывает «статистическим путем». Иными словами, теперь на их роль претендуют не понятия, выработанные в ходе систематического образовательного процесса, а полученные по большей части из СМИ. Они разрозненны, фрагментарны и случайно связаны, а потому образуют в сознании структуру, похожую на мозаику. В этом исключительно пестром полотне только те понятия или их комбинации, которые отличаются наибольшей частотой упоминания, приобретают статус «ключевых».

Однако что касается этапа принятия итоговых решений по запуску бренда, то, как показывает опыт Томской области, следование данным принципам приводит к большому разнообразию используемых брендов территории, что не способствует формированию ее согласованного образа. Отсутствие у лиц, принимающих решения, «фундаментальной идеи... способной обуздать многочисленные стремления, противоречащие друг другу достижения, надежды, догматические предрассудки, существующие сегодня, и направить их к некоторому гармоничному развитию» [5, с. 27] является прямым следствием игнорирования этого факта¹.

Итак, проведенное исследование свидетельствует: при выработке решений в рассматриваемой сфере территориального управления необходимо следовать умеренному когнитивному релятивизму (применение принципов когнитивного релятивизма лишь на некоторых этапах процесса формиро-

¹ С данной мыслью П. Фейерабенда трудно не согласиться, хотя она противоречит логике его собственной концепции.

вания и развития бренда), а не радикальному (применение его принципов на всех этапах указанного процесса). Последнее, к сожалению, получило повсеместное распространение в современной практике разработки территориального бренда.

Е.А. Постникова обращает внимание на то, что «существует некое эмпирическое правило в брендинге территории: бренд у территории должен быть один» [40, с. 149]. Однако, как показано в статье, региональные элиты вновь и вновь готовы отказываться от следования ему, оставаясь вольно или невольно горячими сторонниками радикального когнитивного релятивизма. Именно поэтому вопрос «Куда идет наш город?», поставленный перед томиками газетой «Сибирский вестник» еще в 1860 г., продолжает оставаться актуальным до сих пор, причем не только для Томска.

Список источников

1. *McCloskey D.N.* Preface for Final Volume of Bourgeois Era. 2014. Chicago : The University of Chicago Press, 2014. 5 p. URL: <http://www.deirdremccloskey.org/docs/pdf/NewMcCloskeyPreface.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
2. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. М. : Издательство иностранной литературы, 1948. 454 с.
3. *Vuignier K.* Place branding and place marketing 1976–2016: a multidisciplinary literature review // *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2017. Vol. 14, № 4. P. 447–473. doi.org/10.1007/s12208-017-0181-3.
4. *Welsch W.* Unsere postmoderne moderne. Weinheim : VCH, Acta Humaniora, 1987. 344 p.
5. *Фейерабенд П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания. М. : АСТ, 2007. 413 с.
6. *Лоренцер А.* Археология психоанализа. М. : Прогресс-Академия, 1996. 303 с.
7. *Дубейковский В.* 39 вопросов // *CityBranding blog*. URL: <http://citybranding.ru/vopros25> (дата обращения: 2.06.2020).
8. *Бритвин А.М., Климина А.В.* Символический капитал как инструмент продвижения территории (на примере города Арамили) // *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы*. 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24 апреля 2015 г.) / ред. А.М. Бритвин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 200 с.
9. *Инновационная стратегия Томской области*. URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvvZDTO/vvvZDTO3-3soziyv-3/vvvZDTO3-3soziyvTO3-4 (дата обращения: 12.06.2020).
10. *Городская целевая программа «Внешнее позиционирование города Томска» на 2009–2011 годы*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/951825043> (дата обращения: 11.05.2020).
11. *Соколова А.* Бренд-нейм Томска вводит в недоумение // *Новости VTOMSKE.RU*. URL: <https://news.vtomske.ru/details/4137-brend-neim-tomska-vvudit-vnedoumenie> (дата обращения: 11.05.2020).
12. *Об инновационной деятельности в Томской области*. ОЗ № 13-03 от 2 июня 1999 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/951805561> (дата обращения: 14.03.2020).
13. *Буров А.* Причеши мысль: в Томске стартует XIV Инновационный форум // *Российская газета*. 2011. 20 мая. URL: <https://rg.ru/2011/05/20/forum-tomsk.html> (дата обращения: 16.03.2020).
14. *Marshall A., Whitaker J.K.* The correspondence of Alfred Marshall // *Economist*. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 1996. Vol. 3. 516 p.

15. Три мэра Томска. URL: <https://ria.ru/20130919/964325009.html> (дата обращения: 18.05.2020).
16. Кляйн поручил задействовать томские компании в проекте «Умный город». URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20191202/tomsk-umnij-gorod-uchastie-v-proekte> (дата обращения: 20.05.2020).
17. Визгалов Д.В. Брендинг города. М. : Институт экономики города, 2011. 160 с.
18. Томск, возможно, получит статус студенческой столицы России // СибНовости. Томск. 2013. URL: <http://tomsk.sibnovosti.ru/society/233768-tomsk-vozmozhno-poluchit-status-studencheskoy-stolitsy-rossii> (дата обращения: 21.04.2020).
19. Граф Н. Ученая марка. Город стал студенческой столицей России // Российская газета. Федеральный выпуск № 289 (6860). URL: <https://rg.ru/2015/12/22/tomsk.html> (дата обращения: 26.04.2020).
20. Город, который стал прототипом. URL: expert.ru/siberia/2015/28/gorod-kotoryiy-stal-prototipom (дата обращения: 18.05.2020).
21. Полунина К.С. Бренд города Томска: особенности, подходы к формированию и новый вектор развития. URL: <http://connect-universum.tsu.ru/blog/cuj2015/1299.html> (дата обращения: 18.05.2020).
22. Ронкалья А. Богатство идей. История экономической мысли. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 656 с.
23. Coase R. Essays on Economics and Economists. Chicago : The University of Chicago Press, 1994. 232 p.
24. Каз М.С. Динамика экономического знания и мотивация труда: когнитивно-ценностный подход. Томск : Томский государственный университет, 2003. 351 с.
25. Каз М.С. Почему в экономических исследованиях необходим когнитивный подход? // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 29–40.
26. Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и человека // История психологии. XX век / ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М. : Академический Проект, 2005. 833 с.
27. Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М. : ИПЛ, 1992. 543 с.
28. Каз М.С. Дискурс и развитие экономического знания // Вопросы экономики. 2003. № 12. С. 81–94. doi.org/10.32609/0042-8736-2003-12-81-94
29. Каз М.С. Мотивация труда: трансформация структуры теоретико-методологического знания и когнитивно-ценностный подход // Вопросы экономики. 2005. № 1. С. 82–95. doi.org/10.32609/0042-8736-2005-12-82-95
30. Каз М.С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 28–39. doi.org/10.31857/S013216250013853-1
31. Булатова Т.А., Глухов А.П. Инновационный образ Томска. Позиционирование в традиционных медиа и сети интернет // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 3 (144). С. 162–171.
32. Скрипник А.В., Корнилова Д.Д.-Н. Маркетинговые и культурологические составляющие имиджа города (на материале г. Томска и Иркутска). Ч. 2 // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 3 (35). С. 91–98. doi.org/10.17223/1998863X/35/9
33. Об утверждении государственной программы «Улучшение инвестиционно-го климата и укрепление международных и межрегиональных связей Томской области»: Постановление Администрации Томской области от 26.11.2014 № 436а. URL: <https://invest.tomsk.gov.ru/documents/front/view/id/1261> (дата обращения: 07.06.2020).
34. Брендом в интернет-голосовании выбрали проект «Это по-сибирски». URL: <https://tv2.today/TV2Old/Tomichi-vybrali-brendom-tomskoy-oblasti-proekt-eto-po-sibirski#ixzz6JGIWvVv8> (дата обращения: 04.06.2020)
35. Makarov P.Y., Illarionov A.E. The role of regional administrations in improving place branding effectiveness. An exploratory study // Journal of Place Management and Develop-

ment. 2020. № 4. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JPM-06-2019-0045/full/html> (дата обращения: 04.05.2020). doi.org/10.1108/JPM-06-2019-0045

36. Ефимова И.Н. Социологический анализ рынка образовательных услуг с целью выявления мотивации абитуриентов 2011 года при выборе вуза // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 19–25.

37. Han C.M. Country image: Halo or summary constant? // Journal of Marketing Research. 1989. № 26 (2). P. 222–229.

38. Иванова Ю.О. Механизм формирования и развития имиджа образовательных организаций высшего образования. М. : Финансовый университет, 2019. 207 с.

39. Тульчинский Г.Л. От бренда города к бренду агломерации: консолидация социума и символическая политика // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24 апреля 2015 г.) / ред. А.М. Бритвин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 200 с.

40. Постникова Е.А. Брендинг территории как инструмент повышения туристской привлекательности регионов (на примере Малого Серебряного кольца России) // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. 2015 : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24 апреля 2015 г.) / ред. А.М. Бритвин. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 200 с.

References

1. McCloskey, D.N. (2014) *Preface for Final Volume of Bourgeois Era*. Chicago: The University of Chicago Press. [Online] Available from: <http://www.deirdremccloskey.org/docs/pdf/NewMcCloskeyPreface.pdf> (Accessed: 10.07.2020).

2. Keynes, J.M. (1948) *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General Theory of Employment, Interest and Money]. Translated from English. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

3. Vuignier, K. (2017) Place branding and place marketing 1976–2016: a multidisciplinary literature review. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 4 (14). pp. 447–473. DOI: 10.1007/s12208-017-0181-3.

4. Welsch, W. (1987) *Unsere postmoderne Moderne*. Weinheim: VCH, Acta Humaniora.

5. Feyerabend, P. (2007) *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoy teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an Anarchist Theory of Knowledge]. Translated from English. Moscow: AST.

6. Lorenzer, A. (1996) *Arkheologiya psikhoanaliza* [Archeology of Psychoanalysis]. Translated from German. Moscow: Progress-Akademiya.

7. Dubeykovskiy, V. (n.d.) 39 voprosov [39 questions]. *CityBranding blog*. [Online] Available from: <http://cityb-branding.ru/vopros25> (Accessed: 2.06.2020).

8. Britvin, A.M. & Klimina, A.V. (2015) [The symbolic capital as a tool for promoting the territory (for example, Aramil city)]. *Branding malyykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy. 2015* [Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects. 2015]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 24 April 2015. Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russian).

9. Tomskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Tomsk Regional Local Lore Museum] (n.d.) *Innovatsionnaya strategiya Tomskoy oblasti* [Innovative strategy of Tomsk Oblast]. [Online] Available from: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/virt_vist/vvvZDTO/vvvZDTO3-3soziyv-3/vvvZDTO3-3soziyvTO3-4 (Accessed: 12.06.2020).

10. Legislative Duma of Tomsk Oblast (2008) *Gorodskaya tselevaya programma "Vneshnee pozitsionirovanie goroda Tomsk" na 2009–2011 gody* [City target program "External positioning of the city of Tomsk" for 2009–2011]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/951825043> (Accessed: 11.05.2020).

11. Sokolova, A. (2008) Brend-neym Tomsk: vvodit v nedoumenie [Brand name of Tomsk is confusing]. *Novosti. VTOMSKE.RU*. [Online] Available from:

<https://news.vtomske.ru/details/4137-brend-neim-tomska-vvodit-v-nedoumenie> (Accessed: 11.05.2020).

12. State Duma of Tomsk Oblast. (1999) *Ob innovatsionnoy deyatel'nosti v Tomskoy oblasti. OZ No 13-03 ot 2 iyunya 1999 goda* [On innovative activity in Tomsk Oblast. OZ No. 13-03 of June 2, 1999]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/951805561> (Accessed: 14.03.2020).

13. Burov, A. (2011) Pricheshi mysl': v Tomske startuet XIV Innovatsionnyy forum [Comb your thought: the 14th Innovation Forum starts in Tomsk]. *Rossiyskaya gazeta*. 20 May. [Online] Available from: <https://rg.ru/2011/05/20/forum-tomsk.html> (Accessed: 16.03.2020).

14. Marshall, A. & Whitaker, J.K. (1996) *The correspondence of Alfred Marshall, Economist*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press.

15. RIA Novosti [RIA News]. (2013) *Tri mera Tomska* [Three mayors of Tomsk]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20130919/964325009.html> (Accessed: 18.05.2020).

16. RIATomsk.ru. (2019) *Klyayn poruchil zadeystvovat' tomskie kompanii v proekte "Umnyy gorod"* [Klein instructed to involve Tomsk companies in the Smart City project]. [Online] Available from: <https://www.riatomsk.ru/article/20191202/tomsk-umnij-gorod-uchastie-v-proekte> (Accessed: 20.05.2020).

17. Vizgalov, D.V. (2011) *Brending goroda* [Branding of the City]. Moscow: Institut ekonomiki goroda.

18. SibNovosti. Tomsk. (2013) *Tomsk, vozmozno, poluchit status studencheskoy stolitsy Rossii* [Tomsk may receive the status of the student capital of Russia]. [Online] Available from: <http://tomsk.sibnovosti.ru/society/233768-tomsk-vozmozno-poluchit-status-studencheskoy-stolitsy-rossii> (Accessed: 21.04.2020).

19. Graf, N. (2015) Uchenaya marka. Gorod stal studencheskoy stolitse Rossii [The scientific stamp. The city became the student capital of Russia]. *Rossiyskaya gazeta. Federal'nyy vypusk*. 289 (6860). [Online] Available from: <https://rg.ru/2015/12/22/tomsk.html> (Accessed: 26.04.2020).

20. Mikhaylov, V. (2015) Gorod, kotoryy stal prototipom [The city that became the prototype]. *Ekspert*. [Online] Available from: expert.ru/siberia/2015/28/gorod-kotoryij-stal-prototipom (Accessed: 18.05.2020).

21. Polunina, K.S. (n.d.) *Brend goroda Tomska: osobennosti, podkhody k formirovaniyu i novyy vektor razvitiya* [The brand of the city of Tomsk: features, approaches to formation and a new vector of development]. [Online] Available from: <http://connect-universum.tsu.ru/blog/cuj2015/1299.html> (Accessed: 18.05.2020).

22. Roncaglia, A. (2018) *Bogatstvo idey. Istoriya ekonomicheskoy mysli* [Wealth of Ideas. History of Economic Thought]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.

23. Coase, R. (1994) *Essays on Economics and Economists*. Chicago: The University of Chicago Press.

24. Kaz, M.S. (2003) *Dinamika ekonomicheskogo znaniya i motivatsiya truda: kognitivno-tsennostnyy podkhod* [Dynamics of Economic Knowledge and Motivation of Labor: Cognitive-value approach]. Tomsk: Tomsk State University.

25. Kaz, M.S. (2009) Pochemu v ekonomicheskikh issledovaniyakh neobkhodim kognitivnyy podkhod? [Why is a cognitive approach necessary in economic research?]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 29–40.

26. Tolmen, E. (2005) Kognitivnye karty u krysa i cheloveka [Cognitive maps in rats and humans]. In: Gal'perin, P.Ya & Zhdan, A.N (eds.) (2005) *Istoriya psikhologii. XX vek* [History of Psychology. 20th Century]. Moscow, Akademicheskii Proekt.

27. Sorokin, P. (1992) *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo*. [Man, Civilization, Society]. Translated from English. Moscow: IPL.

28. Kaz, M.S. (2003) Discourse and Development of Economic Knowledge. *Voprosy ekonomiki*. 12. pp. 81–94. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2003-12-81-94

29. Kaz, M.S. (2005) Labor Motivation: Transformation of the Theoretical and Methodological Knowledge Structure and Cognitive and Value Approach. *Voprosy ekonomiki*. 1. pp. 82–95. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2005-12-82-95
30. Kaz, M.S. (2021) The “World of labour” of working retirees: dilemmas and meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 28–39. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250013853-1
31. Bulatova, T.A. & Glukhov, A.P. (2014) The innovative image of Tomsk: positioning in mass media and internet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (144). pp. 162–171. (In Russian).
32. Skripnik, A.V. & Kornilova, D.D.-N. (2016) Marketing and cultural components of the image of the city (on the basis of Tomsk, Irkutsk). Part 2. Research of population’s awareness about the image of the city. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3 (35). pp. 91–98. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/35/9
33. Official Website of Tomsk Region Administration. (2014) *Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy “Uluchshenie investitsionnogo klimata i ukreplenie mezhdunarodnykh i mezhhregional’nykh svyazey Tomskoy oblasti”*. *Postanovlenie Administratsii Tomskoy oblasti ot 26.11.2014 436a* [On the approval of the state program “Improving the investment climate and strengthening international and interregional ties of Tomsk Oblast”. Resolution of the Administration of Tomsk Oblast No. 436a of November 26, 2014]. [Online] Available from: <https://invest.tomsk.gov.ru/documents/front/view/id/1261> (Accessed: 7.06.2020).
34. TV2. (2015) *Brendom Tomskoy oblasti v internet-golosovanii vybrali proekt “Eto po-sibirski”* [The Project “It’s Siberian” was chosen as the brand in the Internet voting]. [Online] Available from: <https://tv2.today/TV2Old/Tomichi-vybrali-brendom-tomskoy-oblasti-proekt-eto-po-sibirski#ixzz6JGIWvVv8> (Accessed: 4.06.2020)
35. Makarov, P.Y. & Illarionov, A.E. (2020) The role of regional administrations in improving place branding effectiveness. An exploratory study. *Journal of Place Management and Development*. 4. [Online] Available from: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JPM-06-2019-0045/full/html> (Accessed: 04.05.2020). DOI: 10.1108/JPM-06-2019-0045
36. Efimova, I.N. (2012) Sociological analysis of the market of educational services to identify the prospective students motivation in their choice of the university. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 4. pp. 19–25. (In Russian).
37. Han, C.M. (1989) Country image: Halo or summary constant? *Journal of Marketing Research*. 26 (2). pp. 222–229.
38. Ivanova, Yu.O. (2019) *Mekhanizm formirovaniya i razvitiya imidzha obrazovatel’nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya* [The Mechanism of Formation and Development of the Image of Educational Institutions of Higher Education]. Moscow: Finansovyy universitet.
39. Tul’chinskiy, G.L. (2015) [From the city brand to the agglomeration brand: consolidation of society and symbolic politics]. *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy. 2015* [Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects. 2015]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 24 April 2015. Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russian).
40. Postnikova, E.A. (2015) [Branding of the territory as a tool for increasing the tourist attractiveness of regions (on the example of the Small Silver Ring of Russia)]. *Brending malykh i srednikh gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy. 2015* [Branding of small and medium-sized cities of Russia: experience, problems, prospects. 2015]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg. 24 April 2015. Yekaterinburg: Ural Federal University. (In Russian).

Сведения об авторе:

Каз М.С. – профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры стратегического менеджмента и маркетинга Института экономики и менеджмента, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); профессор кафедры экономики, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: misk3@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.S. Kaz, Dr. Sci. (Economics), National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia. E-mail: misk3@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЭКОНОМИКА**

Tomsk State University Journal of Economics

2022. № 57

Редактор Е.В. Лукина
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 20.03.2022 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 14,3; усл. печ. л. 18,6. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 4943.

Дата выхода в свет 05.04.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
сайт: <http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru